

смена

2006

СЕНТЯБРЬ • 9

14 Хрупкая муза Мане

50 Обманутая любовью

160 «Счастливица» на... эшафот!

Берта Моризо
стр. 14—29

Основан в январе 1924 года

2006 • СЕНТЯБРЬ (1703)

Главный редактор

Михаил Кизилов

Зам. главного редактора

Тамара Чичина

Главный художник

Надежда Веселова

Над номером работали:

Башкеев Максим

Вартанян Галина

Исмагилова Олеся

Калинина Людмила

Молчанова Надежда

Подольяк Кирилл

Подорванова Светлана

Силакова Марина

Чейшвили Владимир

Учредитель — ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

**Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.**

Набор, верстка и оформление

ООО «Издательский дом журнала «Смена».

Отпечатано в ОАО «Смоленский

полиграфический комбинат»

по адресу: 214020, Смоленск,

ул. Смольянинова, д. 1.

Журнал выходит

12 раз в год.

© «Смена», 2006

Проект осуществляется
при поддержке Федерального
агентства по печати
и массовым коммуникациям

Подписной индекс в почтовых
отделениях **70820** (по каталогу
Агентства «Роспечать»)

ISSN 0131-6656

Наш журнал вы всегда
можете купить в киосках сети

«Аргументы и факты»

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 19, стр. 2,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

612-15-07 — для справок.

Факс (495) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения: (495) 257-31-37
sales@smena-id.ru

Сдано в набор 15.07.2006.

Подписано к печати

22.08.2006.

Печать офсетная.

Заказ № 14689

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

Журнал
зарегистрирован
в Комитете
Российской
Федерации
по печати
Per. № 014832

ЧУДЕСА НА ПЛАНЕТЕ

Игорь Опарин
Собор Святого Витта 4

ВСЕМИРНАЯ ГАЛЕРЕЯ

Ирина Опимах
Берта Моризо 14

ИЗДАЛЕКА

Любовь Русева
**Звезда
первой величины** 30

ЗАРУБЕЖНЫЙ РАССКАЗ

Мардж Блейн
**Мои комплименты
шеф-повару** 39

ПОЭЗИЯ

Ирина Путьева 48

ДЕТЕКТИВ

Рэй Фоли
**Ей так хотелось
верить** 50

РАССКАЗ

Катерина Измайлова
Экспедиция 109

КРИМИНАЛ

Анастасия Климская
Преступление мадонны 122

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

Светлана Бестужева-Лада
Гламурный синдром 126

ЗВЕЗДЫ ЭКРАНА

Владимир Кислов
Самая желанная 129

СПОРТ

Максим Башкеев
Что нам стоит трек построить? 140

РАНДЕВУ

Лариса Абкарова
Иван Жидков:
«В сегодняшней жизни
мне нравится все!» 147

НОВОСТИ ЕВРОПЫ

Денис Логинов
Казнь 163-го горожанина 160

МУЗЫКА

Ольга Быстрых
Рэп в российском исполнении 167

ПЕРСОНА

Евгения Гордиенко
Не бойся, Альфред!.. 176

КУЛИНАРИЯ

Евгения Гордиенко
Запекай! 186

О РАЗНОМ

Максут Хундамов
От карбоната к чемпионату 155

Алла Люден
Снегурочка не тает
в сентябре 172

Максим Башкеев
Холоден сентябрь, да сыт 182

КРОССВОРД 188

ЭРУДИТ 190

РЕКЛАМА 192

Олег Суворов Возмездие

Старушка-пенсионерка, собиравшая в лесопарке пустые бутылки, наткнулась на труп неизвестного мужчины и тут же обратилась за помощью в милицию. По подозрению в убийстве был задержан бизнесмен-компьютерщик Алексей Таманцев, у которого в этом лесопарке была назначена встреча с другом Борисом. Так много надо было рассказать друг другу — ведь Алексей лишь недавно вернулся из Нью-Йорка после чудовищного теракта 11 сентября.

Все улики были против него, и, пока шло следствие, Борис, спасая друга, оказался втянутым в калейдоскоп событий, связанных и с криминалом, и с ФСБ, и даже с ЦРУ...

АНОНС: ОКТЯБРЬ 2006

СОБОР

Святого Витта

Игорь Опарин

Когда видишь поразительные по красоте витражи, алтарь, скульптуры, когда слышишь величественные звуки органа, понимаешь — здесь живет

душа чешского народа, здесь бьется его сердце, и не услышать это биение просто невозможно...

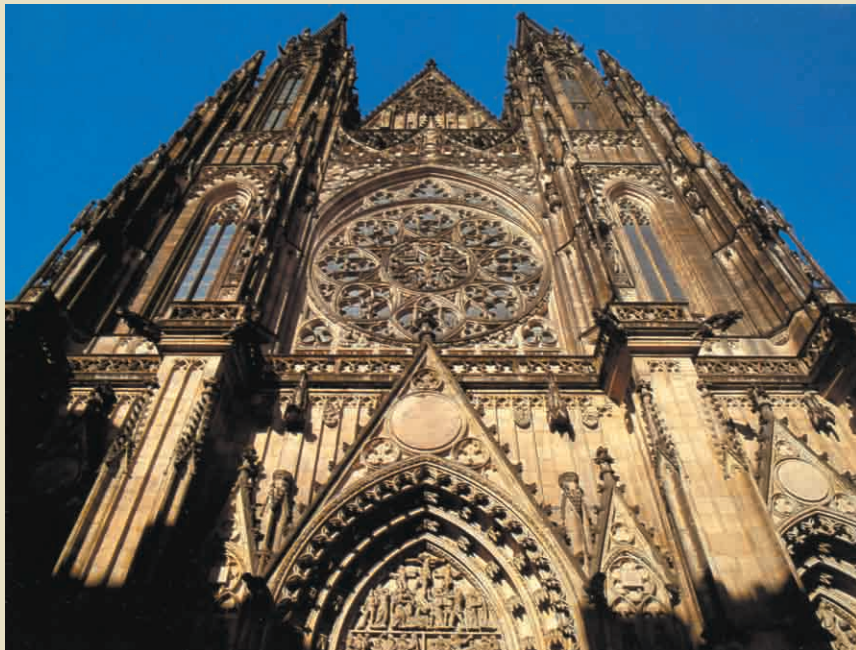

Прага — одна из самых красивых столиц мира, город, овеянный легендами и мифами...

В древней летописи, составленной Козьмой Пражским, жившим в XII веке, повествуется о прекрасной Либуше, основательнице Праги и родоначальнице чешских князей Пржемыслов. Как-то поднялась Либуша вместе со своим мужем,

ла. И прославится их имя по всему свету, и в гости к ним будут приезжать князья да короли из дальних стран», — в упоении и гордости за своих потомков говорила она.

В общем, так все и случилось. Бросил Пржемысл, по совету жены, крестьянское дело и основал на берегу Влтавы город, тот самый, что мы ныне называем Златой Прагой.

местным крестьянином, на скалистый утес, что возвышался над быстрой Влтавой. Глаз их радовали колоссящиеся хлеба, поблескивавшие золотом в лучах заходящего солнца. И тогда вдруг Либуша, будто воочию увидев будущее, произнесла слова, ставшие пророчеством. «На месте этих лугов и лесов поднимется прекрасный город, и править в нем будут сыны и внуки Пржемыс-

К IX веку его князья Пржемыслови, построившие себе большой замок на левом берегу реки, уже были полноправными правителями Чехии и Моравии. А в 926 году правивший тогда в Богемии князь Вацлав расширил маленькую ротонду, превратил ее в часовню — базилику и посвятил святому Витту, юноше, жившему в Римской империи во времена Диоклетиана, в пе-

риод гонений на первых христиан, и отдавшему свою жизнь за христианского Бога. Однако сие благочестивое деяние князя не спасло — он погиб страшной, мученической смертью. А погубил Вацлава его брат — язычник Болеслав. Вацлав с тех пор обрел статус святого мученика и похоронен он в часовне святого Витта.

В 1305 году умер последний князь из рода Пржемыслов. Чехия была заманчивой добычей, и охота за ней стала главным делом представителей самых разных королевских домов Европы. В 1310 году чешские дворяне и духовенство выбрали своим королем Иоанна Люксембурга, женившегося на Элишке, сестре последнего Пржемысла. Однако Прага оказалась для него абсолютно чужим городом, он там редко бывал, предпочитая Вену и Люксембург. Постепенно торговые пути ста-

ли смещаться к Дунаю, Влтава теряла свое значение как торговая магистраль, и Прага понемногу превращалась в захолустье.

Однако все резко изменилось, когда на чешском престоле оказался сын Яна Люксембурга Карл, прославившийся в истории как автор Золотой буллы, закона, по которому жили все германские государства и Ватикан вплоть до 1806 года. Хотя Карл и воспитывался при дво-

ре своего дяди французского короля Карла IV Капетинга, в Париже (имя дяди он, при крещении названный матерью Вацлавом, принял при конфирмации), он никогда не забывал, что родился-то в Праге. И как только ему стукнуло семнадцать, Карл вернулся в родной город. В 1346 году, после того, как Иоанн Люксембургский погиб в знаменитой битве французов и англичан при Креси, его сын был провозглашен королем Чехии, а в 1355 году — императором Священной Римской империи — по-видимому, благодаря тонкой политике своего бывшего наставника Пьера Роже де Бофора, сделавшего блестящую карьеру и ставшего папой Климентом VI. И конечно же, Карл тут же сообщил всему христианскому миру, что отныне столица Римской империи — Прага.

Карл многое делал для своей родины, для повышения престижа Чехии в Европе. Особенно его заботила Прага. Она, по его замыслу, должна стать самым красивым и культурным городом Европы.

И вот Карл приглашает в город знаменитых ученых того времени, основывает первый в центральной Европе университет. Столица христианской империи должна и выглядеть как столица, и потому Карл начинает активное строительство. И самая главная задача — построить собор, который был бы не хуже, а лучше всех соборов Европы, в облике которого выражалась бы идея его могущества и безграничной власти. (Король и не подозревал, что строить этот собор будут почти шесть столетий! Не удивительно, что в облике храма можно увидеть элементы самых разных

стилей, почерки разных зодчих, печать разных времен...)

Карлу очень нравятся соборы Франции — в Париже, Тулузе, и потому, когда встает вопрос, кто будет возводить пражский собор, Карл, не раздумывая, зовет француза. Это — известный архитектор Матье д'Аррас.

Аррас начинает строить восточную часть собора. Хоры имеют поразительные размеры — 39 метров высоты и 47 метров длины. Французу не пришлось завершить строительство — в 1356 году он умирает. Его дело продолжает чешский зодчий Петр Парлерж (1330—1399). Молодой архитектор происходил из известной в Швабии семьи строителей и скульпторов. Понятно, что его душе близка немецкая готика,

и собор под его неусыпным контролем начинает приобретать характерные черты немецких кирх. Парлержу блестяще удалось воплотить в камне идею величия своего патрона, властителя огромной империи, его безграничной власти. Апогеем замысла зодчего стала гран-

диозная колокольня высотой 99 метров. Прошло совсем немного времени, и по всей Европе появляются храмы в стиле «готики Парлержа». После смерти выдающегося архитектора — его похоронили в соборе, которому он отдал так много сил и лет своей жизни — строительством занимаются сыновья Парлержа. Их плодovitый отец оставил после себя не только пре-

красные соборы и дворцы, но и пять сыновей, которые вели — и вполне успешно — дела в семейной мастерской.

А потом строительство собора прервалось почти на сто лет. Было не до того. В 1419 году начались гуситские войны, потрясшие всю Чехию. Сплотившись на борьбу против продажных католических немецких и ватиканских святош, а также против немецкой знати, чувствовавшей себя в Чехии, как у себя дома, чешский народ начал борьбу за свою независимость и свободу вероисповедания, за право служить Богу так, как призывал их реформатор Ян Гус. Реки крови, тысячи убитых на полях сражений... Лишь в 1436 году было достигнуто некое соглашение, по которому иноземец Сигизмунд Люксембург хоть и был признан королем Чехии, зато простые чехи получили массу свобод и привилегий, а главное —

возможность жить и верить в Бога так, как они считали нужным.

В 1576 году королем Чехии стал Рудольф II, и начался новый яркий этап в истории страны и ее столицы, ну, и, соответственно, в истории собора Святого Витта.

Рудольф, сын Максимилиана Второго и Марии Испанской, родился в 1552 году и первые годы своей жизни провел в Мадриде, где тогда правили австрийские Габсбурги. В столице Испании он получил прекрасное образование и стал истовым католиком. После смерти Максимилиана, последовавшей в 1576 году, ему пришлось с головой окунуться в проблемы политической жизни империи Габсбургов, а кроме того, решать множество вопросов, возникавших в большом королевском семействе, члены которого редко испытывали друг к другу теплые чувства. И когда ему совершенно уже осточертевали ссоры, интриги и козни, которыми развлекались его многочисленные родственники, он сбежал в Прагу. В 1583 году Рудольф окончательно переселился в чешскую столицу, которая вскоре превратилась, благодаря ему, в культурный и политический центр Европы. Теперь в Праге можно было встретить и папских нунциев со свитами, послов и дипломатов из разных стран, ученых, художников, архитекторов. Король был страстным любителем искусства, и при его дворе работали сотни скульпторов, живописцев (среди них — и знаменитый Арчимбольдо), архитекторов. Король собрал прекрасную коллекцию живописи, строил новые дворцы, в городе вырастали изящные особняки для разбогатевших чешских аристократов.

Не забывал Рудольф и о главном соборе Праги, символе королевской власти — строительстве храма Святого Витта продолжалось. Во второй половине XVI века Ганс Тироль и Б. Вольмут украсили колокольную ренессансную кровлей и балюстрадой. В том же веке в башню поместили огромный, самый большой в Чехии колокол Сигизмунда.

С годами в короле стали замечать проявления безумия, и в эти минуты он находил утешение в своих занятиях оккультизмом. А вскоре его «милейшие» родственники, объявив Рудольфа сумасшедшим и не способным управлять страной, посадили на трон его брата. Рудольф не смог пережить предательство семейства и скончался в 1612 году, в своей любимой Праге.

Шли годы, на пражском престоле один король сменял другого, и строительство собора Святого Витта все продолжалось, и в нем учас-

твовали лучшие архитекторы Чехии. При этом они творили в стиле, соответствующем их времени. Шпиль в стиле барокко появился в 1770 году благодаря Н. Пакасси. В 1872 году Й. Мокер завершил сооружение собора, при этом архитектор старался придерживаться замысла Парлержа, тщательно изучая сохранившиеся чертежи великого зодчего. В образе собора появилась новоготика. А затем было начато сооружение портала. Эти работы закончились в 1929 году под руководством К. Гильберта. В том же году собор через тысячу лет после смерти святого Вацлава был, наконец, освящен.

Войдя в собор через бронзовые двери западного фасада, на которых изображены сцены строительства храма и эпизоды жития святого Вацлава, невозможно не восхитить-

ся огромными витражами, исполненными по рисункам выдающихся чешских художников Макса Швабинского и Альфонса Мухи. В трифории над арками боковых нефов протянулась галерея, украшенная бюстами известных деятелей чешской истории и культуры. Большинство бюстов, замечательных памятников средневековой скульптуры, вышли из мастерской Парлержей. Храм Святого Витта был не только кафедральным собором, но и усыпальницей чешских королей. Перед Главным алтарем, выполненным в готическом стиле, стоит Королевский саркофаг из белого мрамора, созданный в конце XVI века. Под саркофагом — королевская крипта, где захоронены выдающиеся правители — Карл IV, Фердинанд I, Максимилиан II и Рудольф II.

Во времена Рудольфа Второго в собор входили через Золотые ворота, которые ведут в неф между колокольней и капеллой Святого Вацлава, гениального творения Петра Парлержа. Ручка на двери в капеллу имеет форму львиной головы — по преданию, именно за нее держался Вацлав, когда его убивал вероломный брат. Нижнюю часть стены украшают 1300 камней-самоцветов, верхнюю — сцены из жизни Вацлава. В середине — сцены Страстей Господних. Здесь стоит и статуя святого Вацлава, выполненная Парлержем.

Множество чешских мастеров и художников, живших в разные века, отдавали свои силы и талант этому храму. Собор Святого Витта — самый крупный и важный в Чехии, это место, где, словно в фокусе, сосредоточена история этой страны, ее искусство и культура. □

В 1869 году в одном из залов Лувра произошла встреча, ставшая знаменательной и для судеб искусства, и для личных судеб ее участников. Известный критик и завсегдатай художественных салонов Анри Фантен-Латур представил свою приятельницу Берту Моризо, делавшую копию одной из картин Рубенса, Эдуарду Мане.

*Эдуард Мане.
Портрет
Берты Моризо,
1870*

Берта Моризо

Они, Мане и Моризо, уже слышали друг о друге — Берта восхищалась работами Эдуарда, а ему нравились ее картины, он даже повторил некоторые их мотивы в своем пейзаже «Вид Всемирной выставки 1867 года». Когда они встретились в Лувре, Берте было двадцать семь лет. Мане сразу подпал под обаяние этой очаровательной брюнетки. Позже она появилась на его картинах — умный взгляд печальных глаз, пышные волосы. Она была очень хороша, эта Берта Моризо, одна из самых верных последователей Мане, ставшая замечательной художницей и посвятив-

*Портрет мадам Бусье
и ее дочери, 1876*

Колыбель, 1872

шая всю свою жизнь творчеству. «И искусство ее, и судьба, и характер свидетельствуют об абсолютной и высокой ее значимости в истории импрессионизма и импрессионистов. Да и сама ее деятельная и гордая жизнь среди столь одаренных, но столь же несхожих привычками, нравами и социальными пристрастиями художников, непростые, но глубокие отношения с Эдуардом Мане, наконец, просто участь женщины-живописца — все это выдвигает ее на авансцену истории импрессионизма», — писал о Берте Моризо известный критик и историк искусства Михаил Герман.

Берта Моризо родилась в Бурже в 1841 году. Ее отец там занимал важную должность — был префектом, и его семья, в которой росли три девочки, Ив, Эдма и Берта, жила в полном достатке. Власти считали нужным использовать господина Моризо не только в Бурже — он честью и правдой служил Франции в Лиможе, Канне, в Рене. В 1851 году мсье Моризо получил весьма престижное место инспектора финансового контроля в Счетной палате, и его семейство переехало в Париж. Несмотря на принадлежность отца к высшим кругам государственных служащих, в доме Моризо любили и понимали искусство, музыку, много читали. Здесь всегда помнили о родстве (по отцовской линии) с выдающимся художником Фрагонаром, одним из создателей музея Лувра, а кроме того, мсье Моризо и сам был не чужд искусству — в юности он с увлечением занимался в Школе изящных искусств.

Берта и ее старшая сестра Эдма очень любят рисовать, и мадам Моризо отводит дочерей сначала к некому Шокарно, вполне обыкновенному жанристу, а потом к ученику Энгра Жозефу Гишару, темпераментному, любящему пофилософс-

твовать, но вместе с тем и очень хорошему педагогу. После нескольких уроков мсье Гишар сообщает госпоже Моризо, что девочки обладают незаурядными способностями и при желании вполне могут стать настоящими профессиональными художницами. А еще он, как честный человек, предупреждает мадам, что такое будущее влечет за собой — непонимание общества, возможно, даже презрение, остракизм: «В вашей среде это будет революцией, даже, я бы сказал, катастрофой». Мадам Моризо приходит в некоторую растерянность: в кругу добропорядочных буржуа не принято, чтобы девушки выбирали себе карьеру художника — их удел быть верной супругой мужу и почтенной матерью детям. Однако она, человек достаточно умный и независимый, не забирает Берту и Эдму из класса мсье Гишара, и они продолжают осваивать азы искусства.

Сестры Моризо часами сидят в Лувре — конечно же, под присмотром мадам Моризо. Оставить девочек одних в окружении других начинающих художников, в основном, мужского пола, не позволили ни при каких обстоятельствах. А барышни Моризо увлеченно копируют полотна старых мастеров. Здесь, в стенах Лувра, они знакомятся с Анри Фантен-Латуром, его другом Бракмоном, учеником Гишара, с братом Делакруа Леоном Ризнером и другими молодыми живописцами. Новые приятели в восторге от сестер — они так серьезно постигают основы живописи и так усердны — ну, разве их можно сравнить с дамами их сословия, которые берут в руки кисть лишь ради развлечения, как новую забавную игрушку! Особенно поражает завсегдаев луврских залов мастерство и смелость, с которыми Берта копирует Веронезе и других великих ита-

Мать и сестра художницы, 1869—1870

льянцев. Новые знакомые уговаривают девушек работать на пленэре, и Гишар просит своего старого приятеля Камиля Коро, замечательного пейзажиста, дать барышням Моризо пару советов. Шел 1861 год. Мэтр Коро — уже немолод. Он, признанный мэтр, очарован молодостью и преданностью искусству Бер-

ты и Эдмы, милостиво позволяет им скопировать свой пейзаж и наблюдать, как он сам пишет на пленэре в Виль д'Авре, недалеко от Парижа. Коро становится другом семейства Моризо, он часто наносит визиты родителям Берты и Эдмы.

Казалось бы, выхода нет — девушки ждут трудная судьба художни-

Набережная в Буживале, 1883

ков. Отец с матерью даже оборудовали им мастерскую, где те работают. Но тут Эдна отступает — она влюбляется в блестящего молодого офицера Адольфа Патийона и уходит с дистанции. Но не из истории искусства — пройдет совсем немного времени, и она, а потом и ее

дочь Жанна, будущая жена Поля Валери, станут постоянными персонажами картин Берты. Берта, похоже, замуж совсем не торопится. Отвергнув несколько лестных предложений, она продолжает заниматься живописью, осознавая — это ее призвание. И она не имеет права

Писсар, 1876

сворачивать с раз избранного пути.

Успешно дебютировав в Салоне, она регулярно участвует в выставках. В ее полотнах заметно влияние Коро, а потом и Клода Моне, но вместе с тем чувствуется и свой стиль.

А в 1869 году происходит та историческая встреча с Мане, с которой

мы начали рассказ о Берте Моризо. Она тут же стала очередной жертвой непобедимого обаяния создателя скандально известной «Олимпии». Берта уже считала его самым ярким художником Франции, но теперь он покорила ее и как мужчина. Живой, остроумный, внешне при-

На балу, 1875

*Молодая женщина
в бальном платье, 1879*

влекательный, он знал толк в женщинах и умел с ними обходиться. И то, что Берта стала его очередной жертвой, было неудивительно. Но и он увлекся девушкой. А она этого вполне заслуживала. Современники писали о ней восторженно: ее облик, манеры, голос, стиль одеваться — все было восхитительно. Однако Берта не просто красива — в ней есть что-то особенное, завораживающее, тревожащее. Бледное, удлинненное лицо, роскошные темные волосы, выразительные глаза — удивительного, темно-зеленого цвета, почти черные, изысканные и в то же время простые манеры, элегантные черные и белые платья — она не любила ярких, кричащих цветов. Говорит мало, но всегда интересно, умно. А эти низкие, чувственные нотки в ее голосе... Кроме того, Мане уже видел ее картины на выставках Салона, на главной парижской выставке; особенно ему понравился пейзаж «Вид Пари-

жа, написанный с холма Трокадеро» (в районе Трокадеро, на улице Франклин стоит особняк родителей Берты). Вдохновившись этой картиной, Мане пишет «Вид на Всемирную выставку 1867 года», с того самого места, которое выбрала для своего полотна Берта. Мане часто использовал темы и композиции других художников, старых мастеров и своих современников. Он не считал это зазорным, полагая, что главное — не сюжет, а то, как он рассказан в той или иной композиции.

Мане тут же предлагает Берте позировать ему для картины «Балкон» — мотив и этой картины заимствован Мане, на сей раз — у Гойи. Девушка приходит в мастерскую художника на улицу Гийю, правда, в сопровождении бдительной мадам Моризо, что не мешает развиваться их чувству. Однако внешне — все прилично. Мадам Моризо на страже — со спицами в руках, она следит, чтобы все было благо-

Лодки у острова Уайт, 1875

Сток сена, 1883

пристойно. А следить есть за чем — она замечает, что у Мане «вид безумного». Он, видно, и правда, обезумел, явно увлечен. Но была в Берте такая чистота, такое достоинство, что женатый Мане так и не проговорил ей ни слова о своей любви. Что там скрывать, наличие мадам Сюзанны Мане отнюдь не мешало ее любвеобильному мужу иметь любовниц. «Он любил любовь, как другие — мороженое», — пишет его биограф Анри Перрюшо. Но в случае с Бертой Мане понимал, что тут все может быть гораздо серьезней, и не отважился на решительные шаги, а предлагать ей, этой умной, глубокой, талантливой девушке, мелкую интрижку не посмел. Она была совсем другая, непохожая на верных и не очень подружек парижских художников, не была она похожа и на эмансипированных дам, интеллектуалок типа Жорж Санд — в ней глубоко сидели нравственные принципы и понимание того, что прилично,

а что нет. И вот все невысказанные чувства Мане, вся его затаенная любовь вылились в ее замечательные портреты. Их четырнадцать, портретов Берты Моризо, написанных Эдуардом Мане. На картине «Балкон» она с веером, страстная, с горящими глазами, рядом с ней остальные персонажи кажутся лишь фоном, так незначительны их лица («Я вышла там скорее странной, чем некрасивой», — позднее скажет она), на полотне «Отдых» — очаровательна и одинока.

Поначалу Берта безраздельно царит в мастерской Мане, но потом там появляется юная Ева Гонсалес (она моложе Берты на восемь лет), дочь известного романиста Эммануэля Гонсалеса, приятеля Эдуарда, и Берта явно нервничает. Кстати, Ева подсознательно не нравится и мадам Моризо. Но, по сравнению с Бертой, Ева, хоть и мила, но совсем не столь значительна и внешне, и как художница, хотя Мане, чтобы

В столовой, 1886

подразнить Бертю, частенько нахваливает опыты Евы.

Мане пишет Бертю на протяжении шести лет, ее облик постоянно притягивает его, притягивает и сама она, с ней всегда интересно, остро, волнующе.

В 1870 году начинается Франко-Прусская война. Французская армия, оказавшись лицом к лицу с врагом, превосходящим ее по численности, опытности, снаряжению, терпит поражение за поражением. И, наконец, катастрофа под Седаном.

ном решает судьбу страны. 2 сентября 1870 года Наполеон III капитулировал. Через три дня в Париже была провозглашена Третья республика. Гамбетта, вождь республиканцев, призывает французов объединиться и спасти Францию от позора. Берта Моризо, несмотря на уговоры более осмотрительных друзей, остается в Париже. Ее дом становится пристанищем для тех немногих, кто не сбежал из столицы. Братья Мане, Эдуард и Эжен, Дега и Стивенс собираются у Моризо и со слезами на глазах обсуждают пути спасения родины. Дега, пишет мать Берты в письме к Эдме, записался в артиллерию, хотя ни разу не слышал, как стреляют пушки. Ситуация становится все серьезнее, по ночам слышны выстрелы и взрывы, бои идут уже совсем рядом. Эдуард и Эжен изо всех сил уговаривают семейство Моризо покинуть Париж. «Братья Мане так красноречиво описывают ужасы, которые мы рискуем испытать, что могли бы напугать и более стойких людей. Ты знаешь их склонность преувеличивать, в такие минуты они все видят в черном свете», — иронизирует мадам Моризо.

Берта и Мане по-прежнему очень близки. Он так же обожает ее писать — ее яркий образ, ее изящество и женственность всегда его вдохновляют. И по-прежнему в этих портретах — невысказанная любовь, затаенное страдание. Последний портрет написан в 1874 году — в том году Берта вышла замуж за младшего брата Эдуарда Эжена, и на руке Берты хорошо видно обручальное кольцо...

Эжен Мане тоже был художником — не таким гениальным, как его брат, и не таким талантливым, как его жена. Однако он искренне любил искусство и всячески поддерживал Берту. Мадам Моризо счита-

ла Эжена на три четверти сумасшедшим, однако приветствовала брак дочери, которой к тому времени уже исполнилось тридцать три года. Уж лучше этот сумасшедший, чем никакой, — полагала она, и, наверное, была права. Зачем Берта приняла предложение Эжена? Кто знает? Возможно, ей захотелось построить свою судьбу, захотелось тепла, семейного уюта, и если ее мужем не стал Эдуард, то пусть им будет его брат... В конце жизни она писала: «Память — подлинная, непреходящая жизнь. Я любила, я искупила свои грехи. Мне хотелось бы записать свою жизнь, но я создала лишь скверный роман, пытаюсь рассказать то, что уже было тысячи раз рассказано». Да, большая любовь была в прошлом, и теперь, выйдя замуж, она могла, как сказал Поль Валери, лишь «жить своей живописью и живописать свою жизнь».

Эжен, понимая, что как художник он намного ниже брата и жены, посвящает себя Берте. Помогает ей советами, умными и точными, следит за развешиванием ее картин на выставках. Берта и Эжен живут в Пасси, в доме на улице Вильжюст. До центра Парижа совсем близко, но в то же время это не совсем город — рядом — Булонский лес, озера, тишь и благодать. Сюда любят приезжать их друзья, художники и поэты, писатели и критики. Здесь ведутся острые дискуссии о новом течении, которое стали называть импрессионизмом, о новых выставках и книгах. Здесь не принято говорить об интрижках, о не очень приличных похождениях и знакомствах, которые так любили представители парижской богемы — тут все благопристойно, все соответствует благородству и душевной чистоте хозяйки.

В 1874 году открылась выставка, ставшая исторической — первая

Эджен Мане с дочкой в Буживале, 1881

выставка импрессионистов. Именно с тех пор эти художники стали называться импрессионистами, по названию картины Моне «Впечатление» («Impression»). Среди тридцати участников выставки (в «банде», как их называли в прессе, — Сезанн и Дега, Моне и Писсарро, Ренуар и Астрюк) была только одна женщина — Берта Моризо. Как и ее коллеги-мужчины, она получила от журналистов сполна. 25 апреля в газете «Шаривари» появилась статья некоего Луи Леруа. Она так и называлась — «Выставка импрессионистов». Гнусным издевательствам подверглись почти все друзья Берты, а про нее саму Леруа писал так: «Вот взгляните — мадемуазель Моризо! Эту юную даму не интересует изображение мелких деталей. Когда она пишет руку, то делает ровно столько длинных мазков, сколько

на ней пальцев, и дело с концом. Дураки, которые с мелочной придирчивостью требуют, чтобы рука была нарисована, ни черта не понимают в импрессионизме, и великий Мане выгнал бы их из своей республики».

Встревоженная появившимися в прессе отзывами о вернисаже и работах дочери, мадам Моризо просит Гишара и Коро посетить выставку и составить свое мнение о картинах Берты. Гишар, этот добрый, милый человек, тут же откликнулся. «Когда я вошел в залы, уважаемая мадам Моризо, у меня тут же сжалось сердце при виде произведений вашей дочери в этом убийственном окружении. Я сказал себе: «Нельзя безнаказанно жить вместе с сумасшедшими.... Изучая и честно анализируя выставленные работы, можно, конечно, найти там и сям хорошие кус-

Тур. Пейзаж, 1887

ки, но все в целом выглядит сумасбродством». Как преданный друг и художник, Гишар рекомендует бывшей ученице порвать с этими ненормальными. Однако Берта считала иначе. Она решительно разорвала отношения, но не со своими друзьями, а с официальным, консервативным Салоном. Осторожные мужчины — Мане и Фантен-Латур отговаривали ее от столь решительного шага, но Берта осталась непреклонной. С того года, года их первой выставки, она — постоянная участница всех публичных акций импрессионистов. И лишь когда у нее родилась дочь, она не выставила свои работы. Отныне ее творческая судьба неразрывно связана с импрессионистами. И когда на последних групповых выставках раскол прежде единых в творчестве художников был уже очевиден, она единс-

твенная оставалась верной избранному ею направлению. Но это произошло позже, а тогда, на первой их выставке, она показала девять своих работ, и среди них была ставшая ныне знаменитой «Колыбель». Берта изобразила на картине свою сестру Эдну, склонившуюся над ребенком в колыбели. Мягкие, светлые тона, легкие мазки, свет, пронизывающий всю сценку... Гармония, поэзия материнства, истинная красота, любовь и покой... Картина заслуженно имела успех, но, надо сказать, успех этот был в определенной степени обусловлен тем, что рядом с «Колыбелью» на выставке висела картина Сезанна, этакая фантазия на эротические темы, называвшаяся весьма недвусмысленно — «Мечта холостяка». Неудивительно, что общественное мнение склонилось в пользу полотна

*Мечтающая
Жюли,
1894*

на темы материнства, да еще написанного нежной женской рукой.

После 1875 года Берта — уже вполне сложившийся художник. У нее — свой стиль, манера письма, сюжеты. Критики писали, что, несмотря на весь импрессионистский бред, ей все же удастся сохранить «женскую грацию», а также «тонкий, пленительный колорит». Ее работы охотно покупают. И когда цены на полотна других ее коллег колеблются около сотни франков, ее картины расходятся по цене в пять раз выше.

У Берты и Эжена рождается дочь, Жюли, и в творчество художницы входит образ очаровательного ре-

бенка. Берта словно проживает в живописи детство своей дочери — ее радости и печали, первые разочарования и восторги... Тут все тихо, покойно, гармонично. Ее героини — женщины и дети, мужчины чрезвычайно редко появляются на полотнах. Эти женщины и их дети спят, гуляют, читают, беседуют, и все это они делают на фоне теплых домашних интерьеров, на берегу озера, в саду, на морском пляже. Тихая и милая, лишенная страстей, но наполненная любовью и красотой жизнь. Страсти Берты Моризо остались в прошлом... И кисть ее легка и изящна. «Легкое

*Жюли
с кормилицей,
1888*

прикосновение передает все: час, место, время года, мастерство. Внезапность импульса, великий дар выявлять главное, предельно облегчать материальное и таким образом создавать необычное по силе впечатление напряженной духовной жизни», — писал о живописи Моризо Поль Валери.

Художница работала быстро — обычно за неделю она делала по две картины. Берта сдержанно оценивала свои достижения, а хвалу и хулу критиков (в 1870-х годах ее полотна называли «сумасшедшими выходками существа из знаменитой банды») воспринимала спокойно и

с достоинством. Она сама хорошо знала цену себе как художницы. Зато ее муж Эжен не всегда был так терпим. Однажды, когда один из самых злых и бесцеремонных столичных журналистов, пишущих об искусстве, мсье Вольф высказался по поводу Берты не достаточно уважительно, и даже просто оскорбительно, Эжен вызвал его на дуэль.

В 1883 году 30 апреля умер Эдуард Мане. Это был страшный удар для всех его друзей и близких. Берта тяжело переживала уход того, кто был для нее гораздо больше, чем просто друг и брат мужа. Вскоре творчество Мане стало быстро рас-

Вид гавани. Остров Уайт, 1875

ти в цене. И уже через год после его смерти Берта с мужем открывали подготовленную ими выставку Мане не где-нибудь, а в Школе изящных искусств — знак официального признания.

Постепенно импрессионисты завоевывали мир. В 1886 году Дюрар-Рюэль, замечательный галерист, которому французское искусство многим обязано, который поддерживал импрессионистов тогда, когда их еще никто не признавал и не покупал, устраивает большую выставку в Нью-Йорке. Среди картин, представленных американской публике, работы Мане, Дега, Ренуара, Моне, Сислея, Писсарро, Синьяка и, конечно же, Берты. Ее картины сов-

сем не теряются на фоне созданий других импрессионистов, и американцы это замечают. А в 1892 году одну из работ Берты покупает уже государство Франция. Это — огромная честь.

Все импрессионисты относились к Берте с большим уважением, а некоторые были в нее просто влюблены. Во второй половине 1880-х годов в дом Моризо частенько наведываются Малларме, Уистлер, Кайботт, Дюре, Моне и Ренуар. Особенно близкими стали отношения с Ренуаром. Они стали настоящими друзьями. С конца 80-х годов он часто навещает художницу, пишет портреты ее и дочери Жюли. И когда Эжен Мане умер, а случи-

Эжен Мане с дочкой в саду, 1883

лось это в 1892 году, именно Ренуар вместе с Малларме становятся опекунами Жюли. В 1894 году Ренуар написал парный портрет Берты и Жюли. Седая, в платье излюбленного с юности черного цвета, цвета раннего вдовства, Берта кажется ужасно уставшей от жизни. А год спустя она умерла, заразившись от дочери гриппом, который тогда называли инфлюэнцей, и против которого совсем не умели бороться. Ее смерть — художница ушла из жизни в 54 года — стала для многих неожиданностью и огромным ударом. Ренуар, бывший в то время вне Парижа, тут же все бросил и приехал проводить Берту в последний путь. Ее похоронили на кладбище в Пас-

си, в семейном склепе Мане, рядом с мужем Эженом и с его гениальным братом, Эдуардом Мане, который так и не стал ее мужем, потому что мир, в котором мы живем, увы, несовершенен. «Мечта — она и есть жизнь. Мечта — более истина, нежели реальность, только в мечтах человек бывает самим собой», — незадолго до смерти сказала Берта Моризо. Но ей, этой хрупкой, очаровательной женщине с горящими глазами, удалось остаться собой не только в мечтах, но и в жизни, сохранив в себе достоинство, ни разу не совершив низкий поступок и оставив последующим поколениям прекрасные, полные нежности и добра картины. ▢

иллюстрация
Геннадия Новожилова

3 звезда
первой
величины

Любовь
Русева

**«В России XVIII века было всего
четыре гения: Меншиков, Потемкин,
Суворов и Безбородко».**

В. Сперанский

— Это — величайшее унижение, которое я когда-либо испытал, — признался Эварту со слезами на глазах Уильям Питт Младший.

Слова эти вырвались у выдающегося государственного деятеля Великобритании в связи с провалом его политики в отношении России. Зато его достойный соперник Александр Андреевич Безбородко имел впоследствии полное право заявлять молодым русским дипломатам:

— Не знаю, как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела.

Сильная и обширная Россия Европе не нужна, она не признавала, что у этой «варварской страны» могут быть жизненно важные интересы, а потому ни на берегах Балтийского моря, ни на берегах Черного ей делать нечего. Долгое время политика европейских государств по отношению к нам сводилась к возвращению в границы допетровской Руси. Им же самым дозволено завоевывать целые континенты, нещадно вырезать аборигенов, выкачивать из богатейших стран ресурсы. Это называлось нести дикарям цивилизацию. А вот основанный на берегах Невы город надолго лишил сна монархов. Появление при Екатерине русских поселений на Аляске и Алеутских островах вызвало настоящую истерию: Россия грозит захватить весь Американский континент. Присоединение же Крыма и вовсе ввергло в шок.

В этом году исполняется 210 лет со дня смерти Екатерины Великой — великой императрицы, создавшей мощную империю, при которой без разрешения России ни одна пушка в Европе не смела выпалить. Она умела подбирать людей для управления государством, окружать себя поистине гениальными помощниками. Один из них — ее статс-секретарь Безбородко, о котором Устрялов справедливо замечал, что «редкое из внутренних учреждений в Империи было издаваемо без совета и поправок Безбородки». Александр Андреевич разработал позитальный план присоединения Крыма (блестяще осуществленный Потемкиным) и добился признания Турцией этого факта. Он участвовал в создании системы вооруженного нейтралитета, подписав соответствующие конвенции с Голландией, Пруссией, Португалией и Неаполем. Безбородко — один из тех, кто предотвратил в 1791 году войну с Англией и Пруссией. Он же являлся автором идеи «Греческого проекта», легшего в основу новой внешнеполитической доктрины, предусматривавшей восстановление Византийской империи со столицей в Константинополе (Стамбуле) и русским ставленником на троне.

Характеризуя самых влиятельных политиков России, чрезвычайный посланник и полномочный министр Сардинского королевства маркиз де Парело писал своему правительству: «После князя Потемкина по порядку следует упомянуть о графе Безбородке, который своим ровным характером, кротким и почти застенчивым обращением, простотою и неизысканною одеждою представляет довольно резкую противоположность с роскошью, самоуверенностью и надменностью вышеупомянутого министра...

Однако же, из числа лиц, занимающих такие важные места, никто, сколько мне известно, не докладывает дел непосредственно государыне, кроме г. Безбородки. Независимо от счастливой памяти, значительно облегчающей его собственный труд, а также и труд тех, кто с ним работает, он, говорят, обладает в высшей степени даром находить средства для благополучного исхода самых щекотливых дел. Этими двумя качествами он до такой степени возвысился во мнении Екатерины II, что в ежеднев-

ных беседах с ним эта государыня говорит ему обо всем и открывает ему возможность иметь влияние на все...

Впрочем, из всех министров я гораздо более склонен верить в его честность кого-либо другого из них, и если б мне предстояло вести какое-нибудь важное дело, то я считал бы за лучшее довериться ему вполне. Он дорожит такими доказательствами доверия, и многие уже прибегали с успехом к подобному способу...»

25 июня 1781 года английский посол Гаррис писал Стормонту о статс-секретаре: «Теперь лицо, пользующееся величайшим влиянием и внушающее общую зависть своим возвышением, это Безбородко. Подделываясь под все ее капризы, он приобрел ее доверие и доброе мнение, а вследствие своих редких способностей и необыкновенной памяти он ей чрезвычайно полезен. Почти исключительно ему поручено внутреннее управление империей, и он имеет также большое участие в ведении иностранных дел».

А началось все с блинов.

БЛИНЫ

До чего ж вкусно пахнут эти румяные блины, повара расстарались на славу! Такие есть одной и не в радость, благо, помощники рядом, с ними и отпраздную Масленицу.

— Вот что, голубчик, пригласи-ка ко мне к завтраку моих секретарей, — обратилась к камер-лакею Екатерина.

— Государыня, никого из них во дворце нет. В секретарской только какой-то Безбородко...

— Пригласи его, ведь он тоже секретарь.

Александр Андреевич всего несколько месяцев служил при дворе. С петербургским обществом он еще не успел познакомиться и охотно соглашался дежурить за товарищей в праздники. Службу свою он начал правителем канцелярии графа Румянцева, бывшего тогда малороссийским генерал-губернатором. Кто бы предрек в то время, что спустя десять лет он взлетит так высоко, но предположить, что не пройдет и двух лет, и этот добродушный толстяк станет одним из самых влиятельных вельмож и незаменимым помощником великой императрицы, никто не мог, разве что только сам фельдмаршал.

Императрица, получая с театра военных действий от Румянцева реляции, обратила внимание на их изящный язык, к тому же написаны они были чрезвычайно толково. Нуждаясь в хороших секретарях, она попросила полководца порекомендовать ей несколько человек. Приехав в Москву на празднование Кучук-Кайнарджийского мира, тот представил Екатерине двух своих лучших помощников — Завадовского и Безбородко. О последнем Румянцев сказал:

— Представляю вашему величеству алмаз. Ваш ум даст ему цену.

За блинами речь зашла о правовых актах. Александр Андреевич процитировал наизусть один из законов, волновавший императрицу. Екатерина приказала подать книгу, дабы сверить точность цитаты. Тут Безбородко окончательно поразил ее, назвав том и страницу, на которой прописан данный закон.

Феноменальная память Александра Андреевича поражала всех современников. Адьютант великого князя Константина Евграф Федотович Комаровский вспоминал, что перед отъездом в Вену царевич послал его к Безбородко осведомиться, кому и какие подарки он должен там вручить. Александр Андреевич стал «рассказывать, как будто читал родословную венских вельмож, кто из них чем примечателен, кто и в какое время наиболее оказал услуг двору нашему». Целый час Безбородко перечислял вельмож, которых предстояло увидеть. «Потом он сел и написал своею рукой список всех,

которым должно дать подарки и какие именно... Граф, конечно, и о прочих дворах имел такие же сведения». Этому человеку достаточно было всего раз прочесть документ или огромную книгу, чтобы все легло в его память. В детстве после того, как он прочел Библию, отец не раз заставлял его повторять ее слово в слово от начала до конца.

Другая особенность, поражающая современников, — его речь и язык, которые отличались необыкновенным лаконизмом и выразительностью, им чужда напыщенность, громкие фразы и сложные научные термины. По словам Гельбига, «никто из государственных министров не мог, даже в труднейших случаях и по какой бы то ни было отрасли государственного управления, представить государыне такого ясного доклада, как Безбородко. Одним из главнейших его дарований было искусство в русском слоге. Когда императрица давала ему приказание написать указ, письмо или что-либо подобное, то он уходил в приемную и, по расчету самой большой краткости времени, возвращался и приносил сочинение, написанное с таким изяществом, что ничего не оставалось желать лучшего».

Биограф Безбородко Николай Иванович Григорович, сравнивая его с другими секретарями, пришел к выводу, что он был единственным исполнителем повелений великой императрицы. «В архивах присутственных мест, в книгах, известных под названием «Именные высочайшие указы», сохраняется множество указов и рескриптов, писанных дословно Безбородку и только подписанных Екатериною. Смело можно заключить, что эти именные документы были написаны, так сказать, на лету, тотчас по получении приказаний государыни, в приемной или секретарской комнате пред кабинетом Екатерины, на том столике за ширмами, где изготовлялись решения, управлявшие судьбою наших дедов. Само собою разумеется, что императрица не могла не ценить быстрого исполнения ее повелений, чего нельзя сказать о прежнем, ближайшем к ней секретаре И.П. Елагине, которого она иногда величала «Перфильевич» и которому приходилось напоминать о делах им забытых, что вынуждало ее писать ему: «что тебе подобного ленивца на свете нет, да что никто столько ему порученных дел не волочит, как ты...»

Сам Безбородко сообщал отцу: «Меня вся публика и Двор видят яко первого ее секретаря, потому что через мои руки идут дела Сената, Синода, иностранной коллегии, не выключая и секретнейших, адмиралтейские, учреждения наместничеств по новому образцу, да и большая часть дел собственных».

Александр Андреевич, по сути, заменял собой целый аппарат государственных чиновников. Став в 1775 году секретарем для принятия «челобитен», он вскоре был причислен к Коллегии иностранных дел, а 4 января 1782 года последовал именной указ Сенату, в котором повелевалось: «генерал-майору Безбородку присутствовать в Коллегии Иностранных Дел по секретной экспедиции, и при том поручаем ему в точное ведение и наблюдение Почтовый Департамент, оставляя, впрочем, его, Безбородка, при прежней должности». Статс-секретарем он оставался до смерти императрицы.

По подсчетам Григоровича, канцелярия Безбородко составила 36 тысяч документов, из них — 894 акта внесены в Полное собрание законов Российской империи. Перу секретаря Екатерины принадлежат важнейшие манифесты и именные высочайшие указы, касающиеся Государственного Совета, Правительствующего Сената, Святейшего Синода, Министерства юстиции, Министерства иностранных дел, Морского министерства, Почтового ведомства...

Занимаясь внешней политикой, Александр Андреевич успешно решал и внутренние вопросы, именно он привел в порядок финансы. За увеличение государственных доходов ему пожаловали пенсион в 10 тысяч рублей и одновременно выдали 50 тысяч. Екатерина не скупилась награждать чинами, высшими орденами, деньгами и землями тех, кто не щадил себя на пользу Отечества и приносил огромную пользу.

Дипломатический турнир

Вторая русско-турецкая война, развязанная Блистательной Портой в 1787 году, фактически была выиграна еще в 1790 году, но подстрекаемая сначала Францией, затем Пруссией и, наконец, Англией, Османская империя упрямо продолжала кровопролитие. Сначала надежда возлагалась на Швецию, которая, при содействии Великобритании и Пруссии, на турецкие субсидии развязала войну в Балтийском море. Требования короля были «умеренными»: вернуть ему Финляндию, завоеванную Петром, а Крым — Турции. Густав III пообещал уничтожить русскую столицу и сбросить статую Петра Великого в Неву. Сражавшаяся на два фронта Россия быстро остудила пыл соседа, и памятник, поставленный Екатериной Второй Петру Первому, до сих пор украшает северную Пальмиру. Но победа в морских сражениях на Балтике не остудила турок. Не помогли привести их в чувство и победы Ушакова, и потери крепостей, поскольку Англия и Пруссия обещали султану военную поддержку.

11 декабря 1790 года Суворов взял штурмом неприступный Измаил, что ввергло в шок не только Порту, но и Англию с Пруссией. В марте Питт Младший зачитал в парламенте послание короля о неудаче «содействовать умиротворению России» и попросил палату общин предоставить военные кредиты для усиления флота. Через несколько дней после этого заявления посол Великобритании в России Уитворт получил из Берлина весть, что прусский курьер привез из Лондона документы. Среди них, между прочим, был и составленный Питтом ультиматум России. «Кабинет наш по зрелом размышлении вознамерился твердо настоять на status quo strict* и предпринять совокупно с Королем Прусским сильнейшие меры против Императрицы Российской... — писал Джексон. — Вследствие сего постановлено будет чрез конвенцию для распоряжения военных приготовлений: по оной обязуется Англия выслать тридцать пять линейных кораблей с соразмеренным количеством фрегатов в Балтийское море и двенадцать линейных же кораблей и фрегатов в Черное море... Королю Шведскому хотя бы отдать три миллиона талеров, дабы он остался нейтральным и позволил нашему флоту иметь свободный въезд в свои гавани».

Одновременно с вторжением английского флота в территориальные воды России сухопутную границу должна была пересечь прусская армия. Спал ли вообще в эти месяцы политического кризиса неутомимый Безбородко? Все это время он постоянно переписывался с нашими дипломатами, вел переговоры с послами и купцами других стран. Во многом благодаря его такту и политическому чутью кабинет Питта потерпел фиаско. На премьер-министра обрушилась оппозиция во главе с Чарлзом Джеймсом Фоксом, не желавшая войны с Россией. Жаркие баталии разгорелись не только в стенах парламента — на домах появились лозунги: «Руки прочь от России». Под нажимом оппозиции лагерь адептов войны таял, как снег под палящими лучами. Все чаще перед голосованием сторонники министра покидали парламента, и Питт шлет другого курьера к прусскому королю с конфиденциальной просьбой повременить с предъявлением ультиматума, хотя войска того уже подходили к русским границам. Как не удивляться и не восторгаться поведением в столь критической ситуации наших дипломатов, Екатерины и Потемкина, который успел вовремя приехать в Петербург. Со стороны казалось (о чем и сообщали дипломаты своим дворам), что Григорий Александрович предается веселью и совершенно не придает значения сложности ситуации. Светлейший же просит императрицу обещать что угодно прусскому королю и дать денег шведскому, только бы потянуть время. Кого могла выставить держава против лучшего в мире флота? Рекрутов? Крестьян от сохи? Человеческие ресурсы и казна истощены.

* Твердое статус-кво.

Пока Безбородко руководил дипломатами, Екатерина и Григорий Александрович разыграли блестящий спектакль. При встрече с послом Великобритании императрица полубоюпытствовала:

— Сэр, в то время, как король, ваш повелитель, решил изгнать меня из Санкт-Петербурга, я надеюсь, он позволит мне ретироваться в Константинополь?

Ну, а чтобы европейцы не сомневались в неистощимости наших ресурсов, Потемкин закатывает пир — тот самый, за который его до сих пор бьют. На этом грандиозном празднике присутствовала императрица с наследником, весь двор и дипломатический корпус. Неслучайно именно тогда впервые прозвучал знаменитый полонез Козловского на слова Державина (написанный по просьбе Потемкина) «Гром победы раздавайся! Веселися, храбрый Росс!»

Твердость позиции императрицы и ее сподвижников немного разрядили ситуацию. 30 апреля секретарь Екатерины записал в своем дневнике: «Курьер с известием, что Англия, по-видимому, в войну с нами не вступит». От войны кабинет Великобритании отказался, но не отказался от предъявления status quo, правда, не столь твердого. Для переговоров в Россию приехал Фуокнер, «секретарь Королевского Совета и партии Питта». Дешпи этого доверенного лица премьер-министра чрезвычайно любопытны. Он посетил Потемкина вместе с английским и прусским послами. «Уитворт, Гольц и я имели сего дни рано долую Конференцию с Потемкиным, который нас удержал к обеду в своем загородном доме. Обращение его было весьма особенно и крайне характерно. Он сказал, между прочим, что он условия status quo терпеть не может; что он не понимает, каким образом мы можем предпочитать Россиянам турок. Что если бы он получил в плен великого Визиря, то бы он тотчас его на первом дереве повесил за голову... что счастье его никогда не оставляло, что никогда не имел долее одной минуты неблагоприятного ветра; что сие крайне глупо нам все же ожидать, чтобы он Императрицу уговорил к миру, когда он только молодой Фельдмаршал и еще может надеяться завоевать когда-либо Египет.

Потом доказывал он со всевозможным ухищрением и язвительностью, что все то, что Россия ко вреду Англии ни предприняла, особливо вооруженный нейтралитет, произошло по присоветованию Пруссии. Все сие заключал он великими уверениями дружбы к союзникам и изъявлял желание при том, чтобы и мы когда-нибудь в сих странах* посеяли войну».

Каково было все это слушать дипломату, приехавшему обсудить условия мира. Правда, Фуокнер не сразу предъявил свои верительные грамоты, но русское правительство прекрасно знало цель «путешествия». Эстафету приняла Екатерина, она приняла «путешественника» в любимом Царском Селе. «Императрица спрашивала меня много о королевской фамилии и о знатнейших особах Англии... Она не учинила ниже отдаленнейшего упоминания о настоящем положении между Россией и Англией, разве должно почестъ таковыми следующие слова, хотя я едва могу поверить, чтобы оное могло иметь к тому отношение. Итальянская гончая собака, принадлежащая императрице, лаяла на мальчика, игравшего перед нею в саду. Она сказала мальчику, чтобы он не боялся, и, оборотясь ко мне, говорила: «Собака, которая много лает, не кусает».

По этому поводу биограф Потемкина Вячеслав Сергеевич Лопатин пишет: «Секретарь Королевского совета и партии Питта все понял правильно. Сначала он прозондировал почву: не согласятся ли русские объявить Очаков с прилегающей территорией независимым анклавом? И получил твердый ответ: об этом даже не будут докладывать Ее Величеству. Новый вариант: русские получают все, что хотят, но без

* То есть в землях Османской Порты.

права строить укрепления и селения. Ответ: мы возвращаем туркам крепость Бендеры, Хотин и Аккерман. Очевидно, следует поставить вопрос об их уничтожении. У Фоукнера имеется и третий вариант. Условия России принимаются с одним ограничением: свобода судоходства по реке Днестр должна быть гарантирована высокими договаривающимися сторонами. Это положение и принимается за основу переговоров под названием «умеренного status quo».

Только после этого Фоукнер подал свою кредитованную грамоту чрезвычайного посланника. Если учесть, что Днестр не был судоходным, то понятно, на какую серьезную уступку пошла Россия. По поводу данного «ограничения» в дневнике Храповицкого можно прочесть следующую запись: «Посылан с запискою к графу Безбородку в Совет, чтоб ее же послать в Лондон к графу Семену Романовичу Воронцову. Спрошен, не смеялся ли Безбородко?» После того, как Екатерина поинтересовалась реакцией Безбородко, она воскликнула:

— Требую мраморный бюст Фокса, с которого, сделав бронзовый, поставлю на колоннаде подле Демосфена: он красноречием своим не допустил Англию до войны с Россиею.

Так, вместо войны и возвращения всех завоеванных территорий, Англия и Пруссия гарантировали туркам свободу судоходства по несудоходной реке. В день подписания «ноты» прибыли курьеры с известием, что князь Репнин разбил 80-тысячную армию визиря при Мачине, и другой сообщил, что турки оставили Суджук-Кале (ныне здесь Новороссийск), и привез ключи Анапы. Екатерина писала в записке Потемкину: «В один день, мой друг, два праздника, да сверх того еще чудесные дела: принятие наших кондиций союзниками. Должно быть, они хотят скорее кончить, потому что взяли предлогом судоходство по реке Днестр, по которому ни одно купеческое судно не сможет ходить по недостатку воды. Завтра приеду в город праздновать. Прощай, мой друг, Бог с тобою».

Кризис миновал, война не состоялась. Безбородко пишет в Лондон Воронцову: «Господина Фоукнера здесь все нашли точно таким, как вы об нем предварили, и он отъезжает отсюда, приобрев всеобщее к нему почтение. Надлежало бы желать, чтоб и всегда дела трактованы были людьми его качеств, и мы очень жалеем, что пребывание его было кратковременное».

Фоукнер уехал в Лондон, а Потемкин — к армии. Дипломатическая схватка выиграна, пора подписывать мир. Но не судьба: 5 октября 1791 года Григорий Александрович скончался на юге, и вся блестяще разыгранная операция могла провалиться. Спасти дело мог только один человек — Безбородко. Провожая его в Яссы, Екатерина напутствовала:

— Да управит Всевышний путь ваш и да поможет вам свершить подвиг ваш ко благодарности нашей и на добро Отечеству.

Императрица предоставила своему статс-секретарю полномочия на ведение переговоров от ее имени. Зная, в каком сложном положении оказался Безбородко, она в письме просит его: «Бога для ни вершка не давайте им по сю сторону Днестра».

Переговоры начались 10 ноября 1791 года, и первые слова Безбородко:

— Хотите войны или мира? Можете иметь и то, и другое. Выбор за вами.

Войны турки, естественно, не хотели. Потемкин умер, но осталась его армия и его полководцы. Подобно своему благодетелю Румянцеву, который сломил упорство противника и заставил его подписать в 1774 году мир тем, что пригрозил послать армию на их столицу, Безбородко, когда османские уполномоченные проявляли чрезмерное упрямство, просил генерала Каховского продемонстрировать силу российских войск.

Наиболее ожесточенные споры вызвали две последние статьи: «О закубанских народах» и «О денежной компенсации». По поводу первой императрица писала Алексан-

дру Андреевичу: «О закубанских народах надо настоять, чтобы в договоре было зафиксировано, что или Порта отвечает за все неурядицы и набеги, которые от тех народов могут нам иногда причинены быть, или предоставили нам самим право обуздать и усмирить их, не почитая такового наказания за нарушение с нею мирного трактата».

Что касается выплаты контрибуции за понесенный Россией ущерб, то Екатерина, опасаясь вмешательства Англии и других европейских держав, предоставила своему статс-секретарю самому окончательно решить этот вопрос, надеясь на его опыт и желание «приобрести выгоды для государства нашего». И Безбородко блестяще справился. Он создал впечатление, что главное, чего добивается его страна, — это денежной компенсации. Тем самым турки легко пошли на уступки по статье «О закубанских народах». За нанесенный ущерб Россия требовала выплатить баснословную сумму — 12 миллионов рублей. И Безбородко добился своего, заставил согласиться Турции, что «она делается ответственной за все беспорядки, могущие произойти от закубанских племен... и обязуется вознаградить из своей казны все убытки, нанесенные корсарами подданным Российской империи».

И тут граф Безбородко торжественно провозгласил:

— Поскольку Порта соглашается на артикул, мною предложенный, отвращающий разрыв и дальнейшее пролитие крови, объявляю, что Российская империя не требует никакого денежного удовлетворения и дарует мир многочисленным миллионам людей, населяющих Россию и Османскую империю.

Александр Андреевич демонстративно разорвал подписанную турецкими уполномоченными бумагу, присовокупив:

— Императрица не имеет нужды в турецких деньгах. Ей драгоценны только права ея и честь подданных.

29 декабря 1791 года переговоры завершились. На последней конференции в торжественной обстановке мирный трактат был подписан.

Великий визирь Юсуф-паша отзывался об этом замечательном нашем соотечественнике: «Доброжелателен, благоразумен, проникателен и справедлив». Об этой дипломатической победе Безбородко начинающий в то время дипломат Ростопчин восхищенно писал: «Для успеха в самом трудном деле ему стоит только приняться за работу. Он оказал России самую важную услугу, какую только можно было сделать».

После смерти Екатерины Александр Андреевич попросил Павла освободить его «от многотрудных занятий», мотивируя это тем, что расстроил «силы свои 32-летним служением», но император ответил, что «в нем нуждается Отечество», и сделал его канцлером России, а также пожаловал его титулом Светлейшего князя.

— Безбородко — дар Божий для меня, — воскликнул как-то Павел I.

Александр Андреевич вместе с Куракиным составлял и заключал конвенцию с мальтийским орденом, за что был награжден бриллиантовой звездой, крестом и орденом Св. Андрея Первозванного. Когда Павел решил возглавить антифранцузский союз, канцлер подготовил обширный план действий против революционной Франции и трудился над организацией союза и его упрочением.

По словам Гельбига, «просвещенный ум Безбородки, безошибочное суждение, редкое присутствие духа, знание языков, навык к работе и политическая проницательность не имели равных на том поприще, которое он проходил».

Александр Андреевич Безбородко действительно был звездой первой величины, всего себя отдававшим служению Отечеству. Напряженная работа подорвала его здоровье, и в 1799 году князь скончался. Ему было всего 52 года. □

иллюстрация
Алексея
Остроменцкого

Мои Мардж Блейн **КОМПЛИМЕНТЫ**

шеф-повару

Мои комплименты шеф-повару

Я — повариха. Chef extraordinaire*. Из тех немногих, кто знает, что первее, курица или яйцо. Разумеется, курица. Яйца идут на десерт, к примеру, в суфле.

Кто мог подумать, что открытый мной ресторан будет пользоваться таким успехом? А мне придется иметь дело с мужчиной в черном костюме? Только не я. Я никогда не верила, что такие, как Большой Чарли, существовали в реальной жизни.

Готовка — моя страсть. С самого детства. У меня есть фотография: мне — пять или шесть лет, я стою на стуле и помешиваю на плите соус «бешамель». Подростком я взяла на себя все семейные обеды, на Рождество, День благодарения, дни рождения. А родственников зачастую собиралось больше десяти. Уже тогда я придумывала собственные рецепты, для десертов, соусов, необычные сочетания пряностей.

Потом была учеба в «Кордон Блэ» в Париже, где я оказалась самой молодой студенткой. Практику я проходила в четырехзвездочном ресторане «Пари Ньюи» (я могла бы рассказать об их кухне, но это другая история). Я могла получить работу во Франции: в Париже, на Ривьере, в старинном городе Каркассоне. Но меня замучила тоска по родине. Я хотела вернуться в Америку, посмотреть, удастся ли мне начать все с нуля.

Обратный путь обернулся триумфом. Мне предложили бесплатный проезд на «Куин Элизабет II» в обмен на несколько лекций и практических занятий по новинкам кулинарии.

Слушатели, среднего возраста, в основном, дамы, охали и ахали над моими блюдами, записывали каждое мое слово. На все это уходило три, максимум четыре часа в день. Остальное время принадлежало мне.

На корабле я и встретила Майком. Он тоже возвращался в Штаты, прослужив два года в «Корпусе мира» в Северной Африке. Можно сказать, мы влюбились друг в друга с первого взгляда. Есть что-то особенное в первом взгляде. Мы не расставались ни на минуту. Майк даже зачастил на мои лекции, хотя не отличал ножа для

* Повар экстракласса (фр.)

резки овощей от того, которым снимают с костей мясо. Мы вместе завтракали, обедали и ночами делили мою каюту первого класса. К концу путешествия мы знали, что не разлучимся никогда.

На нас сразу обрушилась масса дел: поиски квартиры, знакомство с родственниками, свадьба. Майк поступил на работу в Департамент социальной защиты. Сказал, что работа такая же, что и в Африке, только здешние его подопечные смотрели телевизор и знали, чего они себя лишают.

А вот мне найти работу оказалось сложнее, чем я предполагала. В большинстве ресторанов на кухнях царствовали мужчины. В одном мне предложили место официантки. Мне, которая готовила суфле принцессе Грейс. Наконец, меня взяли помощником в кондитерский цех «Ле Муле». Но я не ставила перед собой цель стать старшим поваром кондитерского цеха или шеф-поваром «Ле Муле». Нет, я хотела открыть свой ресторан. Маленький, но элегантный. Где я могла бы экспериментировать, придумывать новые кушанья, получать удовольствие, одновременно зарабатывая на жизнь.

К счастью, Майк разделял мои мечты. Первый год мы экономили на всем, вкладывая каждый цент в «ресторанный фонд». А в свободное время прочесывали город, искали подходящий район: вдали от проторенных дорог, где за аренду не драли три шкуры, но достаточно респектабельный, чтобы было кому ходить в ресторан. Обращались к риэлтерам, откликались на газетные объявления.

Зачастую выставленный на продажу «ресторан с давними традициями» оказывался обычным гриль-баром. Случалось, что, вместо посетителей, в зале кишели тараканы.

Наконец, мы нашли то, что хотели. В районе пустовало немало квартир и помещений под магазины, но рядом открылась художественная школа. И преподаватели уже покупали неказистые с виду, но добротные дома, реконструируя их под свои нужды.

Подготовительный период прошел не без трудностей: то не показывались рабочие, то поставщик «забывал» привезти плиты.

Вскоре мы укрепили вывеску над окном-витриной: «РЕСТОРАН РОШЕЛЬ». Большими буквами. Я-то хотела назвать наш ресторан «Розалинда» или «Клодин», вызывая ассоциации с Францией, но Майк не хотел об этом и слышать. Он настоял на своем, и ресторан назвали именем шеф-повара. Почему только родители не подумали, как будет смотреться мое имя на вывеске, когда называли меня Рошель!

Майк ушел из Департамента социальной защиты. Он взял на себя обязанности менеджера, я — повара, так что, нанимать пришлось только официантку и поваренка. Мы полагали, что на их жалованье выручки хватит. Если, конечно, появятся посетители. А если нет? Я старалась об этом не думать.

Скоро выяснилось, что наша клиентура состоит из пожилых людей, студентов и преподавателей, проживающих поблизости. Пожилые жаловались больше всех и не перебарщивали с похвалами. Студенты не располагали большими деньгами, но ценили вкусную еду. Преподаватели, в

большинстве пары от тридцати до сорока лет, могли позволить себе хороший обед и, к счастью для нас, зачастили в «Рошель».

Вот почему я обратила внимание на мужчину в черном костюме, как только он вошел. Мы только что открылись, и я, как обычно, проверяла столы, дабы убедиться, что все в порядке.

Он остановился у входа, с дымящейся сигарой во рту, не замечая плаката: «БЛАГОДАРИМ ВАС ЗА ТО, ЧТО ВЫ НЕ КУРИТЕ» (Курение я запретила сразу. Ненавижу рестораны, где запах дыма портит аромат кушаний. Для желающих покурить мы отвели специальное помещение. Там они могли выпить и стакан вина. И до появления мужчины в черном в основном зале никто не курил). Лет пятидесяти, высокий, широкоплечий, в модно пошитом костюме. Что-то в нем показалось мне странным. Возможно, шляпа. Я даже подумала, что он забрел сюда по ошибке.

— Извините меня, сэр, — я подошла к нему. — В обеденном зале курить нельзя.

Он меня словно и не услышал.

— Я хочу поговорить с хозяином, — хрипловатым басом заявил он.

— Извините, но здесь не курят. Нам придется выйти отсюда.

Он перекатил сигару в уголок рта.

— Я же сказал, с хозяином.

— Я — хозяйка. — Я старалась выдерживать приятный тон. Не хотелось сразу отпугивать потенциального посетителя. — Пройдемте в холл или в мой кабинет. — И повернулась, надеясь, что он последует за мной. Собственно, ничего другого ему и не оставалось.

Я села за стол, пододвинула к нему пепельницу, руки положила на колени, чтобы он не видел, как они дрожат.

— Так что вам угодно? — спросила я.

— Ты действительно хозяйка?

Я кивнула.

— Приятно познакомиться, — он скорчил гримасу, которая, возможно, означала улыбку. — Я видел, что здесь идет ремонт. Решил пожелать вам удачи на новом месте. Сколько вы уже работаете, три-четыре недели?

— В воскресенье будет четыре, — ответила я. — Вы живете неподалеку?

Он вновь сунул сигару в рот, затянулся, выпустил струю дыма, пусть и не прямо мне в лицо, но в мою сторону.

— Да, я здесь живу. С рождения. Неужели никто не сказал тебе о Большом Чарли?

— Нет. — Я покачала головой. От табачного дыма мне стало не по себе. А может, от его бесстрастного голоса. Я уже понимала, что его появление здесь — никакая не ошибка.

— Так вот, я — Большой Чарли. Это — моя территория. Я тут приглаживаю за всеми, я и мои парни. При необходимости одалживаем деньги. Следим за порядком на улицах. Чтобы никто не бил витрин и не ограбил вас, когда в половине одиннадцатого вечера вы несете выручку в банк.

По моему телу пробежала дрожь. Откуда он знал об этом? Наверное, следил за мной. Или посадил мне на «хвост» одного из своих парней.

Он вновь улыбнулся.

— Мы приглядывали за вашим заведением, чтобы понять, как у вас идут дела. Молодая пара, начавшая свое дело. Я рад, что выбрали именно наш район. Я слышал, и готовят здесь вкусно. Необычно, но вкусно. Надо бы как-нибудь попробовать.

— Надеюсь, что попробуете,— просияла я.

— И происшествия нам не нужны. Разбитое окно, сломанная рука, пожар на кухне, не так ли?

— Разумеется.

— Естественно, зачем лишние хлопоты в самом начале пути? Если все пойдет наперекосяк, вам, возможно, придется закрыть ваше заведение. Такое случилось с сапожником на Пятой улице.

Опять я задрожала. Представила себя со сломанной ногой или рукой, даже пальцем. А если они избьют Майка?

— Вот мы и будем вас охранять. Я приставлю к вашему ресторану своего человека. Витрины останутся в целости. Выручку вы донесете до банка. Если возникнут проблемы, милости прошу ко мне, Большому Чарли. Это входит в условия сделки.

От табачного дыма и его слов голова шла кругом. Рэкет! Большой Чарли хотел охранять меня от Большого Чарли. Только этого нам сейчас и не хватало. Мы едва сводили концы с концами.

— М-м-м-м. И сколько нам это будет стоить?— смиренно спросила я.

Он откинулся на спинку стула.

— Пятьсот долларов в месяц.

Я ахнула.

— Столько я заплатить не смогу.

— Сможешь. Может, не сейчас. Но, когда встанете на ноги, наверняка. Послушай, я не собираюсь подрубать сук, на котором вы сидите. Даю вам пару недель на разбежку. А за деньгами приду в конце следующего месяца. Как насчет этого?

За месяц мы действительно могли встать на ноги, подумала я. Мы рассчитывали, что выручка составит от одной до двух тысяч в месяц. Если отдать пятьсот долларов, прибыли не будет вовсе. Мне требовалось время, чтобы подумать, найти способ нейтрализовать угрозы Большого Чарли. Я не имела права на ошибку. Но он не собирался уходить без моего ответа.

Наконец, я встала из-за стола.

— Мне надо на кухню. Мой помощник один не управится. Останетесь пообедать?

Поднялся и он, после очередной затяжки.

— Пожалуй. Посмотрю, так ли хороша здешняя стряпня.

— Сигару, пожалуйста, оставьте здесь, — твердо заявила я. — В зале у нас не курят.

Майк понял, что я расстроена. Вопросительно изогнул бровь, когда я проходила мимо, но объяснять времени не было. Следующие два часа я колдовала на кухне, но Большой Чарли не выходил у меня из головы. Что делать? Платить? Рискнуть? Решения не находилось.

Время от времени я выглядывала в зал. Большому Чарли обед понравился. Он одобрительно кивнул, съев дораду в миндальном соусе, и улыбнулся, попробовав торт с яблоками.

Когда подали кофе, он полез за сигарой, но, должно быть, вспомнил мои слова, и она осталась в кармане. Чек я принесла ему сама.

— Что скажете?

— Очень хорошо. Еда потрясающая. Становлюсь вашим постоянным клиентом, — он вытащил толстую пачку купюр, заплатил по счету, оставил более чем приличные чаевые Марии.

Надо сказать, что угроза Чарли бизнесу не повредила. Потому что я становлюсь к плите, когда нервничаю. И на следующий день я придумала три разновидности моего основного паштета. Но решения не нашла.

Когда Большой Чарли пришел в следующий раз, я сама приняла у него заказ, как у самого уважаемого клиента. Посоветовала «Эскалоп охотника», одно из моих новых фирменных блюд. Его следовало назвать «Эскалоп Большого Чарли», потому что он не выходил у меня из головы, когда я придумывала это блюдо.

— Восхитительно, — прокомментировал Большой Чарли, покончив с эскалопом. — Никогда не ел ничего подобного. Что это было?

— Телятина. Грибы, помидоры и винный соус с придуманным мною сочетанием трав.

— Ага. Мама готовила что-то такое. Только называла это блюдо «скалопини». Когда я был маленьким, оно мне не нравилось. Но то, что творите вы... — он поцеловал два пальца и поднял их вверх. — И цены разумные, — он наклонился ко мне. — Могли бы брать и больше, знаете ли. На три-четыре доллара с порции. Тогда и со мной расплатились бы без труда.

— Не могу, — я покачала головой. — Клиентуру нам не удержать. Студенты не смогут приходить к нам. А кто их заменит — не знаю.

— Ты об этом подумай, — в его голосе слышались отеческие нотки. — У тебя еще есть время, помнишь?

— Конечно. Разве такое забудешь?

Большой Чарли приходил регулярно, дважды в неделю. Я не хотела его видеть, а тем более кормить. С другой стороны, я гордилась своим мастерством. И мне льстило, что Большой Чарли по достоинству оценил мой талант.

Однако я постоянно думала о том, как бы избавиться от Большого Чарли. Подсыпать ему яду в кофе? Ударить ножом? Я не могла поставить и мышеловку. Где уж мне убивать человека.

Постоянное напряжение положительно сказывалось на моих кулинарных достижениях. К радости постоянных клиентов «Рошели», они получили одно новое блюдо за другим. Мы не планировали приглашать ресторанных хроникеров, но кому-то из них о нас сообщили. Может, их направил к нам сам Большой Чарли. Короче, после того, как о нас написали, не имело смысла отрицать, что мы состоялись как рестораторы. Попасть к нам без предварительной записи уже не представлялось возможным.

Однако прибыль оставляла желать лучшего. И мы не могли поднять ее, не увеличив цены, не понизив качество продуктов и не сдвинув століки. Тогда мы смогли бы без напруга расплатиться с Большим Чарли, но он наверняка бы повысил стоимость своих услуг. А меня приводила в ярость одна мысль о том, что я должна делиться с ним прибылью.

Раз за разом мы с Майком обсуждали сложившуюся ситуацию, но на ум не приходило ничего путного. В результате, Майк заявил, что принимать окончательное решение должна я.

— Ты — шеф-повар. Ты — хозяйка. Ты — Рошель. Или мы платим, или нет. Мы можем продать ресторан, знаешь ли. Я всегда могу вернуться в Департамент социальной защиты. Ты тоже найдешь работу. С голоду мы не помрем. Не придется вкалывать от зари до зари. И вряд ли мы найдем смерть на дне реки в бочке с бетоном.

— Но мы не можем сдать. Мы вложили в ресторан всю душу. Именно таким я его себе и представляла. Я не могу его отдать!

— Тогда мы ему заплатим, дорогая. — Майк нежно обнял меня. Такие мужчины, если и встречаются, то лишь один на миллион. — Не стоит из-за этого нарываться на неприятности. Он из тех, кто держит слово. Я это чувствую.

В предпоследнюю перед назначенным сроком пятницу я подавала баранину, фаршированную рисом с розмарином. И я решила проблему, которая мучила меня не один год — чем заменить трюфели?

Я не видела, как вошел Чарли. Я даже не подозревала, что он здесь, до тех пор, пока ко мне не подошла наша вторая официантка, которую пришлось нанять в помощь Марии.

— Вас хочет видеть какой-то господин.

Большой Чарли сидел за столиком для четверых, который, я это знала, забронировал один из профессоров художественной школы. Он криво улыбался.

— Для меня не нашлось свободного столика. Дела у тебя идут очень даже неплохо.

— Как же вас сюда пустили? Я думала, все столики заказаны.

— Так и есть. Но за двадцатку я все устроил. Просто, как мир, дорогая моя. Деньги решают любую проблему. Деньги и власть.

Я кипела от злости. У него было и то, и другое. Более, чем достаточно. Пятьсот долларов в месяц не делали для него погоды. Не то, что для нас.

— Мои комплименты шеф-повару. Готовят здесь все лучше и лучше, — он обвел рукой зал. — Успех — налицо. Все столы заняты. Люди записываются в очередь, чтобы попасть к вам.

— Да. Дела идут нормально. Но на это ушли годы учебы. И ресторан приносит не такую уж большую прибыль. У нас много расходов.

— Я знаю. Знаю. Не думай, что названная мною сумма взята с потолка. Я все просчитал. Пятьсот долларов вам по силам. Может, придется поднапрячься, но вы справитесь.

Я ушла на кухню и начала яростно рубить петрушку. Деньги для него ничего не значили. Я ничего не значила. Он лишь хотел контролировать

меня, мой ресторан. Чтобы я работала не на себя, а на Большого Чарли. Я горько жалела о том, что не могу пырнуть его ножом — он того заслуживал...

Официантки закончили уборку и ушли. Я отправила Майку домой, а сама осталась. На завтра решила приготовить заливное в лимонном соусе, а это блюдо отнимало массу времени. Меня это устраивало: мне было о чем подумать. Уж очень хотелось найти способ сохранить деньги и остаться в живых. А в том, что он существовал, сомнений у меня не было.

И наконец, когда я терла лимон, у меня созрел фантастический план. Только я не знала, удастся ли его осуществить. Потому что многое зависело от реакции Большого Чарли. Но еще больше зависело от меня, от того, удастся ли мне подчинить его своей воле.

На следующую пятницу, срок расплаты, Большой Чарли заказал столик. Я нервничала всю неделю, поэтому на кухне превзошла саму себя. Придумала два новых суфле, одно с персиками, второе с апельсинами и ванильным ликером. А уж форель, которую я приготовила в ту пятницу, могла взять первый приз на любом конкурсе.

Я дождалась, пока Большой Чарли допьет кофе, потом подошла с чеком к его столику.

— Все готово? — спросил он.

Я кивнула.

— Пройдем в мой кабинет. Там нам не помешают.

Я села за стол, положила чек перед собой, подождала, пока он устроится поудобнее.

— Если хотите, можете курить.

Он достал сигару, откусил кончик, раскурил.

— Что ж. — Он выпустил струю дыма. — Давай деньги.

Несколько секунд я наблюдала за поднимающимся к потолку дымом.

— Сегодня вы всем остались довольны?

— Конечно. Я же говорил. По части готовки равных тебе нет. И у вас очень уютно. Не то, что в этих кабаках в центре. Иначе стал бы я приходить сюда дважды в неделю? Так хорошо меня нигде не кормили.

Оставалось надеяться, что он не кривил душой. Но я попыталась вызвать у него сочувствие к себе.

— Послушайте. Вы знаете, сколько мы работаем, Майк и я. Чуть ли не каждый день я иду на рынок к шести утра. А ухожу отсюда после полуночи.

— Но тебе это нравится.

— Все так. Но вы хотите снять сливки.

Чарли пожал плечами.

— И что? Это — моя работа.

— Пожалуйста, — я предприняла еще одну попытку. — Вы не можете оставить нас в покое?

— Ты шутишь? Если станет известно, что у Большого Чарли кто-то соскочил с крючка... — Он характерным жестом провел рукой по шее. — Вот что будет. Не могу, даже если бы и хотел.

Тут уж я поняла, что переубедить его не удастся.

— Ладно. Значит, будем платить.

И я пододвинула к нему чек. Он перевернул его, посмотрел на указанную внизу сумму, побагровел.

— Восемьдесят пять долларов! — взревел он. — Это еще что такое? Обычно было двадцать, двадцать пять баксов. Что происходит?

— Особый счет для особого клиента, — ответила я, надеясь, что он не слышит ударов моего сердца. — Мне предстоят дополнительные расходы, которые необходимо как-то покрыть.

Он прикинул.

— Восемьдесят пять долларов за обед, сто семьдесят в неделю... примерно семьсот в месяц. Ты хочешь покрыть их моими деньгами?

Я кивнула.

Большой Чарли хряпнул кулаком по столу, встал. Я думала, сейчас он ударит меня. Но он зашагал взад-вперед. Впрочем, размеры моего кабинета допускали лишь два шага в любую из сторон. Потом Большой Чарли что-то произнес на незнакомом мне языке, вновь кулак опустил на мой стол, из горла вырвался грозный рык. Не сразу я поняла, что он смеется.

— Хорошо. Хорошо. Я заплачу по этому счету. И по остальным счетам, если буду и дальше здесь обедать. Только скажи мне, почему восемьдесят пять долларов? Семьсот в месяц вместо пятисот? Ведь ты должна платить мне только пять сотен, так?

— Да, — кивнула я. — Пятьсот долларов за охрану. Но ведь вы должны платить и за обед, не так ли?

Большой Чарли положил мне на стол сотенную, покачал головой и направился к двери. Взявшись за ручку, обернулся.

— Увидимся во вторник. И чтоб столик меня дожидался. Хороший столик. Скажешь любому, кто захочет за него сесть, что он зарезервирован для Большого Чарли. Не забудь, я бываю здесь по вторникам и пятницам.

— Не забуду, — заверила его я.

Пусть приходит, подумала я про себя. Пока Большой Чарли рядом, я буду начеку, не зная, что принесет мне грядущий день. А когда я нервничаю, на кухне у меня проблем не возникает. И моих клиентов будут ждать новые кулинарные шедевры. □

Перевел с английского **Виктор Вебер.**

Ирина Нютяева

Замерзала Россия в снегах...
Может, где-то в каких-то веках
Мы с тобою когда-то любили,
Только души о том позабыли.
Знаю, мне переплывшей сквозь Лету,
Суждено возвратиться опять,
Ждать тебя до скончания света
И поблизости где-то плутать.
И, как поисков долгих итог,
В суете, где фужеры парят,
Вдруг поймать необузданный взгляд,
Как с галерки летящий цветок,
И сквозь памяти третье зренье
Воскресить в неурядице дел
Вечных душ неземное паренье
Над распытием двух трепетных тел.

В эти знойные минуты
За собой тебя зову.
Здесь цветы, как лилипуты,
Смотрят в небо сквозь траву.
Запах терпкий и кричащий,
Просит ягода: «Сорви».
И малина в этой чаще
С сладким привкусом любви.
Кем весь этот мир устроен?
Петь, ответа не найдя,
Под натянутые струны
Серебристого дождя.
Замолкают лета арфы...
Жизнь накинула лассо
Айседоры легким шарфом
На мгновений колесо.

Мои плечи тихий вечер
Заласкает под дождем.
Точно праздник, этой встречи
Мы с тобою подождем.
Ляжет в преданные строчки
Слов заветных миллион.
Твое сердце на цепочке,
Как на шее медальон.

Я ладонями протру
Нашей памяти окошко:
Там прогулки поутру,
Ягод полное лукошко,
Пирога румяный край,
Пруд в убранстве белых лилий
И собаки звонкий лай,
Той, что мы похоронили...
Боже мой! Прими поклон,
И прошу – верни удачу...
Дождь, как старец за стеклом,
От беспомощности плачет.

Пишется история...
Автор книги судеб
Думает о нас:
Любит или судит.
Каждое мгновенье
Видит, знает, слышит.
Действует сценарий,
Утвержденный свыше,
Будущее часто
Мне ночами снится.
Боже! Дай поправить
Хоть одну страницу!

Все, что мне дано –
жить на белом свете.
Стать хочу беспечной
и играть, как дети.
В мире чувств моих
приоткрыты двери.
Я в тебя давно –
верю и не верю.
Вечер просветленный
в чудное мгновенье,
Точно пред иконой,
встанет на колени.
Мне не разорвать
эту цепь событий...
Свыше кукловод
дергает за нити.

Точно старцы седые,
проходят века,
Поступь их, проходящих сквозь мир, —
нелегка.
Даже посох,
с которым сподручней идти,
Был цветущей рябиной
в начале пути.
Кто способен за все по заслугам
воздать?
Было время любить —
будет время страдать.
Годы лезвием острым
врезаются в нас,
В замерзающий омут
невидящих глаз.

Может, я еще раскаюсь,
Что то лето пролетело...
Мне приснилось, что спускаюсь
Я по звездам в платье белом,
Что немая колокольня
Стала звонкой и великой,
Что старинная икона
Улыбнулась светлым ликом,
Что полна Грааля чаша,
Что мое скучает кресло,
Что с тобою повстречавшись,
Из ответных я воскресла.

иллюстрация **Льва Рябинина**

Рэй Фоли

Ей так хотелось верить

Р

Глава 1

Я заметила Уилла, когда ждала хозяйку, собираясь взглянуть на коттедж. В последние полгода мне приходилось часто менять жилье. И всякий раз я выбирала либо квартиру в мебелировке, либо коттедж — не слишком роскошное, но и не чересчур скромное обиталище, в общем, как раз такое, чтобы не привлекать внимания. И я никогда не подписывала арендный договор, боясь, что меня узнают. Благодаря этому меня ничто не связывало, и я всегда могла уехать в любую минуту.

Ни разу за полгода я не слышала голоса Уилла. Не будь писем, я, как и все, поверила бы, что он мертв. Но каждый раз, когда перебиралась на новую квартиру, приходила ободряющая записка, и я терпела.

Сегодня я видела его в третий раз за полгода. Уилл шел по аллее в спортивной куртке, темных очках и кепке, скрывающей рыжие волосы. Забыв об осторожности, тщательно соблюдаемой за эти шесть месяцев отчаяния, я бросилась за ним. Уилл уже добрался до деревянного мостика через искусственный ручей, пересекавший площадку, на которой выстроились коттеджи. Но тут ко мне подбежала запыхавшаяся хозяйка — хорошенькая женщина лет двадцати трех (то есть моя ровесница) в узких джинсах и белой блузке. Мне сразу понравилась ее открытая, дружелюбная улыбка.

— Простите, что заставила вас ждать, но меня задержал телефонный звонок — один из тех бесконечных разговоров, когда от собеседника никак не отвертишься, — мягко извинилась она. — Вы ведь меня понимаете, мисс?..

— Браун, — отозвалась я, с тоской глядя вслед удаляющемуся силуэту мужчины, и последовала за хозяйкой под свод сплетенных ветвей. Дюжина коттеджей, рассыпанных под пальмами, отличались друг от друга лишь цветом. Купы камелий придавали картине еще более яркий, жизнерадостный вид. От одной мысли, что бы подумал Уилл об этом погруженном в блаженный покой уголке, у меня больно сжалось сердце.

Молодая хозяйка показала мне розовый коттедж. Мило обставленный домик заливали потоки солнечного света. В открытое окно я видела горную цепь на фоне синего неба.

— Договорились. Коттедж мне нравится.

— Вот и прекрасно. Вы рассчитываете остаться надолго, мисс Браун?

— Пока не знаю.

— Другие коттеджи пока пустуют, и, если вам станет слишком одиноко, заходите ко мне. Дома всегда есть готовый кофе, а мы с мужем будем вам рады.

— Вы очень любезны, спасибо.

Я выписала чек, расплатившись за месяц с тайной надеждой, что смогу остаться в таком спокойном месте подольше. Я не создана для полной приключений жизни, какую вела в последние полгода. Именно для женщин вроде меня издаются журналы с множеством полезных советов, как украсить дом. Я из тех, кто не прочь поболтать с соседкой через изгородь сада, кто с любовью воспитывает детей, и сами нуждаются в ней, и чьи мужья каждый вечер возвращаются с работы к семейному очагу...

О Господи, нет, я вовсе не жила, как мне всегда мечталось. В последние полгода меня всюду преследовал страх, что полицейский хлопнет меня по плечу и потащит в участок! И за все это время я видела своего мужа только три раза!

— Если хотите, можете перебраться прямо сегодня, — продолжала хозяйка. — Я включу холодильник. Ах да, чуть не забыла: всего в трех кварталах отсюда — супер-маркет. Купите все необходимое — ведь завтра воскресенье. Я говорю это потому,

что вы расплатились аккредитивом, а значит, чужая в наших краях. — Она чуть внимательнее вгляделась в мое лицо. — Однако мне кажется, будто я вас уже видела... Не тут, конечно... Может, по телевизору?

— Я не актриса.

— Занятно... Вам никогда не говорили, что вы похожи на принцессу Грейс? — Молодая женщина умолкла и прислушалась. — Извините, мне надо бежать... малыш плачет. Вот ключи. А если вам что-то понадобится — не стесняйтесь, приходите. У моего мужа золотые руки, и он с удовольствием поможет. — Хозяйка дружески махнула рукой на прощание и убежала.

Добравшись до своего «фольксвагена» и все еще поглядывая в сторону моста, где исчез Уилл, я включила зажигание и поехала на квартиру, в которой сумела прожить всего три недели. Мне было страшновато встретиться с тамошним хозяином, поглядывавшим на меня с вождением. Справляться с этой проблемой пришлось учиться с первых же дней кочевого существования. Множество женщин, болтающихся около Голливуда без работы и твердых источников существования, — естественная добыча любителей бегать за юбками. Как ни странно, Уилл не учел, насколько подобное положение для меня унижительно. Но я настолько его любила, что безропотно выполняла все требования, коль скоро Уилл считал, что надо прятаться ради собственной безопасности. Однако меня нередко одолевало искушение пойти в ближайший полицейский участок — бесконечные переезды утомляли до предела.

Сбор двух чемоданов не занял много времени. Потом я затянула ремни и понесла их в багажник машины. Вчера, увидев мужчину в белом «пантиаке», я поняла, что придется снова сменить адрес. По правде сказать, он не пытался мне угрожать, но... У выхода из кино он приблизился и всего-навсего сказал:

— Чудесная погода, не так ли, миссис Гейтс?

— Вы ошиблись, я не миссис Гейтс, — холодно ответила я.

— Правда?

Это был высокий, широкоплечий, загорелый и очень красивый мужчина лет тридцати. Его самоуверенность обескураживала.

Меня и до этого не раз узнавали, особенно после того, как мои фотографии появились в газетах и на экранах телевизоров, и я привыкла отделяться от неприятных вопросов. Но этот человек напугал меня. Быть может, потому, что не стал повторять мое имя, лишь смерил решительным взглядом, а под кожей на скулах заходили желваки — он явно стиснул зубы. Я мгновенно почувствовала, что такой ни за что не остановится, пока не достигнет цели...

Поэтому, вливаясь в поток машин и не видя сзади преследователя, я с облегчением перевела дух.

В четыре часа я заехала в супермаркет и накупила провизии на несколько дней. Всякий раз, выходя из дому, я боялась наткнуться на знакомых или человека, видевшего мои фотографии. Такая встреча неминуемо закончилась бы катастрофой. Я тщательно избегала мест, куда любят ходить мои друзья, но, увы, не могла превратиться в невидимку. Я носила темные очки и светлый парик совсем другого оттенка, чем мои настоящие волосы, одевалась в брюки, свитера и блузки кричаще-ярких цветов. И всякий раз, опознав меня как Хелен Гейтс, подозреваемую в убийстве своего мужа, люди удивлялись, что я так одета.

В первый месяц после нашего с Уиллом исчезновения поиски велись не так уж серьезно, и сразу по трем причинам. Во-первых, не обнаружили ни малейших следов тела Уилла, во-вторых, все друзья были в курсе, что он имеет обыкновение исчезать на несколько недель, никому не сказав ни слова, а в-третьих, только мы с Уиллом знали, что в моей шляпной коробке хранится восемьдесят тысяч долларов.

Порой я и сама не верила, что подобная история могла произойти со мной. Неужели это и вправду я скрываюсь, потому что меня хотят убить, полиция подозревает в убийстве, а среди багажа — целое состояние... краденых денег?

А ведь меня воспитывали в швейцарском пансионе, где полновластно царили дисциплина и аскетическая суровость! Туда принимали лишь девочек-сирот, вроде меня, или дочерей разведенных родителей. И росла я под сильнейшим влиянием нашей директрисы — женщины строгой и целиком посвятившей себя служению ближнему. Именно она уговорила меня отправиться в Калифорнию и стать сотрудницей службы социального обеспечения, в основном, помогая юным правонарушителям. За три года я узнала множество самых разнообразных причин, которые толкают молодежь на воровство и убийство. Каждый день я встречалась с юными преступниками и пыталась их понять. И вот, как-то раз, придя в тюрьму, я встретила Уильяма Гейтса. С того дня в мое тоскливое существование вошла радость.

Уилл явился туда, чтобы забрать семнадцатилетнего парня, уже не раз осужденного за мелкие преступления, и дать ему шанс начать новую жизнь, спасти от окончательного падения. Я еще никогда не встречала такого доброго человека, как Уилл. Он был высок, красив и огненно-рыж, большой любитель посмеяться и пошутить. Стоило ему появиться — и мне казалось, будто свежий бриз выдувает из нашего центра затхлый, пропитанный унынием и вечной борьбой воздух.

Не прошло и дня с нашей первой встречи, как Уилл заглянул снова — теперь уже ко мне, а шесть недель спустя мы поженились. Он научил меня смеяться и любить. И за те три месяца, что мы прожили вместе, я все больше влюблялась в мужа. Ни облачка не омрачало нашего счастья. Лишь одно меня слегка тревожило: Уилл тратил деньги не считая, не думая о завтрашнем дне. Почти каждый день он покупал мне редкие и очень дорогие цветы. А чтобы отпраздновать месяц нашего счастливого союза, сменил старый «форд» на великолепный «кадиллак». Вечером Уилл редко возвращался домой без подарка: то брильянтовой броши, то серег, то воздушного пеньюара, пленившего его на витрине магазина.

— Моя жена так прекрасна, что должна носить вещи и драгоценности, достойные ее красоты, — говорил он, когда я возражала против безумных трат.

По словам хозяина фирмы, Джона Крозерса, Уилл был его самым блестящим продавцом.

— У вас гениальный муж! — с восторгом уверял он. — Будь у меня еще пара таких служащих, и во всей стране не нашлось бы агентства, равного нашему! Но Уилл уникален в своем роде.

Когда я советовала мужу умерить мотовство, он становился угрюмым, молчаливым и раздражительным — я портила ему удовольствие. Все попытки обуздать Уилла были тщетны, и в конце концов я махнула рукой, подумав, что с годами он научится экономить. Но, по моему мнению, больше всего угрожала нашему счастью привязанность Уилла к своему другу, Гарри Фицхьюгу, который пагубно на него влиял.

— Мы с Гарри — друзья детства, — оправдывался Уилл. — Для меня он — все равно что брат. И я не могу ни с того, ни с сего повернуться к парню спиной, дорогая.

— Я и не прошу о полном разрыве, Уилл, но пусть он приходит к нам пореже. Твой Гарри становится навязчив...

— Мы всегда все делили пополам.

— Так ты хочешь, чтобы он поселился у нас в доме? Твой Фицхьюг мне надоел!

— Честное слово, ты ревнуешь, Хелен! — хохотал он.

Что ж, я впрямь опасалась влияния Фица на Уилла. Мне не нравился этот человек! Он сразу произвел на меня неприятное впечатление, когда Уилл познакомил

нас на следующий день после свадьбы. Фиц ясно дал мне понять, что не одобряет нашего союза, но, тем не менее, старым привычкам не изменил и продолжал являться в дом с видом хозяина. Уилл рассказывал мне, что Фиц — из аристократической семьи с Юга. Но если моего мужа его происхождение впечатляло, то меня — отнюдь нет! А теперь я просто ненавидела этого мнимого друга, ибо по его милости полицейские подозревали меня в убийстве мужа и разыскивали, чтобы допросить. Надеюсь, вы поймете, почему после трех месяцев брака, бывшего для меня чередой пьянящих дней радости, любви и счастья, я так ненавидела Гарри Фицхьюга!

В последнюю неделю нашей совместной жизни Уилл стал нервным и беспокойным. Он курил сигареты одну за другой и грыз ногти. К тому времени мне почти удалось избавить мужа от этой привычки, и Уилл принимался за старое, только когда очень уставал. Впервые со дня свадьбы мне казалось, будто он забыл о моем существовании. Уилл плохо спал и почти не ел. Прежде он с трудом вставал по утрам, но теперь, просыпаясь, я нередко видела, что он уже сидит за столом, выбритый и одетый, а рядом — набитая окурками пепельница.

Я не спрашивала о причинах такого странного поведения. Если мужу захочется разделить со мной свои тревоги, пусть сделает это сам. На третий день он объяснил, что беспокоится, потому что у Фица неприятности. Сообщение оставило меня равнодушной. Что меня действительно огорчало — так это смотреть, как мучается Уилл.

В конце недели муж вернулся домой около четырех часов ночи с чемоданом в руке, бледный и дрожащий.

— У Фица очень серьезные неприятности, — сразу сказал Уилл. — Его отец тяжело болен, нужна дорогостоящая операция, а потом — долгий и тщательный уход до полного выздоровления. Парень тщечно пытался собрать нужную сумму, а потом впал в отчаяние — отца-то ведь надо было срочно класть в больницу. Вот Гарри и ограбил кассира, перевозившего из банка зарплату для служащих своей компании. — Уилл показал мне чемоданчик.

— Как?! Там ворованные деньги?!

— Да. Фиц позвонил мне и попросил приехать. Бедный мой друг, он потерял голову и...

— Ты тоже! Ведь ты даже не понимаешь, что Фиц втянул тебя в свою грязную историю!

— А что я мог сделать? Но не это самое скверное...

О нет, я, конечно, никак не готовилась к тому, что меня ожидало! В прошлом году случилось полдюжины таких ограблений, и встревоженные страховые компании приняли решительные меры, а потому кассирам теперь выдают оружие. И сегодня несчастный кассир выхватил из кобуры пистолет. Перепуганный Фиц выстрелил в него в упор и сбежал, прихватив чемоданчик с деньгами. Уже дома он узнал, что все номера банкнот переписаны, и их никак нельзя пустить в обращение. Банки, разумеется, предупредили, и бедняга Фиц слишком поздно понял, что рисковал впустую.

— А другой человек — погиб! — возмущенно напомнила я Уиллу. — Я не хочу, чтобы ты вмешивался в это дело! Ни в коем случае!

Муж обнял меня за плечи. Он дрожал, и я чувствовала, как сильно колотится его сердце.

— Послушай, дорогая, Фиц не хотел его убивать. Он просто потерял самообладание, и тут уж ничего не попишешь.

— Что ты собираешься делать с этими деньгами? — спросила я, отстраняясь от Уилла. — Почему ты принес их к нам, вместо того, чтобы немедленно передать владельцам?

— Ради спасения Фица. Он сейчас не в состоянии понять, что натворил, и все еще воображает, будто сможет спасти отца с помощью этих денег. Я попытался урезонить парня и втолковать, что, как только он выложит хоть одну банкноту, будет арестован, причем не только за ограбление, но и за убийство. Потрясение доконает старика, а сам Фиц сядет на электрический стул! Во избежание таких катастрофических последствий я и унес деньги.

— Но почему к нам, Уилл?

— Дорогая, я не знаю более надежного места. — Ноги у моего мужа подкосились, и он упал на диван. — Я догадывался, что Фиц затевает какую-то глупость, но он ни слова не сказал, а потом поставил меня перед фактом. Теперь слишком поздно. Пойми, я не мог оставить деньги у Фица, иначе его поймали бы.

— Но это же ворованные деньги, Уилл, их надо вернуть и...

— Я уже говорил тебе, что Фиц потерял голову и ничего не соображает. Увидев, что я уношу деньги, он поклялся, что, если я их верну, убьет тебя. Он сказал это, зная, что для меня ты дороже всего на свете. Я возмутился, но Фиц стоял на своем. Я не могу выдать друга, это было бы подлостью, но я не хочу, чтобы он причинил тебе зло, Хелен!

— Но, Уилл...

— Я не знаю, как быть, дорогая. — Он обхватил голову руками и долго сидел так, не говоря ни слова. Затем произнес:

— Я хорошенько обдумал положение. Тебе надо на время хорошенько спрятаться, чтобы Фиц тебя не нашел.

— Ты совсем рехнулся! — вне себя от возмущения выкрикнула я. — Фиц угрожает меня убить, а ты, вместо того, чтобы, как он того заслуживает, позвонить в полицию, предлагаешь мне удирать? Я отказываюсь!

Уилл протянул ко мне руки, но я так сердилась, что спрятала свои за спину.

— Фиц — убийца, и ты сам мне об этом сказал, Уилл!

— Да, Хелен, а теперь он грозит и тебя тоже... Однако я не могу предать человека, которого всю жизнь люблю, как брата... и не могу позволить ему убить мою жену... Опасность очень серьезна, и тебе надо уехать, дорогая... ненадолго, конечно.

— Чего же ты от меня хочешь?

— По дороге домой я успел всерьез все обдумать. Выслушай мой план, Хелен. На несколько дней — максимум на пару недель — мы с тобой расстанемся. Отец Гарри дольше не протянет, а после его смерти деньги Фицу уже не понадобятся. Надеюсь, тогда он придет в себя. А мы с тобой пока затаимся, но порознь. Сделаем вид, будто я не приезжал домой после встречи с Фицем и никогда не видел этих денег. Иначе потом у нас будут неприятности.

— Так мы расстанемся... Значит, конец нашему счастью?

— Нет, дорогая! Мы расстанемся на время, а не навсегда! Я лишь прошу спрятаться на несколько дней, чтобы Фиц не смог тебя разыскать. Таким образом, ты будешь в безопасности, и он — тоже. Если я позволю Гарри умереть на электрическом стуле, меня замучают угрызения совести!

— А деньги? — спросила я, пнув ногой увесистый чемоданчик.

— О Господи! — с ужасом воскликнул Уилл. — Надеюсь, ты не думаешь, что я собираюсь оставить их себе? Ты заберешь их с собой и спрячешь, чтобы Фиц не нашел. Сейчас отнести чемоданчик в полицию невозможно, потому что, как только об этом пронохает пресса, Фиц так или этак сумеет выполнить угрозу.

— Нет! Я не хочу! Не могу!

— Перестань кричать, дорогая. Соседи могут подумать, что мы ссоримся. Я прошу тебя о такой жертве, потому что знаю: наша разлука долго не продлится. Зато старик

умрет спокойно, а Фиц успеет одуматься. Но сейчас, если парень вообразит, будто ты уговорила меня вернуть деньги, он, пожалуй, способен прикончить нас обоих.

— Послушай, Уилл, — начала я, стараясь говорить как можно спокойнее, — но ведь, поступая таким образом, ты становишься сообщником убийцы.

— Но я должен спасти тебя, Хелен, и должен спасти Фица!

— И ради этого хочешь меня тоже сделать его сообщницей? Да, Уилл?

— Хелен, это наш последний шанс. В конце концов, я уговорю Фица уехать из страны. В крайнем случае — помогу ему сбежать. Иначе рано или поздно он тебя отыщет, и это станет концом для всех троих. У нас есть сутки на сборы. Уходя, я связал Фица, и сам он не сможет снять путы. Стало быть, до вечера, пока не придет прислуга, ты в безопасности. Тебе надо изменить внешность, чтобы стать неузнаваемой. Сама знаешь, как часто люди стали бы спрашивать тебя, не младшая ли ты сестрица принцессы Грейс! Элегантность и простота твоих туалетов придают тебе некую аристократическую утонченность. Теперь — о деньгах...

Я с ужасом и омерзением посмотрела на чемоданчик.

— О нет, не бойся, к этим мы и пальцем не притронемся! Ах, до чего же я сейчас жалею, что не последовал твоим советам! Будь я хоть малость побережливее...

— У меня три тысячи долларов на банковском счету и еще десять — в бонах Казначейства. Но мне понадобится время, чтобы обратить все это в наличность.

Ближе к вечеру я взяла «кадиллак» и отправилась в банк. Там я быстро обменяла боны и сняла со счета всю наличность, а потом объехала еще шесть банков, где меня не знали, и поменяла три тысячи долларов на аккредитивы. Чтобы не привлекать внимания, чеки я выписывала на небольшую сумму, а чековую книжку, по совету Уилла, попросила оформить на девичью фамилию — Браун. Остальную часть суммы мне выдали в крупных купюрах, и все же сверток из десяти тысяч получился объемистым.

Покончив с обменом, я поехала в большой универмаг и купила парик, несколько пар брюк, юбки, свитера и дешевую косметику. Казалось, я просто готовлюсь к маскараду, а не бегу от человека, который хочет меня убить. Только вернувшись домой, я до конца осознала, насколько серьезно наше положение. Нет, это была не игра. Я сунула ключ в замок, повернула, но дверь не открылась — изнутри ее закрыли на задвижку.

— Уилл! — тихонько позвала я.

В коридоре послышались шаги. Муж открыл дверь, и я вошла в дом.

— Пока эти проклятые деньги тут, я места себе не нахожу, — признался Уилл.

Теперь, когда первое потрясение прошло, я заметила, до какой степени эта история затронула моего мужа. Я поцеловала Уилла в щеку, и он прижал меня к груди. Потом попросил меня надеть то, что я купила, и новый парик. При виде метаморфозы Уилл смеялся, как ребенок. Казалось, он на мгновение забыл, что замешан в краже и убийстве. Но веселость быстро прошла, и мой муж принялся сочинять код, которым мы могли бы воспользоваться в случае необходимости.

Вечером я включила телевизор, чтобы послушать новости. Ведущий начал выпуск с нападения на несчастного кассира, проработавшего в одной компании двадцать пять лет и убитого незадолго до выхода на пенсию.

Усталая и подавленная, я легла спать. Вскоре ко мне присоединился Уилл.

А утром, открыв глаза, я не увидела мужа рядом. Не было его и в соседних комнатах. Но, кроме одежды, что была на нем, Уилл не взял с собой ни единой вещи — ни зубной щетки, ни бритвы. Накануне, выключив телевизор, мы уложили краденые деньги в мою кожаную шляпную коробку и приклеили крышку скотчем. На столе в гостиной я нашла записку.

«Дорогая, — писал Уилл, — мне пора уходить. Я не могу подождать хотя бы, когда ты проснешься. Как только соберешь чемоданы, скорее уходи из дома. Не забудь, что я охраняю тебя и смогу защитить. А когда тебе перестанет угрожать опасность, мы воссоединимся. Я люблю тебя. Уилл».

Я уже не могла отступить. Торопливо закинув в чемоданы немного одежды и белья, я выпила чашку кофе, оделась, нарядилась, надела парик и очки. Перед уходом еще раз обошла всю квартиру, где мне было так хорошо, раздумывая, вернется ли когда-нибудь наше с Уиллом счастье.

Я надеялась, что никто из соседей не встретится по дороге и не увидит, что я выхожу из дома в таком странном одеянии. Уилл оставил «кадиллак» на обычном месте, но это тоже входило в его планы. Муж очень любил новую машину, и расстаться с ней было для него большой жертвой, а потому, увидев «кадиллак», я еще глубже осознала, насколько серьезна опасность. Следуя наставлениям Уилла, я отправилась к торговцу машинами и за четыреста долларов купила потрепанный «фольксваген». Документы выписали на имя Хелен Браун, поскольку еще не успела сменить права. Оставалось съездить домой за чемоданами. Шляпную коробку я взяла с таким чувством, будто держала в руках кобру.

Хоть я и обещала Уиллу в точности следовать всем его указаниям, одно из них я все же никак не могла выполнить. Одна мысль об этих проклятых деньгах приводила меня в ужас. И я решила отдать их на хранение Хепбернам, милым старикам, которых знала с детства. О, я не слишком гордилась придуманным мной планом, но просто не видела иного выхода.

Хепберны — единственные, кому я полностью доверяла. Они — давние друзья моих родителей, навещали меня в Швейцарии, когда я еще училась в пансионе, и всегда приглашали к себе на каникулы.

Я помчалась напрямик к Хепбернам с таким чувством, будто еду в другой мир. В каком-то смысле так оно и было. Мы жили в очень оживленном квартале, где день и ночь сновали машины, в то время как вокруг дома Хепбернов царила полная тишина. Вилла стояла в глубине парка, и большую ее часть скрывали деревья. Я свернула в аллею. Дорожка змеилась среди изумрудной зелени газонов, на которых в хорошо продуманном беспорядке тут и там садовник разбил цветочные клумбы. Со шляпной коробкой в руке я, вероятно, напоминала одну из тех коммивояжерш, что бродят от двери к двери в надежде заманить покупателя. Я позвонила.

— Миссис Хепберн нет дома, — сразу предупредил дворецкий.

Не будь мое положение так трагично, я бы рассмеялась.

— Уилкинс, вы что, не узнаете меня?

— Мисс Браун! Прошу прощения, миссис Гейтс... Я и вправду вас не узнал! А миссис Хепберн у себя, в малой гостиной.

Миссис Хепберн, высокая, плотная дама, могла на первый взгляд произвести не особенно приятное впечатление, однако была на редкость милым и отзывчивым человеком, всегда готовым прийти на помощь. Одевалась она всегда просто, лишь на внушительной груди посверкивали брошь и золотая цепочка лорнета.

Сидя у секретера, она печатала одним пальцем меню на портативной пишущей машинке. Как только Уилкинс доложил обо мне, миссис Хепберн с улыбкой повернулась навстречу, но при виде безвкусных тряпок, парика и «боевой раскраски» улыбка замерла у нее на губах.

— Хелен! — почти с испугом воскликнула она.

— Знаю, я выгляжу... чудовищно, но пока не могу ничего объяснить.

— Надеюсь, ты проведешь у нас несколько дней? — Миссис Хепберн посмотрела на шляпную коробку. — Как раз вчера я говорила Бартону, что очень жаль, когда в

таком большом доме нет никакой молодой пары, чтобы придать ему нотку веселья. Ты слишком редко у нас бываешь, дорогая.

Несмотря на вульгарную одежду и густой слой косметики, миссис Хепберн приняла меня без колебаний, не задавая вопросов. И я чуть не поддалась искушению рассказать ей о своих несчастьях, но тут же подумала, что не имею права впутывать Хепбернов в такую жуткую историю.

— Я бы очень хотела остаться, но не могу. Я приехала, чтобы попросить вас об одной услуге. Вы не могли бы спрятать для меня эту шляпную коробку? Как-то раз мистер Хепберн показал мне бронированную комнату, и я подумала...

— У тебя неприятности, моя маленькая Хелен?

— Э-э-э...

— Ладно. Я рада, что ты подумала о нас. Оставляй свою коробку, Бартон спрячет ее в надежном месте.

— Спасибо. — Мне пришлось крепко стиснуть зубы, чтобы не заплакать. — До свидания, миссис Хепберн. Надеюсь, до скорого.

— Приходи, когда угодно, Хелен. Разумеется, я имею в виду не только тебя, но и твоего мужа. Ваши комнаты всегда наготове. — Она мило улыбнулась, делая вид, будто не замечает слез у меня на глазах.

Дворецкого не было в холле, и только мы с миссис Хепберн знали, что в дом я пришла со шляпной коробкой, а вышла с пустыми руками.

Глава 2

Ближе к ночи я нашла квартиру и, естественно, заполнила бумаги на имя Хелен Браун. А утром обнаружила под дверью записку.

«Я рад, что ты обзавелась уютным жильем. Не волнуйся, дорогая, ты — под моей защитой. Я люблю тебя. Уилл».

На следующий день после исчезновения Уилла в газетах появились сообщения, поразившие меня в самое сердце:

«Когда продавец автомобилей Уилл Гейтс не явился на работу, встревоженный хозяин агентства, Джон Крозерс, позвонил к нему домой. Трубку сняла миссис Гейтс. «Мой муж не вернулся, поскольку хотел повидать клиентов, — сказала она. — Наверное, провел ночь в отеле». Сегодня, так и не увидев продавца, которого он особенно ценит, мистер Крозерс попросил начальника местного полицейского участка начать расследование. Поскольку «кадиллак» Гейтсов стоял на обычном месте, полицейские решили, что супруги — у себя. Детектив расспросил соседей и выяснил, что позавчерашним вечером миссис Гейтс громко кричала, а потом послышался грохот, как будто на пол бросили что-то тяжелое. Позже миссис Гейтс видели за рулем «кадиллака», а с тех пор ни муж, ни жена на глаза никому не попадались».

Еще больше обеспокоенные такими известиями, начальник участка и мистер Крозерс пошли к домоуправляющему и попросили открыть квартиру Гейтсов дубликатом ключа. Они обнаружили, что мистер Гейтс не взял с собой ни единой вещи — вся его одежда висела в шкафу, зубная щетка и бритва так и остались в ванной. Зато его жена собирала чемоданы в явной спешке. На мокром ковре рядом с засохшими цветами лежала металлическая ваза. В квартире — полный беспорядок».

Дальше следовали предположения: «по-видимому, похоже...» и т. д. Короче, судя по статье, полиция считала, что я убила мужа и бросилась в бега, забрав свои вещи. Однако домуправ, удивленный отсутствием в квартире тела, склонялся к мысли, что, совершив это грязное дело, я позвала на помощь сообщника.

На время информационного выпуска я включила телевизор.

«Мистер Крозерс, — вещал диктор, — описал миссис Гейтс как очень красивую женщину. Соседи слышали отзвуки бурной ссоры, единственной, с тех пор как супруги поселились в доме. Мистер Гейтс, образцовый муж, каждый вечер возвращался к молодой жене с цветами. Гостей они принимали редко, лишь мужчина лет двадцати пяти частенько приходил к Гейтсам, так, словно был членом семьи».

Потом диктор описал мужчину, как две капли воды похожего на Фица. События принимали самый неожиданный оборот. Уилл, в конце концов, убедил меня в необходимости бежать и прятаться от Фица, а полицейские, насколько я поняла, пришли к заключению, что мы с Фицем убили моего мужа. Мне стало любопытно, что думает обо всем этом Фиц. Он всегда терпеть меня не мог, а тут вдруг, по иронии судьбы, угодил в любовники и сообщники. При этом Фицхьюг никак не мог оправдаться перед полицией, ведь мы с мужем удрали, спасаясь от его мести.

Внезапно я подумала о Хепбернах. Что могли подумать обо мне они? Нет, Хепберны, конечно, не поверят таким чудовищным обвинениям! Они знают меня с детства, знают, как я люблю мужа, что я верна ему и не способна на убийство, и наверняка страшно волнуются из-за моего необъяснимого исчезновения.

Мне страшно хотелось позвонить миссис Хепберн, успокоить ее и сказать, что мы с Уиллом живы-здоровы, но, подумав, я решила, что этого делать нельзя. Мистер Хепберн, как человек честный и законопослушный, сочтет своим долгом рассказать полиции о моем визите и о том, что я оставила на хранение шляпную коробку. Ее содержимое тут же проверят. Гарри Фицхьюга немедленно арестуют и казнят, а Уилл никогда не простит, что я предала его друга. Пресса, радио и телевидение обсуждали нашу историю целую неделю, потом ее вытеснили другие события, а «тайна Гейтсов» переключалась на второй план.

Я уже слегка перевела дух, полагая, что самое страшное — позади, и вдруг однажды вечером чуть не лишилась чувств, увидев на экране свое лицо. Я узнала снимок, сделанный Фицем в тот день, когда Уилл нас познакомил. Это было прекрасное фото Хелен Гейтс, но оно имело весьма мало общего с той женщиной, в которую я теперь превратилась. В то время я носила простые, но элегантные и отлично сшитые платья, почти не пользовалась косметикой и зачесывала волосы назад, собирая в свободный пучок на затылке. Тщетно я ломала голову, каким образом фотография попала в руки полицейских. Ведь ни у кого, кроме Фица, негатива быть не могло.

Полиция также выяснила, что накануне бегства я ездила в банк и забрала всю наличность. Это явно доказывало, что я исчезла, точнее, сбежала преднамеренно. Что до банковского счета мистера Гейтса, то на нем лежало всего несколько сотен долларов, и они остались нетронутыми.

На следующий день по телевидению показали еще одну мою фотографию. Я сама сделала ее у фотохудожника для Уилла. Ему безумно нравился этот снимок, сделанный в профиль, и он всегда держал ее в рамке на рабочем столе. Однако оставил... как и все остальное. Я содрогнулась, представив, что наш дом, где я с такой радостью вила гнездо, сейчас заполонили полицейские, и чужие, враждебные руки копаются в наших вещах.

Под фото бежала строка:

«Если вы видели эту женщину, по имени Хелен Гейтс, двадцати трех лет, метр шестьдесят ростом, блондинку с голубыми глазами, очень стройную, то помните: полиция хочет допросить ее по поводу исчезновения ее мужа. Всех, кто может сообщить какие-либо сведения о ее местонахождении, просят немедленно зайти в ближайший полицейский участок».

Я сидела с открытым ртом, не веря собственным глазам. Меня разыскивает полиция! Выход был только один: отправиться в участок самой. Но я знала, что Уилл не одобрит такого решения.

Утром в супермаркете он прошел мимо меня и шепнул:

— Будь осторожна и не наделай глупостей из-за того, что прочитала в газетах. Хуже всего то, что Фиц бродит неподалеку. Скорее возвращайся домой.

Я попыталась его остановить, но тщетно. Какая-то толстуха с коляской зацепилась за мою корзину, и я не смогла высвободиться достаточно быстро. Тем не менее, это точно был Уилл. Я узнала его спортивную куртку, хотя большую часть лица закрывали темные очки, а рыжие волосы он спрятал под кепкой.

На следующий день, заглянув в колбасный магазин, я на минуту сняла темные очки, чтобы хорошенько разглядеть ценники.

— О! — воскликнула продавщица. — Вы — та женщина, что убила своего мужа!

В полной панике я вернулась домой и опять собрала чемоданы. Так я впервые меняла квартиру в лихорадочной спешке. За полгода мне предстояло еще много раз срываться с места и снова бежать, бежать...

Я жила, варясь в собственном соку и проводя время либо в кино, либо за книгой. Я стала плохо спать, просыпалась от любого шороха и все время прислушивалась, в надежде уловить шаги Уилла. Но он не приходил, и я плакала, спрашивая себя, где он скрывается и что делает. Порой я ненавидела Уилла почти так же страстно, как и Фица, за то, что он поставил меня в совершенно безвыходное положение.

Потом мало-помалу, почти незаметно, я перестала надеяться на его возвращение. Я чувствовала, что Уилл далеко, до него не добраться, и сама внутренне освобождалась от него. Несмотря на угрозы Фица, мне не раз приходило в голову, что надо вернуть деньги, но я все откладывала решение, а время текло...

На следующий день после того, как я перебралась в розовый коттедж, я с удивлением поймала себя на том, что, стеля постель, напеваю песенку.

Остальные коттеджи еще пустовали, и я рискнула искупаться в бассейне, а потом легла позагорать на надувном матрасе. Парик надевать я не стала, решив дать отдых волосам, и они свободно спадали до талии. Мне много раз хотелось подстричься, но Уилл и слышать об этом не хотел. Ему нравилось забирать длинные волосы в горсти и пропускать между пальцев. Муж говорил тогда, что они похожи на жидкое золото.

Я дремала, опустив лицо на скрещенные руки, когда до меня неожиданно донеслись голоса. Я торопливо села. К бассейну шла хозяйка, а рядом с ней — незнакомая молодая женщина. Ее черные волосы, затянутые и поднятые к макушке, лежали замысловатым пучком.

— Мисс Браун! — удивленно воскликнула хозяйка. — А я вас не сразу узнала! Позвольте представить вам вашу новую соседку, мисс Уилсон. Она выбрала желтый коттедж.

— Надеюсь, вам здесь понравится, мисс Уилсон, — сказала я.

— Приглашаю вас обеих на чашку кофе, — вежливо предложила хозяйка. — Так вы скорее познакомитесь.

Довольно неохотно я встала, накинула купальный халатик и начала закручивать влажные волосы в полотенце.

— Будь у меня такие красивые волосы, я бы ни за что не стала прятать их под париком, — улыбнулась хозяйка.

— Иногда парик — очень полезная вещь, — лукаво заметила мисс Уилсон. — Например, если хочешь изменить внешность.

На что она намекала?

— Кофе готов, и я только что испекла пирог, — объявила хозяйка, когда мы вошли в гостиную. — Надеюсь, он вам понравится.

— Вы на редкость гостеприимны, миссис?.. — проговорила мисс Уилсон.

— Джиллиан Мэйсон, но друзья называют меня Джил, а моего мужа — Джек.

— Джил и Джек — это очень мило. Ну, а я — Мэрилин.

Хоть Уилл и советовал мне ни с кем не сближаться, я сразу поняла, что мне будет трудно держаться отчужденно с такой сердечной женщиной, как Джил Мэйсон. Что до Мэрилин, то она взидала на меня равнодушно.

— А вы? — спросила она. — Я еще не знаю, как вас зовут.

— Хелен Браун.

— Вы здесь работаете?

— Нет. Я приехала в этот чудесный уголок отдохнуть. А вообще живу в Новой Англии.

— Вы и представить не можете, как вам везет, что вам хватает средств ничего не делать... Это — моя мечта! У меня ведь все по-другому. Вот и ищу работу, точнее, хорошего мужа, чтобы ее осуществить. Но тут я еще не видала мужчин. Что ж, подожду, а тем временем буду помогать зятю — у него свой ресторанчик неподалеку.

Джил нарезала пирог большими кусками, и я с откровенным удовольствием наблюдала, как быстро они исчезают. Вдруг на пороге появилась мужская фигура.

— Вы меня ищете? — спросила Джил, поворачиваясь к двери.

— Если вы — хозяйка, то да. Я узнал, что здесь можно снять коттедж. Г-м... У вас тут очень вкусно пахнет, — заметил незнакомец.

— Это потому, что я приготовила медовый пирог, — с гордостью ответила Джил. — Хотите попробовать и выпить чашечку кофе? А если наши коттеджи вам понравятся, у вас будут две очаровательные соседки — мисс Браун и мисс Уилсон.

— Право, вы удивительно любезны. — Мужчина повернулся к Мэрилин. — Счастлив с вами познакомиться, мисс Уилсон. — Он посмотрел на меня и улыбнулся. — С вами тоже, мисс Браун.

Даже не поднимая глаз, я знала, что это тот тип из белого «пантиака». О совпадении и речи быть не могло — он опять меня выследил.

— Позвольте представиться: Рональд Бойд, — невозмутимо продолжал мойследователь и устроился рядом с нами.

Джил тут же налила ему кофе и положила на тарелочку кусок пирога.

— Восхитительно! — одобрил Бойд, прожевав кусочек. — Домашний пирог — такое наслаждение, что мне невероятно повезло.

— Готовить вкусные пироги — самый надежный путь к сердцу мужчины, — с немного натянутой улыбкой отозвалась Мэрилин.

Джил предложила мне еще чашечку, и пока наливала мне кофе, в дом неожиданно вошел полицейский в форме. Я в ужасе посмотрела на него. Чашка выскользнула из рук и опрокинулась.

— Это — мой муж, — пояснила Джил Мэйсон. — Джек, это — мисс Браун, она вчера сняла розовый коттедж, а это — мисс Уилсон — ей понравился желтый. Что до мистера...

— Меня зовут Рональд Бойд. — Хозяин белого «пантиака» крепко пожал руку молодому полицейскому. — Если вы всегда так принимаете гостей, — он показал на кофе и пирог, — то ваша взяла — я готов снять коттедж, не глядя!

— Я очень рад. — Мэйсон повернулся к жене. — А где ленч, Джил? Я проголодался, как стая волков!

— Все готово, Джек. Но, прежде чем накрыть на стол, я должна показать коттедж мистеру Бойду.

— Я схожу вместо тебя.

Я поблагодарила Джил Мэйсон за радушный прием и вышла из дома. К моему величайшему удивлению, Мэрилин проводила меня до двери коттеджа. Но если она рассчитывала на приглашение, то ее ждало разочарование.

— Увидимся попозже, — попрощалась было она, но тут же добавила: — Не понижаю, в чем дело... Я видела, как вы побледнели и задрожали, когда в комнату вошел полицейский, как будто испугались, что он вас арестует. — Мэрилин окинула меня испытующим взглядом и быстро сменила тему. — Во всяком случае, у нас есть для развлечения двое красивых мужчин. Бойд — прямо-таки аристократ. А что до фараона, то давненько я не видела такого симпатичного. Охотничий сезон открыт, дорогая моя.

— У меня нет никакого желания охотиться. К тому же Джек Мэйсон женат на прелестной женщине, которая была очень любезна с нами...

— Ну и что? Обожаю браконьерствовать! Пусть хорошенько его бережет. А Рональд Бойд, сдается мне, влюбился в вас с первого взгляда, так и пожирал вас глазами. Тут мне ничего не светит, я мигом усекала, что ему такие не по вкусу. — Мэрилин пожала плечами и ушла, сильно раскачивая бедрами.

На следующее утро Рональд Бойд перевез вещи в коттедж. Он ограничился небольшим чемоданом, а несколько костюмов перенес из машины просто на вешалках. Чуть позже Бойд куда-то уехал и вернулся с бумажными пакетами, нагруженными провизией из супермаркета. Мэрилин, лежавшая на матрасе у бассейна, слушая дьявольский рок-н-ролл, окликнула нового соседа:

— Привет, соседка, как настроение?

— Добрый день, мисс Уилсон. Приятно принимать солнечные ванны, верно?

Мэрилин убавила громкость.

— Я уверена, что вы родились не в Калифорнии.

— Да, я родился в Новой Англии, но пришлось покинуть родные края. Врач посоветовал мне жить в более мягком климате.

Я не сомневалась, что он лжет. Выговор Бойда ничем не напоминал мне хорошо знакомый акцент уроженцев Востока.

— Не хотите присесть рядышком и поболтать? Нет лучшего способа познакомиться поближе. — Мэрилин похлопала ладошкой по матрасу. Теперь она не лежала, а сидела. — Я вижу, вы запаслись продуктами?

— Да, утром с меня хватит сэндвичей и кофе, а вечером погляжу...

— Как насчет того, чтобы поужинать со мной?

— Вас послало мне само Провидение, милая леди! Но я согласен при одном условии: выпивку я принесу сам.

— Договорились. Приходите в семь часов. Как только я увидела вас, сразу поняла, что мы поладим. До вечера.

Бойд направился к зеленому коттеджу.

Вечером я снова увидела Мэрилин. Наверняка она шла за покупками к ужину, чтобы угостить Бойда. Я тоже вышла и тут же услышала треск пишущей машинки в коттедже Бойда. Я тихонько проскользнула в «фольксваген» и села за руль. «Понтиак» стоял на прежнем месте, и я поняла, что его хозяин сейчас не собирается за мной следить.

Я долго колесила по улицам без определенной цели. Руководило мной исключительно желание обрести свободу, сбегать подальше. Мне хотелось выбросить из головы теснившиеся там безумные мысли, я постоянно думала об Уилле.

«Где же он прячется? Никто не видел Уилла, и все считают, что он действительно мертв. Однако живой человек не может исчезнуть бесследно. Кроме того, ему надо

есть и спать. Уилл выходит на улицу, поскольку я сама видела его несколько раз. Но скрываться до конца своих дней невозможно».

Еще никогда в жизни я не чувствовала себя так одиноко.

Когда я вернулась, «понтиак» стоял у коттеджа, а проходя мимо коттеджа Бойда, я заметила свет в гостиной. Он все еще сидел за машинкой. Мэрилин опустила шторы, и ее я не видела. Наверняка готовит что-нибудь вкусное, пытаюсь добиться желанной цели: завоевать мужское сердце.

Из-под моей двери виднелся краешек рекламного проспекта. Я подняла его, собираясь выбросить в мусорный бак, сунула ключ в замок и с удивлением обнаружила, что он не поворачивается.

«Уилл! Уилл пришел». Я одним махом пролетела через прихожую и вбежала в спальню. Мэрилин копалась в шкафу. При виде меня она и бровью не повела.

— Можете не стесняться! — с возмущением бросила я. — Что вам надо? Чего вы тут ищете?

— Мне очень жаль, что так вышло, — холодно ответила она, — но я забыла купить муку, а она мне нужна для соуса, который я готовлю к ужину. Вот и искала повсюду. Надеюсь, вы на меня не сердитесь?

— Я никогда не держу муку в платяном шкафу! Как вы сюда вошли?

— Ваш коттедж открывается таким же ключом, как и мой.

— Что ж, попрошу Джил завтра сменить замок.

— Неплохая мысль, — одобрила Мэрилин. — Можете заодно сказать ее симпатяге-мужу, что я залезла к вам без спросу. Он — полицейский и обязательно примет жалобу. — Она самоуверенно улыбнулась мне и вышла.

Мэрилин отлично знала, что жаловаться в полицию я не стану. Итак, не только Бойд знает мое настоящее имя. Они сняли ближайшие два коттеджа на следующий день после меня. Вывод напрашивался сам собой: эта парочка наверняка работает вместе. Иначе, разве Мэрилин пригласила бы Бойда ужинать чуть ли не в первый день знакомства?

На сей раз у меня не оставалось ни тени сомнений, что Фиц все-таки добрался до меня.

Глава 3

При виде Мэрилин, роющей у меня в спальне, я в ярости швырнула рекламный проспект на кровать, но он упал на пол. После ее ухода я подняла буклет и машинально раскрыла. Письмо лежало внутри. Каким образом Уилл ухитрился пробраться сюда, избежав бдительных взоров моих соседей?

Я надорвала конверт. Как всегда, Уилл писал печатными буквами:

«Дорогая, я рад, что, наконец, могу сказать тебе: с Фицем все улажено. Вчера я заходил к нему домой. Разговор получился мучительным для обоих. Но парень все-таки готов уехать из страны! Как ты легкообразишь, он страшно расстроен из-за денег, не знает, куда их девать, и в итоге согласился, чтобы я анонимно передал чемоданчик в полицию. А потому, дорогая, вот что тебе надо сделать: отнеси шляпную картонку в автоматическую камеру хранения, где мы оставляли вещи, пока не подыскали жилье после свадьбы. Положи ключ в пластиковый пакет и привяжи под четвертой доской мостика — того, что рядом с твоим коттеджем. Собирай чемоданы и завтра утром поезжай в Лас-Вегас. Я снял для тебя комнату на имя мисс Браун в мотеле «Большой доллар». Через несколько дней я к тебе присоединюсь. Почти наверняка это — лишние предосторожности, но я хочу, чтобы ты была в безопаснос-

ти, когда газеты сообщат о возвращении денег. Не волнуйся, скоро мы снова будем вместе. Я люблю тебя. Уилл».

Ну, нет, с меня довольно! Уилл клялся мне, что разлука продлится всего несколько дней, а я жду его больше полугода. Мое терпение лопнуло, и я решила, что не сделаю больше ни шагу, пока не объяснюсь с мужем с глазу на глаз. Я взяла шариковую ручку и написала:

«Мой дорогой Уилл, я нашла твое письмо. Несмотря на угрозы Фица, необходимо покончить с таким невыносимым положением. Я заболела от одной мысли, что люди думают, будто я могла убить тебя и убежать с Фицем. Тебе не кажется диким, что человека, который меня всегда ненавидел, считают моим любовником?

Прошу тебя, Уилл, давай прекратим этот маскарад! Я не выполнила твоих указаний буквально, и у меня сейчас нет с собой шляпной коробки. Но не беспокойся, она — в надежном месте. Сегодня вечером буду ждать тебя, дорогой, и, если надо, готова прождать всю ночь. Главное — не уходи, пока мы не поговорим. Нервы у меня — на пределе, я больше так не могу. До вечера. Я люблю тебя. Хелен».

Перечитав письмо, я пошла на кухню, взяла пластиковый пакет и завернула в него письмо Уиллу, а чтобы легкий сверток не всплыл на поверхность, сунула туда же консервный нож. Потом я крепко связала все это веревкой, оставив два длинных хвоста, и выключила свет.

У Бойда было темно, зато коттедж Мэрилин сиял, как на празднике. Пока мои соседи ужинали, я, крадучись, перебежала дворик и вышла к ручью. На мостике опустилась на колени, привязала пакет к четвертой планке, как и просил Уилл, вернулась к пансиону и села на скамейку, приготовившись к долгому ожиданию.

Вечер выдался прохладный, и я жалела, что не захватила с собой свитер, но сходить за ним не рискнула, боясь пропустить Уилла. Ведь наша встреча должна была привести к решающим переменам!

Прошел час, потом Мэрилин вышла из своего коттеджа, а следом за ней — Бойд. Оба устроились у бассейна. Поскольку Джек Мэйсон выключил во дворике свет, я надеялась, что они меня не заметят.

Мэрилин прихватила с собой гитару и теперь пела, перебирая струны. Я с ума сходила от тревоги. Если они застрянут здесь надолго, Уилл не рискнет подойти. А я так хотела поговорить с ним, объяснить, что не только живу по соседству с полицейским, но и двое ближайших соседей знают, кто я. Казалось, прошло часа два, прежде чем Бойд начал прощаться с Мэрилин. Он проводил ее до двери коттеджа, нагнулся и поцеловал.

Наконец-то, они ушли! И вдруг я услышала шаги. Я задержала дыхание, но сердце так колотилось, словно вот-вот разорвется.

— Вам не холодно, мисс Браун? — пророкотал приятный голос Бойда. — Наверное, уже поздно. — Он посмотрел на светящийся циферблат часов. — Подумать только, всего десять, а я-то думал, намного больше!

— Не очень любезно с вашей стороны по отношению к развлекавшей вас хозяйке. Бойд сел рядом, и я не знала, как от него избавиться.

— Вы не собираетесь идти спать? — спросила я.

— Пока нет, тут так хорошо... — Он вытянул длинные ноги и, к моему отчаянию, похоже, обосновался всерьез и надолго. Немного помолчав, он спросил: — Мисс Браун, вам не кажется странным эта встреча двух уроженцев Новой Англи под солнечным небом Калифорнии?

— У вас не тамошний выговор, мистер Бойд.

— Я потерял его по дороге сюда, — скорее весело, чем смущенно, пояснил Бойд. — Скажите, вас не утомляют эти бесконечные переезды?

— Что вы имеете в виду?

— Да ваши путешествия из мебелирашки в мебелирашку, в бунгало или коттедж. Или я заблуждаюсь?

Вне всяких сомнений, он знал мое имя и следил за всеми метаниями с квартиры на квартиру.

— Люблю менять обстановку.

— А я бы скорее отнес вас к категории хранительниц домашнего очага. Глядя, как вы возитесь с малышом Мэйсонов, можно было подумать, что это ваш ребенок.

— Мистер Бойд, а у вас есть дети?

— Я не женат, к тому же, сомневаюсь, что из меня выйдет хороший отец. Впрочем, должен признаться, что не лучше разбираюсь в поведении хиппи или студентов-радикалов, которые хотят порвать с традициями, не предлагая взамен ничего нового.

— Все поколения поступали так же, но каждое — на свой лад.

— Да, конечно, люди всегда бунтовали. Но меня шокирует другое. Молодые люди шестнадцати-двадцати лет живут так, что напрочь разрушают здоровье. Правда, я не могу винить в этом их одних. Истинные виновники — те, кто поставляет юнцам наркотики. Вот это — настоящие преступники. Возможно, я слишком суров и непонятлив, но... В глубине души мы все в той или иной форме ниспровергатели устоев, верно? Хотя — нет, я бы, например, никогда не швырял в полицейских камнями и не кричал, что старый режим надо ломать! Человек должен хотя бы немного уважать законы. Ведь если каждый станет поступать, как ему вздумается, кто и каким образом сумеет поддерживать порядок в стране? Я лично постараюсь обратить в свою веру всех, кого только смогу. Проблема молодежи касается нас всех, и мы не можем оставаться глухими к их несчастью. Что касается меня, то я готов посвятить этому все свои силы. Когда нечто серьезное затрагивает вас непосредственно, невозможно спрятаться в скорлупу. Сейчас я вам объясню. У меня был брат, милый и добрый парень. Он учился в университете и, как многие умные люди, отличался большой любознательностью. Вместо того, чтобы использовать опыт старших, он хотел приобрести свой собственный, не спрашивая ни у кого совета. Короче, его угостили одной-двумя сигаретами с марихуаной... он согласился. Потом настал черед героина. И малыш попался.

Естественно, он не сказал мне об этом ни слова. Я уехал за границу, а когда вернулся, брат по-прежнему молчал. По-моему, он пытался избавиться от порока, но было поздно. Некий «друг» научил его, каким способом можно добывать деньги. Брат напал на кассира, перевозившего зарплату рабочих фабрики, и угодил в тюрьму. Он был совсем мальчишкой — шестнадцать лет... Я предпринял все, что мог, и добился медицинской экспертизы. Но когда я привез врача, Бен уже умер.

Я слушала довольно рассеянно, поскольку ждала Уилла. Но, когда речь зашла о налете на кассира, я насторожилась, а конец истории потряс меня до глубины души.

— Да, когда мы приехали, Бен висел в петле, — продолжал Бойд. — Врач считал это самоубийством, и полиция закрыла дело, так толком и не проведя расследования. Но я никогда не мог поверить, да и сейчас не верю, что Бен покончил с собой. Я убежден, что моего брата убили, боясь, как бы он не выдал того, кто втянул его в темные дела. В тот день я поклялся найти виновного. И я найду этого человека, мисс Браун!

Теперь у меня отпали последние сомнения. Бойд охотился за Гарри Фицьюгом! Все эти полгоды он следил за мной в надежде, что я приведу его к грабителю и убийце. Об уважении к закону Бойд говорил только для того, чтобы проверить меня, проанализировать ответ и понять, насколько я испорчена и стану ли выгораживать Фица.

Следовало ли мне довериться Бойду? Объяснить, что — союзница, а не противник? Но, когда я уже почти решилась это сделать, Бойд тихонько вскрикнул, бросился к мостику и схватил за руки тощего юнца, уже доставшего мое письмо в пластиковом пакете. Парень подкрался беззвучно, и мы его не слышали, но Бойд, вероятно, заметил темный силуэт на мосту.

Юнец лягнул Бойда, тот застонал от боли и разжал руки, выпустив пленника. Парень мгновенно растворился в темноте. Рональд Бойд, прихрамывая, вернулся ко мне. На пальце у него раскачивался пластиковый пакет.

— Это вы оставили, не так ли?

— Но...

— Отпираться бесполезно — я видел, как вы привязывали его под мостом. Вы ведь миссис Гейтс, верно?

— Думаю, вы сами все прекрасно знаете, раз следили за мной столько месяцев.

— Да, я и впрямь следил за вами, — признался он, и в его голосе я услышала не угрозу, а, как ни странно, дружеское участие.

— Мне очень лестно, что я сумела возбудить ваше любопытство, но никак не думала, что вы займетесь наблюдением за каждым моим шагом на пару!

— На пару? — удивленно переспросил Бойд, и я поняла, что он не притворяется.

— Днем, вернувшись домой, я застала у себя в спальне Мэрилин. Она обыскивала мои вещи. И при этом уверяла меня, будто ее ключ подходит к моей двери.

— А с чего вы взяли, будто мы работаем вместе?

— Вы приехали сюда в один и тот же день, и оба знаете мое имя. Вряд ли два человека стали бы следить за мной по разным причинам. Он послал Мэрилин Уилсон обшарить мои вещи и принести ему деньги. А вас — убить меня, если Уилл не сумеет вовремя спасти.

— О ком вы говорите, миссис Гейтс?

— О Гарри Фицхьюге. Или вы никогда не слышали такого имени?

— Слышал, но, уверяю вас, вы заблуждаетесь на мой счет. Он не посылал меня к вам и...

— Тогда, значит, вы его ищете?

— Да.

— Так я и подумала, когда вы рассказывали мне о своем брате. Он был связан с Фицем, верно?

— Да, вы правы.

— Но если вы рассчитываете, что я выведу вас на Фица, то попусту тратите время, мистер Бойд. Я не видела его уже полгода и очень надеюсь, что никогда больше не увижу! Он угрожал убить меня. И вы, зная, как он поступил с вашим братом, поймете, что я не лгу. Кроме того, Фиц напал на кассира, который вез жалованье служащим своей компании, и хладнокровно его убил. Моему мужу этот тип сказал, что нуждается в деньгах, чтобы спасти жизнь отца — тому нужна срочная операция. Ну, и как вам нравятся подобные рассуждения и склад ума, мистер Бойд?

Уилл, мой муж, всегда был очень привязан к Фицу, любит его, как младшего брата, и в какой-то степени чувствует себя ответственным за его поступки. Он изо всех сил пытался уговорить Фица вернуть деньги, но тот ответил, что его будут судить не только за ограбление, а еще и за убийство, и не пожелал ничего слушать. Он поклялся убить меня, если Уилл отдаст похищенные деньги. А Уилл, добрая душа, измучился, стараясь спасти меня и в то же время не предать друга.

Бойд слушал с неподдельным интересом, и я рассказала ему, как Уилл в конце концов уговорил меня спрятаться от Фица, и как мне пришлось принести себя в жертву, спасая жизнь вора и убийцы.

— Но Фиц не пожелал расстаться с деньгами, — продолжала я. — Он передал мое фото какому-то журналисту, надеясь, что кампания в прессе вынудит меня покинуть укрытие. И этот тип не успокоится, пока не завладеет проклятыми деньгами снова. Если я их не верну, он убьет меня, чтобы наказать Уилла. Мой муж сейчас думает, что Фиц угомонился и согласен уехать за границу, но я прекрасно знаю, что это невозможно.

— Так ваш супруг недавно его видел?

— Да, и даже разговаривал с ним.

— Тогда я попрошу вас, миссис Гейтс, отвести меня к своему мужу, чтобы он устроил мне встречу с Фицем.

— Уилл никогда не назовет имени друзей, которые его прячут. К тому же я сама не знаю, как его найти. Вероятно, Уилл полагает, что так лучше для нас обоих.

— Вы никогда не убедите меня в том, что понятия не имеете, где искать вашего мужа, миссис Гейтс, — немного насмешливо заметил Бойд.

Я почувствовала себя униженной.

— Я сказала вам чистую правду, мистер Бойд! Вы должны мне поверить... если только не воображаете, как все прочие, будто я убила Уилла ради Фица!

— Ни в коей мере, — рассмеялся Бойд. — Когда журналисты стали писать, что вы повинны в смерти своего мужа Уильяма Гейтса, я подумал, что еще никогда им не приходилось нести такую чушь. Разумеется, все улики — против вас, не спорю, но найти труп так и не удалось. Значит, вы ни разу не видели мужа с тех пор, как бежали из дому?

— Дважды я видела его издалека, и он помахал мне рукой. А еще он подошел ко мне в супермаркете. Тогда Уилл шепнул, чтобы я держалась, и исчез в толпе, прежде чем я успела хотя бы рот раскрыть.

— Если я правильно вас понял, вы узнали лишь его куртку и темные очки. Но могли бы вы поклясться, что это был Уилл Гейтс и никто другой?

— Я... я уверена, что это Уилл.

— Предположим, что вас арестовала полиция. Вы сумеете предоставить неопровержимые доказательства, что видели мужа после его исчезновения, и что он пре-
расно себя чувствует?

— У меня есть его письма.

— Вы сможете доказать, что их писал ваш муж?

— На что вы намекаете? Вы думаете, что Уилл мертв? Что кто-то занял его место и развлекается, играя со мной в такую жестокую игру?

— Не знаю, миссис Гейтс, но от души надеюсь, что ваш муж жив.

Я объяснила Бойду, как наугало меня его появление здесь и открытие, что муж нашей хозяйки — полицейский, рассказала о рекламном проспекте с письмом. Уилл просил меня отнести деньги в камеру хранения, но я твердо решила дожждаться его и уговорить взять меня с собой.

— Так этих денег у вас больше нет?

— Нет. Я вам уже говорила, что Уилл просил меня спрятать их на время и таким образом спасти своего друга.

— И вы безропотно согласились взять в руки банкноты, испачканные человеческой кровью?

— Нет, конечно! Я долго спорила с Уиллом, требуя, чтобы он немедленно отнес деньги в полицию, даже если Фица арестуют, даже если до этого он успеет меня убить! Но Уилл не хотел рисковать. Больше всего на свете он боится потерять и меня, и Фица.

— Эта история шита белыми нитками, и полиция не поверит ни единому слову. Вы слепо доверяете мужу, миссис Гейтс, правда? — насмешливо спросил Бойд.

— Целиком и полностью, — оскорбленным тоном ответила я. — С тех пор как мы знакомы, я ни разу не усомнилась в Уилле... Он — такой добрый...

Я рассказала Бойду, как Уилл вызволил из тюрьмы и согласился опекать испорченного юнца, пытаюсь спасти его от окончательного падения. Стало совсем холодно, поднялся сильный ветер.

— Пора возвращаться, вы совсем продрогли, миссис Гейтс.

— Да, вы уже все испортили. Уилл должен был прийти и...

— ...и вместо этого прислал кого-то еще.

— Вы забрали пакет с моим письмом, и теперь я не знаю, как с ним связаться. Если вы и дальше собираетесь ходить за мной тенью, то никогда не разыщете Фица... Лучше бы вам понаблюдать за Мэрилин — я почти не сомневаюсь, что она работает на него.

— А почему вы так решили?

— Иначе зачем она залезла в мою спальню? Что она там искала? Только Фиц заинтересован в том, чтобы выяснить, не храню ли я деньги при себе, и каковы мои планы.

— Вы всеми фибрами ненавидите этого человека, правда, миссис Гейтс?

— Не то слово! Я возненавидела его с того дня, когда Уилл нас познакомил.

— А за что он вас невзлюбил?

— Фиц имел огромное влияние на моего мужа и, наверное, опасался, что я положу конец его всевластию. Но у меня есть все основания его ненавидеть, он — лгун, грабитель и убийца! Из-за него нам с Уиллом пришлось расстаться, а мне вдобавок — бежать от полиции!

— Вы стали жертвой хорошо продуманного плана. — Бойд повертел в руках пакет с письмом. — Вы позволите?

Я пожала плечами. Теперь, когда растаяла надежда на встречу с Уиллом, мне все стало безразлично. Решив, что молчание — знак согласия, Бойд открыл пакет и при свете карманного фонарика прочитал письмо, потом достал консервный нож.

— А это еще зачем?

— Чтобы пакет не всплывал.

— Весьма изобретательно! Хорошо... Мне бы не хотелось вас пугать, миссис Гейтс, но вам давно пора понять, насколько реальна грозящая вам опасность. Вы обязательно должны забрать эту шляпную коробку с деньгами. Медлить нельзя, ведь парень, приходивший за ключом, решил, что он у меня и...

— Если бы вы не вмешались, молодой человек отнес бы мое письмо Уиллу, тот узнал бы, что я его жду, и пришел. Тогда мы бы, по крайней мере, прояснили ситуацию...

— Ничего нельзя прояснить, пока вы не вернули деньги. Где вы их спрятали, миссис Гейтс?

— Этого я вам не скажу!

— Какое безумие! Я ведь хочу только вам помочь! Вас обвели вокруг пальца, заставили поверить, будто Фицу понадобились деньги, чтобы спасти отца. Так вот, я провел небольшое расследование: отец Гарри Фицьюга умер несколько месяцев назад!

— Мне и самой эта история показалась подозрительной, но Уилл так доверчив... и так любит помогать другим, — сказала я, лязгая зубами от холода. — Но сейчас уже поздно, и мне пора идти. Зря я не прихватила пальто — промерзла до костей.

— Еще только одно слово, миссис Гейтс!

Бойд попытался удержать меня за руку, но я вырвалась и побежала к своему коттеджу. Раздевшись, нырнула в постель и натянула одеяло до самого подбородка. Потом, внезапно вспомнив, что ключ Мэрилин подходит к моей двери, я встала и подперла ручку двери стулом на случай, если ключ Бойда тоже подходит.

Долго я со страхом вслушивалась в звуки ночи: шум моторов, рев самолета, преодолевающего звуковой барьер... и клацанье собственных зубов. Наконец, мало-помалу стало теплее, и я, кажется, задремала.

Стрелки на светящемся циферблате моего будильника показывали половину третьего, когда в дверь тихонько постучали. Я открыла глаза, мое сердце колотилось, как безумное. Это Уилл! Уилл пришел ко мне, вопреки всему и вся! Я вскочила с постели, подбежала к двери и быстро убрала стул.

— Кто там?

Не ожидая ответа, я распахнула дверь, но тут же застыла на пороге, вне себя от разочарования. Передо мной стоял Рональд Бойд. Он вошел и закрыл за собой дверь. Как ни странно, я не испугалась. Шторы были опущены, и я включила свет.

— Чего вы хотите? Уже поздно и...

— Знаю. — Бойд посмотрел на стул, все еще стоявший у двери. — Прекрасная мысль. Завтра же схожу к хозяйке и попрошу сменить вам замок.

— Спасибо, — поблагодарила я, с нетерпением ожидая, чтобы Бойд объяснил, наконец, зачем пришел.

— Я хочу задать вам только один простой вопрос, миссис Гейтс: как звали молодого человека, которого ваш супруг спас из тюрьмы?

— Фред.

— Но раз вы работали с малолетними нарушителями в отделе социального обеспечения, миссис Гейтс, то наверняка составляли досье и должны знать его фамилию.

— Не помню.

— Но, быть может, вы слышали, какова его дальнейшая судьба?

Я покачала головой.

— Нет.

И тем не менее меня словно молнией осенило, и я все поняла. Худощавый молодой человек, явившийся за ключом вместо Уилла, не мог быть никем иным, кроме Фреда... Фреда Кука. Значит, они поддерживают отношения. Я, наконец, догадалась, где прячется мой муж, и почему никто не видел, как он покупает продукты или пытается снять квартиру. Так вот каким образом Уилл превратился в невидимку!

Я решила завтра же позвонить в центр социальной реабилитации молодых правонарушителей и попросить адрес Фреда Кука.

Глава 4

Однако ход событий повернулся таким образом, что адрес Фреда Кука мне искать не пришлось.

После ухода Бойда я так и не смогла уснуть. Все, что он мне рассказал, с дьявольской скоростью вертелось в голове. По словам Бойда, я стала жертвой хитроумного плана. Но, в конце концов, я все же заснула, и во сне меня мучили кошмары. Встала я поздно и приготовила то ли завтрак, то ли ленч — пожалуй, и то, и другое одновременно. В три часа поехала в магазин прикупить кое-какие продукты.

Выйдя оттуда, я заметила трехколесную электрическую машину, каких немало в Южной Калифорнии. Максимальная скорость — двадцать пять — тридцать миль в час, и, в основном, такие машинки водят пожилые люди. За рулем той, что остановилась за моим «фольксвагеном», сидела седая старуха и очень настойчиво смотрела на меня. Я положила сверток с продуктами и сумочку на заднее сиденье, делая вид, будто ничего не замечаю.

— Уилл хочет вас повидать.

Я вздрогнула, как от удара током, и, обернувшись, с легким удивлением спросила:

— Это вы мне?

— Да, миссис Гейтс. Уилл хочет поговорить с вами, и вы должны поехать со мной.

— Вы ошиблись, я не миссис Гейтс.

— Нет, я уверена, что попала в самую точку! — возразила старуха. — Уилл — друг Фреда и живет у нас почти полгода.

— Так вы — миссис Кук, мать Фреда? — Кусочки головоломки вдруг сложились в цельную картину, все стало ясно. — Муж часто рассказывал мне о вашем сыне, он помог Фреду занять достойное место в жизни, так что...

— Мы уже сполна заплатили свой долг Уиллу, не забывайте. Мы взяли его к себе, да и за вами присматривали. Недаром же Уилл всегда знал, где вас найти. Мы с Фредом выполняли все его указания, день и ночь вкалывали, следя, куда вы поехали. И не вина Фреда, коли он не смог вчера ночью принести Уиллу ключ. Какой-то тип налетел на него и отобрал пакет. Но Уилл не захотел ничего слушать и избил моего Фреда до крови! Он, видите ли, вбил себе в голову, будто мальчик ведет двойную игру и нарочно припрятал ключ, чтобы стащить ту шляпную коробку. Но я-то хорошо знаю Фреда и всегда могу разобрать, когда он врет, а когда — нет. Ну, я и сказала Уиллу, чтобы оставил малого в покое, не то мы его выставим за дверь!

Меня глубоко поразило, что эта вульгарная старуха с такой злобой говорит об Уилле. Нет, мой муж, с его добротой и чувствительностью, не способен ударить человека, да еще почти мальчишку!

— Короче, я совсем разошлась, и Уилл обещал выделить нам приличную долю, когда получит денежки. И теперь Уилл хочет забрать ключ!

— У меня его нет! — ответила я.

— Ну, так поехали со мной, и сами с ним объясняйтесь. Уж вам-то он наверняка поверит, коль вы его жена!

Насколько я могла доверять старухе? Страшно хотелось повидать Уилла, но, отправившись с ней, не попаду ли я в какую-нибудь западню? Оставив «фольксваген» у аптеки, я села в электромобильчик. Несмотря на страстное желание увидеть Уилла, меня терзали мрачные предчувствия.

Инстинкт самосохранения заставил меня внимательно следить, в каком направлении и по каким улицам мы едем, чтобы, в крайнем случае, потом самостоятельно найти обратную дорогу. Выехав за пределы города, старуха свернула на дорогу, у обочины которой я приметила бензоколонку, старые склады, а чуть поодаль — гигантскую свалку с горами битых бутылок, ржавых консервных банок и самыми разнообразными отбросами. Наконец, старуха остановилась у обшарпанной лачуги...

— Вот мы и на месте, — сообщила она, выбираясь из машины. — Ну, да, само собой, у нас тут не дворец. Это у богатых полно денег, хотя они пальцем для этого не пошевелили, а у других нет самого необходимого, хоть с голоду подыхай!

Следом за ней я вошла на кухню. Кафель на стенах и на полу давно потрескался и местами облетел. На столе — грязные стаканы и бумажные тарелки с малоаппетитными объедками. Я насчитала три двери, очевидно, ведущие в комнаты. Несмотря на полумрак, будь здесь Уилл, я бы его разглядела. Я повернулась к старухе, собираясь потребовать объяснений, и только теперь поняла, что женщина не так уж стара. Со вздохом облегчения она содрала с головы седой парик и швырнула на стул. С темными волосами мать Фреда выглядела лет на пятьдесят, не больше.

— Я хочу увидеть Уилла. Где он?

— Немного терпения, миссис Гейтс, сейчас я вам все объясню. Из-за вашего мужа Фреду пришлось бросить работу, и с тех пор, как Уилл живет у нас, парень

весь издергался. Вы хоть соображаете, какой жуткий риск мы на себя взяли, спрятав его у нас? — Голос миссис Кук звучал угрожающе. — И я не стану ходить вокруг да около, а выложу вам все, как есть. В конце концов, Уилл все нам рассказал о своих делах. Мы в курсе и насчет денег, в том числе и того, что они у вас. — Она схватила меня за руку и сильно встряхнула. — У нас с Фредом есть кое-какие права на эти бабки. Мы заслужили хороший куш за все, что делали для Уилла!

— Даже если бы я отдала вам деньги, вы не смогли бы ими воспользоваться — номера банкомат переписаны, и вас бы арестовали...

— Не волнуйтесь, миссис Гейтс. Мы нашли типа, который их возьмет. За полцены, конечно, но это все же лучше, чем ничего. Он сплавляет такие бабки за кордон, там на номера не смотрят. Мы раньше знали более сговорчивого скупщика, но тот помер, вот и пришлось полгода гоняться за новым. — Миссис Кук сжала мою руку так, что ногти глубоко вошли в кожу, и я чуть не закричала от боли. Она снова меня встряхнула.

— Ну? Так где бабки?

— Я вам их не отдам! Все деньги надо в целости и сохранности вернуть тем, кому они принадлежат!

— Вы поступаете нечестно! Мы с Фредом заслужили свою долю. А те, у кого эти бабки сперли, богаты, запросто обойдутся и так. Поглядите, где нам приходится жить!

— Фред может работать и... — Не успела я заметить, что она поднимает руку, как получила звонкую пощечину и чуть не упала.

— Говори, где спрятаны бабки, иначе тебе не выйти отсюда живой!

— Что вы сделали с Уиллом? — спросила я.

— Куда вы дела бабки? — презрительно бросила миссис Кук.

— Повторяю вам: вы не сможете пойти за ними, во всяком случае, без меня. Люди, которым я оставила на хранение шляпную коробку, никогда не отдадут ее посторонним. Более того, попробуйте только ее потребовать — и полиция сразу арестует и вас, и вашего драгоценного сына.

Поняв, наконец, что я говорю правду, миссис Кук утратила изрядную часть прежней самоуверенности. Я взяла ее за плечи и заставила посмотреть мне в глаза.

— Где Уилл? Что вы с ним сделали?

Миссис Кук покосилась на дверь у меня за спиной. Я резко повернулась и сразу его увидела.

— Уилл! Уилл, любовь моя! — Я бросилась навстречу, протягивая руки.

Но вместо того, чтобы обнять, он меня оттолкнул. В полном отчаянии я повисла у него на шее. Рыжие волосы совсем скрывала глубокая кепка. На нем по-прежнему были темные очки и толстая спортивная куртка... Темные очки в такой сумрачной комнате? Я быстро сдернула их и отскочила. Перед моим изумленным взором предстал Фред Кук. Он ударил меня в солнечное сплетение, и я согнулась пополам. Следующий удар пришелся по затылку, и я без чувств упала на пол.

Не могу сказать, сколько времени я была без сознания — может, несколько минут, а может, и часов. Но когда снова открыла глаза, руки и плечи отяжелели и не подчинялись мне. Я не сразу поняла, что крепко привязана к спинке стула.

Фред и его мать смотрели на меня. В глазах миссис Кук горел алчный огонь. Фред сильно похудел, с тех пор как я в последний раз видела его у нас в центре. Теперь его уже не удастся спасти: наркотики завершили свое губительное дело.

Фред нуждался в деньгах на наркотики, без которых уже не мог жить, и пошел бы ради них на любое преступление, вплоть до убийства. Будь Уилл жив, он не позволил бы меня бить. Я попыталась мысленно восстановить недавнюю сцену. Уилл, доверяя

Фреду, спрятался у него. Мать с сыном быстро узнали о деньгах, которые я взяла из банка и отдала ему перед разлукой. Хорошо зная Уилла, я догадывалась, что он, скорее всего, показал их, желая успокоить хозяев — у него, мол, есть средства возместить ущерб, и, предоставив ему кров и пищу, они не останутся внакладе. Я не сомневалась, что Фред или его мать украли деньги, а потом пытали моего мужа, пока не выяснили, почему он скрывается. И бедняжка Уилл, не вынеся страданий, перед смертью рассказал о налете Фица на кассира и спрятанных у меня деньгах.

— Ну! — рявкнул Фред, приподнимая мою голову кулаком. — Кончай ломать комедию! Что за тип отобрал у меня ключ вчера ночью?

Я промолчала, и маленький негодяй ударил меня по щеке.

— У кого ключ?! — свирепо повторил он, и вдруг лицо его скривилось в жестокой ухмылке. Фред затянулся сигаретой и приблизил ее кончик к моему веку. — Сначала я займусь левым глазом, а потом наступит черед правого!

— Нет! — в панике крикнула я. — Этого человека зовут Бойд, он живет в зеленом коттедже, рядом с моим.

Фред все же не отказал себе в удовольствии потешиться надо мной. Он прижал сигарету к нежной коже под левым глазом. Я завизжала от боли и в ту же секунду кто-то постучал в дверь. Фред и его мать быстро обменялись несколькими словами, потом парень снял ремень и стукнул меня пряжкой чуть повыше уха.

Когда я пришла в себя, ожог под глазом ужасно болел, и в первую минуту я подумала, что ослепла. Но потом до меня дошло, что в комнате стоит полный мрак. Казалось, все мое тело — сплошная рана, а в голове — каша. Я хотела пощупать голову, но руки были по-прежнему накрепко прикручены к спинке стула.

Мало-помалу ко мне возвращалась память. Фред и его мать пытали меня, как до этого — Уилла... и Уилл мертв. Так, значит, это Фред ходил в куртке и очках моего мужа? Нет, ни у Фреда, ни у его мамы никогда не хватило бы ума задумать и совершить все эти преступления. Они не сумели бы написать письма, которые я получала якобы от Уилла. Тут чувствовалась гнусная рука того, кто близко знал моего мужа, его злого гения Гарри Фицхьюга.

Нас с Уиллом ловко обманули, обвели вокруг пальца, как осторожно пытался объяснить мне Рональд Бойд. Фиц придумал сценарий, из осторожности оставив деньги у меня до тех пор, пока не сможет их обменять. Таким образом, он скомпрометировал меня и лишил возможности заявить в полицию.

По щекам у меня потекли слезы. Уилл умер... умер, и я никогда больше не узнаю счастья. Потом меня снова охватила панический ужас. Я не должна плакать, иначе Фред, вернувшись, увидит, что я опомнилась.

Я затаила дыхание и прислушалась. И у меня сложилось впечатление, что в мерзкой лачуге есть кто-то еще. Чувства меня не обманули. Совсем рядом послышался шорох. Я испуганно вскрикнула.

— Хелен?

— Кто вы?

— Рональд Бойд. Вы ранены?

— Ничего страшного. Где вы?

— У двери, связанный, как цыпленок, хоть на вертел насаживай!

— Это я виновата. Когда Фред спросил меня, кто вчера забрал ключ, я не хотела говорить, и он обжег меня сигаретой. Мне было так больно, что, в конце концов, я назвала ваше имя. Простите, мне очень стыдно за себя. Я не знала, что так труслива и до такой степени лишена мужества.

— Вы сказали, жег сигаретой?

— Да, но не это самое страшное: они убили Уилла.

— Вы уверены?

— Да, у меня больше не осталось даже сомнений. Гарри Фицхьюг разработал весь сценарий от начала до конца, и это Фред подкидывал мне письма якобы от мужа, он надевал куртку и очки Уилла, а голову прикрывал кепкой, потому что волосы у него не рыжие. Вы это пытались дать мне понять, не так ли?

— Не совсем. Я говорил лишь о том, что вас обвиняют в убийстве мужа, а вы не можете представить никаких доказательств, что он жив.

— Фред убил его... если только Фиц не взял это на себя.

— И где, по-вашему, может прятаться Фиц?

— Хотелось бы мне знать! Он приказал Фреду и его матери следить за мной из-за денег и рассчитывает вернуть себе краденое. Мать Фреда говорила мне, будто они могут поменять меченые деньги. Это правда?

— Да.

— Они нашли человека, который готов купить у них ворованные деньги, и требуют, чтобы я отдала их.

— А вы отказались?

— Естественно!

— Где вы?

— Посреди комнаты. Привязана к стулу.

— Связаны и руки, и ноги?

— Руки прикручены за спиной, но ногами я могу двигать свободно, только вряд ли далеко уйду...

— Попробуйте все-таки добраться до кухни и найти нож, чтобы мы могли разрезать пугы. Они вполне способны поджечь дом! Если мы хотим выбраться отсюда живыми, надо освободиться.

Живо представив, как языки пламени лижут стены, я вмиг набралась мужества и попыталась встать, но тщетно. Попробовала еще раз, но упала, больно ударившись лицом о пол. Голова раскалывалась, и мне пришлось ждать, пока боль немного утихнет. Я слышала, как возится Рональд, надеясь порвать веревки.

— Вы не очень ушиблись? — с тревогой спросил он.

— Нет, пустяки.

Я стала потихоньку ползти со стулом на спине. Из-за связанных сзади рук сохранить равновесие никак не удавалось. Щеки елозили по грязным, плохо подогнанным паркетинам. В кожу то и дело впивались занозы. Последним рывком я заставила себя поползти на кухню. Но какой от этого прок? Невозможно ни открыть ящик, ни достать нож. Я чуть не расплакалась от полного бессилия.

— Что случилось? — крикнул Рональд.

— Как я, по-вашему, смогу достать нож? Руки-то связаны! Мы никогда не выйдем отсюда живыми!

— Выйдем, надо выйти! Держитесь, Хелен! Ладно, раз у нас нет ножа, что мы можем сделать? Ох, ну и глупец же я! У меня есть ножик в кармане брюк!

— Могли бы вспомнить о нем пораньше! — сердито заметила я и поползла к нему, ориентируясь на звук голоса. Однако, ничего не видя в темноте, в конце концов сильно ударила его ножкой стула. Бойд только заворчал. Поверьте, мне было очень нелегко найти удобное положение, чтобы забраться к нему в карман.

— Ладно, — сказал Рональд, когда я в очередной раз развернулась к нему спиной.

— Я все равно ни за что не смогу залезть в ваш карман!

Должно быть, Бойд понял, что я — на грани истерики. Снова послышалась возня, приглушенные ругательства, прерывистое дыхание, потом — треск и тихий стон боли.

— Что вы делаете?

— Мне удалось разорвать веревку! А ваши я разрежу ножом. Потерпите еще минутку.

Прошло несколько секунд. Я понимала, что Рональд пытается освободиться от пут. Потом он зашарил по стене в поисках выключателя. Наконец нашел розетку, и яркий свет лампы без абажура осветил унылое убранство комнаты. Рональд Бойд перерезал веревки и отшвырнул стул. Ему пришлось помочь мне встать — руки и ноги совсем затекли, мышцы не слушались. Увидев мое грязное, избитое, до крови исцарапанное о шершавый пол лицо, страшный сигаретный ожог под глазом, Бойд вскрикнул от ужаса.

Он сходил на кухню и принес миску с водой. Усадил меня, достал из кармана белый носовой платок и обмыл лицо, а потом начал растирать запястья. Он причинял мне страшную боль, но уговаривал потерпеть, объясняя, что в первую очередь надо восстановить кровообращение.

— Хелен, обещайте мне сходить к врачу, — попросил Бойд, — иначе придется сейчас же отвезти вас в больницу скорой помощи.

— Нет-нет, не нужно. Как я там объясню, что со мной произошло?

Бойд помог мне встать. Голова так закружилась, что пришлось вцепиться в спинку стула.

— Я не заслуживаю вашей заботы, Рональд. Вас поймали в ловушку по моей вине. Я призналась Фреду, что это вы вчера помешали ему забрать пакет. Мне стыдно за себя. Но я так испугалась, когда он пригрозил выжечь мне глаза! Как ему удалось заманить вас сюда?

— Не беспокойтесь, вы ни в чем не виноваты. Вчера ночью по вашему решительному виду я понял, что вы собираетесь перейти к действиям. Весь день я следил за вами. Когда вы вошли в магазин, моя машина стояла за вашей, и я видел, как вы потом перебрались в электромобиль старухи.

— Но я не заметила белого «пontiака»...

— Я понимал, что вы его тут же узнаете, и взял напрокат «шевроле».

— Но почему вы следили за мной? Боялись, как бы не сбежала с деньгами?

— Я подумал, что вы можете соскользнуть на опасный путь, и вам потребуется помощь, — с легким упреком объяснил он. — И, услышав ваш крик, я понял, что не ошибся. Я постучал в дверь. Никто не открывал, и я вышиб ее плечом, но успел лишь увидеть вас на долю секунды — на голову мгновенно обрушился удар, и я потерял сознание. Очнулся я за полчаса до вас, скрученный в бараний рог. Вокруг стояла мертвая тишина, и я решил, что они вас убили. А потом вы застонали... это была самая счастливая минута в моей жизни!

Самая счастливая! А для меня — минута величайшего горя, ибо, придя в себя, я окончательно поняла, что Уилл мертв и все надежды тщетны.

— У вас хватит сил идти? Надо как можно скорее убираться из этого разбойничьего вертепа!

— В таком виде я не могу показаться на людях. Кроме того, прежде чем отсюда уйти, я хотела бы обыскать комнаты и...

— Не сейчас. Фред и его мать могут вернуться в любую минуту с подкреплением.

— Уилл жил здесь, — заупрямилась я, — и не мог не оставить хоть каких-то следов своего пребывания... Если бандиты вернутся, они уничтожат все улики.

Рональд попробовал было спорить, но, почувствовав, что я не уступлю, пошел следом за мной. Наши поиски были неуспешными. Лишь на одной из кроватей лежали куртка и очки Уилла — все, что мне от него оставили. Я обшарила карманы куртки, но ничего не обнаружила. Рональд заглянул в шкафы и в ящики комода —

пусто. На кухне он увидел карманный фонарик и решил прихватить с собой, но тут ему в глаза бросилась ржавая лопата, стоявшая у стены. Бойд задумчиво посмотрел на нее.

— Ну, вот и все, ничегошеньки мы не нашли.

— Если Уилл жил здесь, он не мог не оставить следов, — повторила я, и голос мой дрогнул.

Рональд вышел из лачуги, и я, в последний раз оглядевшись по сторонам, последовала за ним.

— Они забрали «шевроле»! — воскликнул Бойд. — И электромобиль — тоже. Придется идти пешком до ближайшего телефона и вызывать такси. Хотя... нет, вы не в состоянии идти. Лучше я сбегая на бензоколонку — вон, посмотрите, ее видно отсюда. — Он помедлил. — Что скажете? Вам, наверное, страшно оставаться одной?

— Вряд ли со мной может случиться что-нибудь хуже того, что уже произошло.

— Мне не хочется оставлять вас одну, но другого выхода нет. Если увидите что-нибудь подозрительное, посигнальте мне фонарем.

Я предпочла подождать Рональда на улице — там мне казалось безопаснее, чем в отвратительном логове Куков. Я смотрела, как Рональд бежит по дороге и исчезает в кабине телефона-автомата на бензоколонке. Уже сильно похолодало, и я начала прогуливаться вдоль стены, стараясь не споткнуться. Завернула за угол лачуги и зажгла фонарик. Пустырь за домом зарос бурными сорняками, и я не без удивления заметила среди них нечто вроде клумбы. Неужто миссис Кук собиралась посадить цветы в таком запущенном саду? Я подошла поближе. Сердце застучало, как бешеное: землю действительно вскопали не так уж давно, а клумба имела форму могилы.

— Уилл! — застонала я, падая на колени. Меня сотрясали рыдания. — Уилл... любовь моя!

— Хелен! — крикнул Рональд, а я и не заметила, как он подошел. — Я не застал вас на месте и уже думал... О Господи, что это?

— Уилл... он похоронен здесь!

— Так вот почему Фред и его мать удрали. — Рональд забрал у меня фонарик и, тщательно осмотрев землю, добавил: — Нам лучше скорее уйти из этого мрачного места. Я вызвал по телефону такси, но свободные машины появятся у них только через час. Пойдемте же, мы больше не можем ждать!

— Нет-нет, я хочу узнать наверняка!

— Что ж, хорошо.

Бойд сходил в лачугу и вернулся с лопатой.

— Отойдите, Хелен, — попросил он.

— Нет, я останусь здесь.

— Тогда возьмите фонарь и посветите мне.

Пока Рональд отшвыривал в сторону пласты земли, мы не обменялись ни словом. Через десять минут он забрал у меня фонарик, заглянул в яму и приказал:

— Отвернитесь, — приказал он.

Когда Рональд встал, ребром ладони сбивая с коленей грязь, я уже точно знала, кто лежит в могиле. Нас окутало тяжелое молчание, лишь время от времени тишину нарушало завывание ветра. Неожиданно Рональд взял меня за плечи и силой повел прочь. Я замерзла, в голове не осталось ни единой мысли. Пустота.

— Пойдемте отсюда, Хелен.

— Мы не можем бросить его тут одного...

— Ни холод, ни жара над ним уже не властны. Я вызову полицию, как только доставлю вас домой.

— Рональд, я хочу его видеть!

— Нет! — Я попыталась вырваться, но он меня удержал. — Не ходите туда, Хелен... тело пролежало в земле уже полгода...

Когда до меня, наконец, дошло, что это значит, я разрыдалась.

Дорога казалась нескончаемой. Рональду приходилось поддерживать и направлять меня, и только благодаря ему я ни разу не упала.

— Куда мы идем? — наконец спросила я.

— За вашей машиной.

Как только мы добрались до стоянки, Рональд достал ключи из моей сумочки, открыл дверцу и, устроив меня на сиденье, сел за руль. Я вела себя, как автомат. Ничто не имело значения, кроме смерти Уилла. Я никогда больше не увижу человека, которого так любила... он лежит в заброшенной могиле...

Рональд открыл дверь коттеджа и, прежде чем включить свет, проверил, задернуты ли шторы (на случай, если Мэрилин Уилсон еще не спит).

— Надеюсь, вы сообщите в полицию, что у вас угнали «шевроле»?

— Нет, в конце концов, кто-нибудь найдет машину и...

— Напрасно. Полицию наверняка заинтересует, почему вы не подали заявление. Кроме того, если за рулем сидел Фред, там наверняка есть отпечатки его пальцев.

— Вы правы.

— Вы скажете им, где оставили «шевроле»?

— Господи, конечно, нет! Объясню, что его увели со стоянки. Вы немедленно ложитесь, а я загляну на кухню.

Рональд вышел из спальни и закрыл за собой дверь. Я разделась и к возвращению Рональда уже успела надеть ночную рубашку. Он вернулся с бокалом.

— Выпейте, это скотч с водой.

— Нет, не хочу, я никогда не пью спиртного.

— На сей раз вам придется изменить привычкам. Ну, быстро, проглотите все залпом. Потом я разогрею вам немножко супа.

— Я не голодна.

— Все равно надо подкрепиться. Вы потеряли много сил, Хелен, и их необходимо восстановить.

Бойд был прав. Выпив виски и поев, я почувствовала себя намного лучше. Перед уходом Рональд пожелал мне спокойной ночи.

— Думаете, после всего этого я смогу спать? Да я глаз не сомкну!

— Ничуть не бывало. Я растворил в виски две таблетки снотворного!

Рональд серьезно посмотрел на меня, нагнулся и поцеловал в лоб. И мы расстались. Как только за Бойдом закрылась дверь, я забыла о его существовании, зажмурила глаза и положила руки под голову. Перед внутренним взором стояла узкая полоска земли, под которой уже так долго покоился Уилл. Ему не удалось спрятаться от Фица, а тот нанял Фреда и его мать следить за каждым моим шагом и время от времени изображать Уилла. Мое решение вернуть деньги законным владельцам привело к кошмарной сцене, происшедшей в гнусной лачуге Куков. Фиц морочил мне голову, пока не нашел скупщика, готового «отмыть» его кровавую добычу.

Но сейчас Фред и его мать наверняка сказали, что никогда не смогут наложить лапу на проклятые деньги. Я попыталась вспомнить, знал ли Фиц о моих отношениях с Хепбернами. Да, почти наверняка. Уилл, наивно гордясь нашей дружбой с людьми из высшего света, не преминул рассказать о ней своему Гарри. Стало быть, тот без труда догадается, кому я оставила на хранение шляпную коробку.

О, Уилл... любовь моя! По моим пылающим щекам заструились слезы. Я припомнила черты его лица, последнюю ночь, проведенную в его объятиях. Потом картины и образы поблекли, смешались, и я погрузилась в глубокий сон.

Глава 5

Когда я проснулась, стрелки будильника показывали без десяти двенадцать. Я проспала двенадцать часов. Комнату заливал солнечный свет. Я лежала в блаженном оцепенении, какое всегда чувствуешь после снотворного. Но стоило повернуть голову — и раны пронзила такая боль, что я сразу вернулась к действительности. В памяти снова пробудились события вчерашнего дня: пытки, которым меня подверг Фред Кук, и могила моего мужа, найденная мной за домом Куков. Сил плакать уже не оставалось. Я подумала о Фице, о Фреде и его матери, и меня охватило яростное желание заставить их стократно заплатить за все зло, какое они причинили моему слишком доверчивому Уиллу.

Одна мысль не давала мне покоя: я бы очень хотела знать, сдержал ли Рональд обещание. Действительно ли он позвонил в полицию? Я встала. Ноги отказывались меня держать, и я, вцепившись в стенку шкафа, заглянула в зеркало, с трудом узнавая распухшее избитое лицо. Царапины оставили на щеках красные следы, а ожог под глазом напоминал огромную черную муху. За ухом красовалась шишка величиной с голубиное яйцо, отливавшее всеми цветами радуги. Я попыталась исправить положение с помощью крема и пудры, но безрезультатно.

Чисто машинально я поискала парик, но тут же вспомнила, что Рональд снял его с меня, когда умывал лицо в лачуге Куков. Он тогда положил парик на пол, где тот, должно быть, и остался. А значит, когда полиция приедет осматривать место преступления, она найдет там белокурый парик. А ведь детективы наверняка опознают тело моего мужа. Теперь я не сомневалась, что меня арестуют за его убийство.

Я сходилa в гостиную за транзистором и отнесла на кухню, чтобы послушать новости, пока приготовлю кофе и апельсиновый сок. Комментатор начал с многочисленных советов автомобилистам, поскольку сегодня на шоссе произошла авария со смертельным исходом. А потом я с замиранием сердца услышала:

«Прошлой ночью обнаружено тело неизвестного мужчины, похороненного на пустыре за полуразвалившейся хибарой на краю свалки. Полиция отправилась туда по звонку мужчины, отказавшегося назвать свое имя. Судебно-медицинский эксперт утверждает, что покойному разложили голову тупым предметом, и трагедия произошла, как минимум, несколько месяцев назад. По словам криминалистов, таинственный информатор нашел могилу случайно, поскольку тело покрывал очень тонкий слой земли.

Менеджер компании такси Браун Шелд, прослушав новости сегодня утром, позвонил в полицию и сообщил, что прошлой ночью получил заказ от человека, попросившего прислать машину в... — Тут диктор оборвался нечто довольно неразборчивое. — Менеджер отправил машину по указанному адресу, но, когда тот приехал полчаса спустя, сторож бензоколонки сказал, что не видел, как кто-то звонил. Кроме того, ему показалось, что он слышал неподалеку женский крик, но не берется утверждать это наверняка.

В домишке, на задворках которого похоронили тело неизвестного, в течение последних нескольких месяцев жили седая старуха, водившая электромобиль, молодой человек лет семнадцати-восемнадцати и молодой мужчина. Последнего видели редко, и он ни разу не выходил из лачуги при свете дня. В хижине также найден светлый парик. Кому он принадлежал? Полиция получила приказ арестовать старуху и ее сына. Неизвестного информатора просят немедленно явиться в ближайший от его дома полицейский участок».

Я выключила радио. Итак, Рональд предупредил полицейских анонимно, и тело Уилла еще не опознано. Я долго сидела, тупо уставившись в стену и ничего не видя перед собой.

В два часа Бойд постучал в мою дверь. Я открыла. Он принес бумажный пакет с продуктами, быстро вошел и закрыл за собой дверь.

— Вот, милая леди, я закупил все, что требовалось, по вашему списку. Ах да, куда же я сунул ключ от «фольксвагена»? — Покопавшись в карманах, он протянул мне ключ и тихонько шепнул: — Мэрилин Уилсон загорает на солнышке возле бассейна. Я уверен, что она видела, как я вошел к вам. — Рональд поставил пакет на кухонный стол и смерил меня критическим взглядом. — Нет-нет, так не пойдет. Сейчас же поезду в парфюмерный магазин и куплю темный тон — загар скроет и следы царапин, и бледность. Вряд ли вам удастся просидеть тут до полного выздоровления.

— Не беспокойтесь, я справлюсь.

— Ничего подобного, к тому же, я ваш должник.

— Почему?

— Потому что имел глупость забыть в вертепе Куков ваш парик. Вы слушали новости?

— Да, но я на вас нисколько не в обиде. Парик не выведет полицию на мой след, так что, вы мне ровным счетом ничего не должны.

— Еще как! И очень скоро вы узнаете, сколь многим я вам обязан... и тогда, боюсь, вы меня возненавидите. — Лицо Рональда осунулось от усталости — ночные волнения не прошли даром. — Ладно, я вас оставлю, пока наша милая Мэрилин не пришла к ошибочным умозаключениям. А мне надо как можно скорее съездить за всем, что поможет вам скрыть эти страшные раны.

— Спасибо. Я хочу сегодня же пойти в полицию. Я расскажу все, что знаю, потом заберу деньги и передам в их распоряжение. Теперь, когда Уилл мертв, уже нет смысла продолжать эту отвратительную комедию.

— Наоборот, Хелен! Вы должны вести себя по-прежнему.

— Не понимаю, — растерянно призналась я.

— Ну, так послушайте меня, сейчас я вам все объясню. — Рональд усадил меня на стул и сам сел напротив. — Я уже говорил вам, что ищу одного человека, и буду преследовать его, пока не найду. Оттуда, где он скрывается, этого типа может выманить только мысль о деньгах. Если он узнает, что вы отнесли все в полицию и добратесь до банкомата уже невозможно, то совсем затаится, и я уже никогда его не найду.

— Не вижу связи.

— Послушайте, Хелен, вы же не хотите помочь убийце ускользнуть от правосудия, после того, что он наделал ради этих денег?

— Конечно, нет! Но что, по-вашему, я должна делать?

— Надо подготовить ему ловушку. Дьявольское создание следует наказать по заслугам. До тех пор, пока вы одна знаете, где деньги...

— Я никому не скажу, где они спрятаны, и ничто не заставит меня передумать. Кроме того, я не намерена молчать и бросить Уилла в какой-то заброшенной могиле. Вы напрасно теряете время, Рональд, я обязана пойти в полицию и...

— Хелен, вы упрямая маленькая дурочка. Очень красивая дурочка, но это дела не меняет. Я не позволю вам разрушить мои планы, когда я почти достиг цели. Тот, кого я ищу, уже убил трех знакомых мне людей и погубил жизнь множества других! Это — преступник, который убивает, ни на секунду не задумываясь о том, сколько зла он приносит в наш мир. Неужели вы не способны ненадолго отрешиться от собственных переживаний и помочь мне отправить его за решетку?

Бойд говорил с такой страстью, что, в конце концов, поколебал мое решение.

— Со вчерашнего дня на меня свалилось столько испытаний, что я никак не приду в себя и плохо соображаю. Во всем этом тумане меня беспокоит только одно соображение: сейчас Фиц уже наверняка знает, что я доверила деньги друзьям, и те

не отдадут их, не получив от меня подтверждения. Фред и его мать не сомневаются, что я сказала им правду, и, даже пыткой заставив меня назвать имя этих друзей, они ничего не добьются. Да, я готова последовать вашему совету.

— Вам придется потерпеть совсем недолго, не больше нескольких дней. Теперь, когда полиция нашла тело, убийца вынужден ускорить события, ведь он остался один. Прибегнуть к услугам Фреда и его мамы он больше не может — те поняли, что денег вы им не отдадите. Несомненно, этот человек попытается удрать за границу, понимая, что полиция очень скоро выйдет на его след. Поэтому трое сообщников сейчас думают только об одном: как бы избежать расплаты.

— И что, по-вашему, он сделает?

— У нашего убийцы нет другого выхода, кроме как попробовать увидаться с вами и уговорить вернуть ему деньги.

— Нет! О, нет!

— Не паникуйте, Хелен! Он и пальцем вас не тронет — я буду рядом.

Мы еще долго спорили. Наконец, я согласилась дать Рональду три дня на завершение поисков и только потом идти в полицию.

— Но вы даром потратите время, Рональд, — все же заметила я. — Вы рассчитываете, что, сделав меня приманкой, сумеете заманить Фица в свои сети и передать полиции. Однако я не сомневаюсь, что Мэрилин Уилсон уже сейчас при желании могла бы сказать нам, где прячется этот тип.

— А не слишком ли вы уверены в ее виновности?

— А как же иначе? Мэрилин, несомненно, знает, кто я такая. Когда я поймала ее тут роющей в моих вещах, мисс Уилсон с вызовом предложила мне пожаловаться полицейскому Джеку Мэйсону, мужу нашей хозяйки. Она отлично понимала, что жаловаться я не посмею.

— Я попытаюсь разобраться, что за игру она затеяла. Мэрилин и впрямь ведет себя очень странно. Что ж, до свидания. — Рональд дружески помахал рукой и ушел.

Очевидно, теперь Мэрилин принимала солнечную ванну у самого коттеджа, потому что я сразу услышала его голос и смех.

— Привет, мистер Бойд! Я вижу, девушки за вами так и гонятся!

— Я всегда умел с ними ладить, — весело отозвался Рональд. — К счастью, наш сосед — полицейский и в случае необходимости сумеет меня защитить.

— Жаль, что вы не пришли купаться. Вода сегодня — отличная.

— Что ж, превосходно. Через несколько минут я к вам присоединюсь.

Наступила долгая пауза, потом до меня донесся громкий всплеск: Рональд плюхнулся в воду...

Остаток дня Бойд провел с мисс Уилсон. В основном, они загорали и купались в бассейне. Иногда бесконечную болтовню Мэрилин прерывал громкий хохот Бойда. Похоже, у них сложились самые приятельские отношения, и я тщетно ломала голову, о чем они могут так долго разговаривать. Лишь один раз я услышала, как Мэрилин говорит о странном положении, в котором мы оказались:

— Дорогой друг, это что у вас на запястьях? Право слово, можно подумать, вас кто-то связывал.

— Да... Полицейские надели на меня наручники, но я ухитрился их порвать, — проворчал Рональд, переворачиваясь на живот.

К вечеру опять похолодало. Мэрилин пошла к себе одеваться, а Рональд направился к зеленому коттеджу. Я распахнула шторы. Пока свет не включен, они все равно не могли бы меня заметить. Да, знаю, не очень-то красиво подглядывать за другими, но меня слишком тревожило поведение Мэрилин. Зачем она сюда приеха-

ла? Сумел ли Рональд вызвать ее на откровенность? Я никак не могла во всем этом разобраться, тем более, что их отношения больше всего походили на флирт.

Вскоре Мэрилин вышла из коттеджа снова. Она нарядилась в зеленые брюки и ярко-желтую рубашку навыпуск, а ноги сунула в сандалии с позолоченными ремешками. Искусственные ресницы, обилие броской косметики и затянутые в «конский хвост» волосы придавали ей вульгарный вид. Я с тоской заметила, что Мэрилин взяла с собой гитару.

Несколько минут спустя к ней присоединился Рональд. Он тоже переоделся — в светло-серые брюки с безукоризненно отутюженной стрелкой и белую рубашку. В правой руке он нес шейкер, в левой — два бокала.

— Быть может, вы считаете, что для коктейлей еще рановато? — с улыбкой спросил он.

— Для этого «рановато» не бывает! — воскликнула Мэрилин.

Рональд наполнил бокалы.

— За счастье!

— И за удачную охоту!

Появление Джека Мэйсона, по-видимому, огорчило их обоих.

— Вам звонят из участка, мистер Бойд, пойдемте со мной.

Рональд поставил бокал.

— Да, конечно.

Прежде чем Бойд вернулся, прошло добрых пятнадцать минут, и я успела перебрать в голове все возможные предположения. Проходя мимо моего коттеджа, он уронил нож. Рональд нагнулся и, пользуясь случаем, незаметно подsunул под дверь листок бумаги. Я торопливо развернула записку.

«Полицейские нашли «шевроле», — писал Рональд на вырванном из блокнота листке, — и тут же позвонили хозяину гаража, и тот назвал мое имя. На руле обнаружили отпечатки пальцев Фреда Кука — они есть в полицейской картотеке, поскольку его не раз судили за мелкие нарушения. Бамперы машины поматы, так что «шевроле», видимо, побывал в аварии. Не сообщите заранее об угоне машины, заработал бы кучу неприятностей. Хорошо, что внял вашему совету. Очко в вашу пользу, Хелен. Рональд».

Я дважды перечитала записку, потом изорвала на мелкие кусочки и сожгла в пепельнице. Снаружи доносилась пустая болтовня Мэрилин насчет всяких опасных типов, которых разыскивает полиция, и осторожные объяснения Рональда. Бойд рассказывал ей, что потерял бумажник, а какой-то честный человек в целости и сохранности отнес его в полицию. Потом голоса умолкли, и я услышала позвякивание льдинок в бокалах — Рональд снова разливал коктейли.

— Я немного замерзла, — сказала Мэрилин. — Давайте вернемся, ладно? Допьем божественный напиток в гостиной.

Через полчаса я опять включила радио. Об Уилле — ни слова. Арест за рулем пьяной кинозвезды вытеснил из эфира все остальное.

Мне было тяжело думать, что я не увижу Уилла... никогда.

Я медленно разделась и легла в постель.

Рональд все еще оставался в коттедже Мэрилин, но теперь там царила глубокая тишина.

Глава 6

Я не слышала, как открылась дверь, но, тем не менее, вдруг проснулась и села в постели. Кто-то опрокинул маленький столик в углу гостиной возле дивана и отпра-

тительно выругался. Мне грохот показался ужасающим, но для незваного гостя он наверняка был чем-то еще худшим.

Фред! Это мог быть только Фред, и он явился сюда продолжать свое грязное дело! А ведь он угрожал выжечь мне глаза!

— На помощь! На помощь! — завопила я изо всех сил.

Тут же послышались быстрые шаги. Но в каком направлении? От страха я никак не могла разобраться. У меня даже не хватило духу включить ночник. Я лишь соскользнула в темноте с постели, надела халат и тапочки. Руки дрожали. Потом кто-то застучал в дверь и задергал ручку.

— Хелен! Хелен!

Узнав голос Рональда, я зажгла свет и побежала открывать. Он примчался в пижаме и шлепанцах на босу ногу.

— Что случилось, Хелен?

— Кто-то забрался в дом, опрокинул столик, и шум меня разбудил. Я думаю, это был Фред. Фиц ни за что не отступит, пока не получит деньги, и опять послал его сюда.

— А ваш крик вспугнул парня.

— Чего ж вы от меня хотели бы? По-вашему, я должна была спокойно сидеть и ждать, пока этот мелкий негодяй выжжет мне глаза, как обещал?

— Мисс Браун! Мисс Браун!

На пороге своего коттеджа показалась Мэрилин. С распущенными волосами, без накладных ресниц и грима она выглядела намного моложе. Я с удивлением заметила у нее в руке маленький револьвер. Мэрилин тоже изумленно взирала на Рональда в пижаме и на меня в изумрудно-зеленом халатике.

— Я слышала крик... Что тут происходит? — спросила она, вскинув брови.

— Мисс Браун показалось, будто в ее коттедж проник вор, — незаметно подмигнув мне, пояснил Рональд.

— Вор? — переспросил Джек Мэйсон — он тоже услышал мои призывы на помощь и поспешил откликнуться.

— Да, — кивнула я, — кто-то вошел ко мне и опрокинул столик. Я испугалась и стала кричать.

— По-моему, вы неплотно закрыли дверь, а ветер сегодня очень сильный, и дверь, распахнувшись, стукнула о стену, — предположил молодой полицейский.

Я была уверена, что он ошибается. И перевернутый журнальный столик доказывал, что я права. Кроме того, я ни разу в жизни не слышала, чтобы дверь так ругалась. Однако, раз Рональд хотел, чтобы я молчала, спорить не стоило.

— Наверное, вы правы, — сказала я. — Мне очень жаль, что я вас побеспокоила.

— Главное — что вы живы и здоровы, — ответил Джек Мэйсон с улыбкой и повернулся к Мэрилин. — У вас есть разрешение носить оружие, мисс Уилсон?

— Само собой. Пойдемте ко мне, я вам покажу.

Они ушли, а через некоторое время дверь соседнего коттеджа хлопнула, и Мэйсон дружески пожелал мисс Уилсон спокойной ночи. Проходя мимо нас, полицейский бросил на меня какой-то странный взгляд.

— Хорошенько запирайте дверь, мисс Браун!

— Не премину, мистер Мэйсон. Спасибо вам за все.

Мужчины ушли вместе. Я заклинила дверь ножкой стула и пошла спать.

Наутро мисс Уилсон очень рано ушла из дома и вернулась лишь много часов спустя. Сразу после ее ухода Рональд явился ко мне поменять замок. Ночной переполох оправдывал подобные действия, и Бойд пришел, не таясь. Заодно он принес флакон темного тона для лица.

— Когда вы последний раз обедали по-человечески? — спросил Рональд, покончив с замком.

— Не знаю, — равнодушно ответила я.

— Давайте сегодня вместе поужинаем.

— Нет!

— Послушайте, Хелен, вам больше незначает прятаться здесь, ваш секрет раскрыт и...

— Нет, я не пойду.

— Прекрасно. Тогда давайте проанализируем положение. Он забрался к вам вчера ночью. От испуга вы так громко завопили, что он испугался и удрал. Сомневаюсь, чтобы он рискнул повторить этот подвиг, поскольку, если не успел убежать далеко, отлично видел, как к вам на помощь примчались три человека. Однако он не отступит, а попытается любым путем встретиться с вами где-нибудь еще, скорее всего — в общественном месте. Следовательно, вам надо «выйти в люди» и дать ему возможность подойти поближе.

— Хорошо, — с трудом проговорила я, чувствуя, как пересохло во рту.

— Я зайду за вами в семь.

Ближе к вечеру я вымыла и высушила волосы, а потом наложила на лицо, шею и руки загарный тон. В шесть часов я решила, что пора переодеться к ужину. Выбрала белое платье из тонкой шерсти, купленное в Гонконге два года назад, во время последнего отпуска с Хелпбернами, волосы зачесала назад и, как обычно, свернула мягким узлом на затылке. Потом, немного подумав, накинула на плечи черный плащ, подбитый пурпурным шелком, и посмотрела в зеркало. Да, теперь я снова походила на элегантную миссис Гейтс.

Через полчаса за мной зашел Рональд. Оглядев меня с ног до головы, он тихонько присвистнул от восторга.

— Хелен, вы потрясающе выглядите! Ну что ж, пошли. Куда бы вы хотели отправиться?

— В последнее время я довольно часто обедала в одном ресторанчике. Готовят там превосходно, а в зале достаточно темно, чтобы остаться незамеченной.

— Значит, ему будет нетрудно к вам подойти? Я согласен. Думаю, мне придется на минутку отлучиться, чтобы предоставить нашему бандиту шанс... если, конечно, он за нами следит.

— Да, наверное, вы правы, — испуганно проговорила я.

— Не бойтесь, в ресторане он не посмеет сделать вам ничего плохого — там слишком много посетителей.

План мне не особенно понравился, но я ведь обещала помочь Рональду. Мы двинулись черепашным шагом, и Бойд нарочно включал фары задолго до поворота, чтобы возможный преследователь не отстал. Внезапно я заметила, что Рональд все время поглядывает в зеркало заднего вида.

— В чем дело? — с тревогой полюбопытствовала я.

— Он едет за нами от самого коттеджа, — с удовлетворением объяснил Бойд. — Я нарочно не прибавляю скорости, чтобы он не потерял нас из виду.

— А кто это?

— Не знаю. Могу сказать только, что этот человек сидит за рулем синего «форда», но ведет себя очень осторожно и держится за три машины от нас.

Бойд оставил «понтак» на стоянке за ресторанчиком, и я с радостью отметила про себя, что там много других машин, а следовательно, в зале будет довольнолюдно. Это меня успокаивало. И действительно, даже мое любимое место кто-то уже занял, но в глубине, в правом углу, все же нашелся свободный столик. Там мы и

устроились. Рональд заказал два коктейля, и мы не спеша принялись за них в ожидании ужина. Теперь мои глаза привыкли к полумраку, и я внимательно следила за дверью, чтобы видеть входящих. Рональд сел напротив меня.

— Жаль, что вы не видите себя со стороны! — вдруг фыркнул он. — Вы напряжились, как готовый броситься на добычу хищник.

И тут я резко отодвинула бокал и пробормотала:

— Мэрилин Уилсон.

— Дьявольщина! Она одна? — не оборачиваясь, спросил Рональд.

— Да. Села за маленький столик у входа.

— Не показывайте, что вы ее заметили.

Несмотря на мои возражения, Бойд заказал еще по коктейлю и тут же начал рассказывать нелепую и забавную историю, случившуюся с ним в одном из полутемных нью-йоркских баров. Скорее всего, Рональд сочинял ее на ходу. Я невольно смеялась, а потом вдруг подумала, что ни разу так не веселилась за последние полгода. Бойд взял меню и заказал ужин, естественно, предварительно поинтересовавшись моими вкусами. Вдруг он посмотрел на часы и досадливо охнул.

— Прошу прощения, Хелен, но мне надо позвонить. Можно покинуть вас на минутку?

— Разумеется.

Бойд направился к одной из двух телефонных кабинок, стоявших недалеко от нашего столика. И тут, опустив глаза, я с удивлением уставилась на пустую тарелку — сама того не заметив, я съела все, что мне подали! Однако мне очень пригодились силы и бодрость духа, появившиеся после плотного ужина, иначе, увидев, кто стоит у телефонов, я бы, наверное, упала в обморок. Он тоже посмотрел на меня и подошел к столу.

— Миссис Гейтс! Значит, я не ошибся, а в самом деле узнал ваш голос!

Я ошарашенно взирала на Джона Крозерса, бывшего шефа Уилла. Именно он взбудоражил полицию после исчезновения моего мужа. Его обычно приветливая улыбка сейчас казалась довольно натянутой.

— Так-так... давненько я вас не видел... — Крозерс говорил доброжелательным тоном, но я чувствовала, что внушаю ему ужас. — Вы все так же красивы, миссис Гейтс. А... кто ваш друг? По-моему, я его уже видел.

— Несомненно. Это старый друг Уилла. Должно быть, вы с ним встречались у нас.

— Да, действительно, припоминаю. Что ж, позвольте откланяться и передайте Уиллу, чтобы как-нибудь заглянул ко мне в гости. У меня никогда не было лучшего продавца. До свидания, миссис Гейтс. — Крозерс вернулся к своему столику, заплатил по счету и, кивнув мне на прощание, небрежной походкой двинулся к автоматам.

Несколько минут спустя Рональд вернулся, бросил на стол десять долларов, схватил меня за руку и потащил через зал, не дав времени хотя бы накинуть плащ. Мы шли так быстро, что я даже не заметила, тут ли еще Мэрилин или ушла. Рональд распахнул дверцу, толкнул меня в «пontiак» и скользнул за руль. Машина выехала со стоянки и влилась в поток транспорта прежде, чем я успела застегнуть ремень безопасности.

— Что случилось? — спросила я.

— Я вошел в кабинку, оставив дверь приоткрытой, и уже собирался бросить монетку, как вдруг заметил, что к вам подходит какой-то тип. В кабинке кто-то курил сигару, а я не выношу этого запаха, поэтому перебрался в другую. Благодаря этому я мог наблюдать, как незнакомец поговорил с вами, а потом исчез в только что оставленной мною кабинке. Ему, должно быть, тоже не понравился запах, поскольку дверь осталась открытой. Так вот, парень позвонил в полицию и предупредил, что

миссис Гейтс, разыскиваемая по подозрению в убийстве мужа, находится в ресторане, и назвал адрес. Еще он сказал, что не мог не узнать супругу своего лучшего продавца, который исчез полгода назад, оставив дома все свои вещи, включая новенький «кадиллак», после бурной ссоры с женой. Миссис Гейтс ужинает тут с мужчиной и не стала скрывать, что это — старый друг ее мужа. Он, Крозерс, полагает, что это тот самый тип, который помог ей спрятать тело мужа. Он сказал, что слышал лишь малую часть разговора, но миссис Гейтс много смеялась, а спутник назвал ее красивой.

— Джон Крозерс и вправду уверен, что я убила Уилла, — пробормотала я. — Он смотрел на меня, как на чудовище!

— Полиция подозревает, что так оно и есть.

До самого дома мы больше не обменялись ни словом. Открыв дверь, Рональд обошел все комнаты, заглянул в шкаф и даже под кровать.

— Сегодня можете спать спокойно, — объявил он и, пожав плечами, добавил: — Боюсь, как бы звонок Крозерса не подхлестнул полицейских... Если они поднимут общую тревогу, ваше убежище скоро найдут. Мне следовало бы предвидеть, что вы можете встретить знакомых. Боюсь, я совершил большую глупость.

— Не ваша вина. Меня куда больше расстраивает, что Фиц не пришел. Наверное, поручил грязную работу Мэрилин.

— Ладно, не все потеряно. Вы хорошо поели и...

— Почему вы так возитесь со мной?

— Я вовсе не «вожусь». Когда-нибудь вы все узнаете, Хелен, и тогда возненавидите меня.

— Почему? Мы ведь преследуем одну и ту же цель.

— Вы слишком доверчивы, Хелен.

— А разве вы не доверяете мне? И это — при том, что меня подозревают в убийстве. Сколько времени вы следили за мной, Рональд, прежде чем рискнули заговорить?

— Возможно, когда-нибудь я вам об этом скажу.

— Но почему вы за мной следили?

— Потому что я знал: рано или поздно вы приведете меня к цели.

— Ну, и как? Мне это удалось?

— Пока нет. Но так оно и будет, у вас нет другого выхода. А теперь — о деньгах, Хелен. При нынешнем положении вещей лучше, чтобы между нами не оставалось недомолвок.

— Я вам уже сказала: к этим деньгам никто не притронется. Я обещала вам, что не пойду в полицию раньше, чем через три дня. Один уже прошел, Рональд.

Глава 7

В ту ночь я почти не спала, пытаюсь проанализировать последние события.

То, что отразилось при виде меня на лице Джона Крозерса, было хорошим предостережением. Можно не сомневаться, полиция усилит поиски. Интересно, как повела себя Мэрилин, когда они ворвались в ресторан? Рассказала ли, где я живу? В таком случае, они не замедлят постучать в мою дверь. Но — нет, какая же дурочка! Конечно, Мэрилин не стала бы с ними откровенничать, ведь это нарушило бы ее планы. Хуже другое — я понятия не имею, что она замышляет.

Я все утро провела в коттедже. Само собой, меня интересовали новости. Но по радио не говорили ни о звонке Крозерса, ни о новой облаве на меня. Это меня удивляло. Первой дала о себе знать Мэрилин. Она постучала в мою дверь около пяти часов.

— Добрый день, мисс Браун. Зять попросил меня помочь ему сегодня вечером. О, само собой, ни гурманы, ни великосветские господа в его ресторанчик не ходят, зато там полно молодежи, а потому всегда весело и оживленно. Почему бы вам не провести там вечерок? Поужинаете, естественно, за счет заведения... — Я уже хотела отказаться, но Мэрилин внезапно добавила: — В таких ресторанчиках можно увидеть массу любопытных типов, а сидя тут, взаперти, вы наверняка не сведете с ними знакомства.

Я сразу подумала, что она намекает на Фица. Где бы он мог поговорить со мной свободнее, чем в кабачке, битком набитом молодыми людьми? Я немного поколебалась, но, сообразив, что рано или поздно встреча неизбежна, дала согласие.

— Я уверена, что очень приятно проведу время, мисс Уилсон, и с благодарностью принимаю ваше любезное приглашение.

— Отлично, я заскочу за вами в шесть.

Целый час я готовилась к походу. Прежде всего, тщательно загримировалась. На веки, снизу и сверху, пришлось наложить синие тени, чтобы след ожога не так бросался в глаза. Другого парика я так и не купила, а потому оставила волосы распущенными. Без ложной скромности могу сказать, что в таком виде напоминала девочку лет шестнадцать, еще не знакомую с темными сторонами бытия.

— Похоже, вы никогда не перестанете меня удивлять, мисс Браун, — заметила Мэрилин, заглянув в мой коттедж.

Ее машина оказалась тем самым синим «фордом», который Рональд видел вчера в зеркальце заднего вида. Значит, это она нас преследовала. Мисс Уилсон прекрасно водила машину. Ее сумочка, лежавшая между нами, на поворотах стукала меня по бедру, и я чувствовала металлическую поверхность маленького револьвера.

Ресторан зятя Мэрилин был на малолюдной улице. Когда мы вошли, в баре толпилось множество людей, и мне показалось, будто я попала в штаб-квартиру хиппи. Большинству посетителей еще не исполнилось и двадцати лет, все они носили линялые джинсы, рубашки навыпуск и длинные распущенные волосы.

Мэрилин устроила меня за столиком у самой стены. Мужчина лет сорока, совершенно лысый, но с густой черной бородой, придававшей ему сходство с пиратом, довольно бесцеремонно поздоровался с Мэрилин.

— Сегодня у нас куча народа, скорее беги переодеваться, — сказал он.

— Иду. Но сначала хотела представить тебе свою подругу Хелен. Запиши все, что она захочет, на мой счет. Хелен, это Питер.

— Что будете пить, мисс Хелен? — спросил лысый.

— Какой-нибудь коктейль послабее.

Мэрилин исчезла. Питер передал бармену мой заказ, а сам протянул мне меню. Я выбрала эскалоп, спагетти, салат и мороженое.

Мэрилин вернулась в усеянном блестками бикини, но посетители не обратили на нее никакого внимания — на юге Калифорнии в ресторанах определенной категории такая одежда стала своего рода униформой для официанток. Мисс Уилсон на минутку остановилась у моего столика и спросила, не нужно ли мне чего-нибудь. Я поблагодарила, объяснив, что больше ничего не хочу. Меня восхищала ее ловкость. Мэрилин сновала между столиками с тяжелым подносом, уставленным блюдами и бокалами. Ей помогали еще две девушки.

Ближе к закрытию Питер вынес стул на середину зала. Мэрилин села и начала тихонько перебирать струны, ожидая, пока все затихнет, а потом запела песню протеста против нашего общественного устройства. Хиппи подбадривали ее аплодисментами. За ней последовал бешеный рок-н-ролл, и молодежь хором подхватывала припев.

Питер в это время прогуливался по залу, останавливаясь у каждого столика и разговаривая с посетителями. Его поведение показалось мне несколько странным. В движениях чувствовалось что-то подозрительное. Несколько раз я видела, как он протягивает скомканное меню людям, которые уже поужинали. И тут мне стало ясно, что зять Мэрилин таким образом торгует наркотиками, пока девушка игрой и пением отвлекает внимание других. И я вспомнила слова Рональда, его рассказ о том, как младший брат, Бен, стал наркоманом. Не здесь ли звено цепочки, соединяющее Мэрилин с Фицем? Быть может, Питер — один из его посредников в торговле травой?

Мне хотелось поскорее уйти из этого неприятного места. Зачем Мэрилин притащила меня сюда? Я пошла с ней в надежде встретить Фица, но теперь он уже наверняка не явится. Я разглядывала одного за другим хиппи у стойки бара. Внезапно я как будто узнала его высокую фигуру... но — нет, это был Рональд Бойд. Чтобы добраться до моего столика, ему пришлось пройти мимо Мэрилин. Мисс Уилсон лукаво улыбнулась Рональду.

— Добрый вечер, мистер Фицхьюг, — поздоровалась она. — Надеюсь, вам тут весело?

— Как?.. Не знаю...

Рональд не договорил, поскольку Питер, выглянув на улицу, завопил на весь зал:

— Полиция! Спасайся, кто может!

Началась всеобщая свалка. Рональд схватил меня за руку и потащил за собой. Мы попали на кухню. Шеф-повар доставал из духовки пиццу и даже не посмотрел в нашу сторону. Рональд подтолкнул меня к двери служебного входа. Патрульная машина загородила выход из тупика, отрезав беглецам путь к отступлению. Бойд поднял меня на вытянутых руках и подсадил на стену ограды, посоветовав сидеть спокойно. Секунду спустя он присоединился ко мне и спрыгнул на другую сторону. Рональд протянул руки, и я тоже прыгнула. Мы вместе, низко пригнувшись, побежали вдоль стены.

— Спасены! — наконец, воскликнул Рональд, покровительственно обнимая меня за плечи. — Вдохните поглубже и взгляните!

Напротив ресторана стоял полицейский фургон с открытыми дверцами. Патрульный загонял туда негодующих хиппи, те отчаянно ругались, а оператор снимал всю сцену. Мэрилин о чем-то спорила с одним из стражей порядка, Питера наручники надежно приковывали к руке другого.

Рональд взял меня под руку, и мы, словно зеваки, медленно прошли мимо ресторанички. Мэрилин нас заметила. Ресницы ее затрепетали, и мое сердце бешено подпрыгнуло в груди. Однако Мэрилин села в полицейский фургон, не выдав нас ни единым словом.

«Понтиак» стоял на соседней улице. При виде его я облегченно вздохнула и спросила Рональда:

— Что означает эта облава?

— А вы не догадались? В этом рестораничке можно раздобыть сигареты с марихуаной, а то и героин, которым колются многие молодые люди.

— Но... откуда у них деньги на то, чтобы позволить себе такую роскошь? Мне говорили, что героин стоит очень дорого...

— Стоит человеку попасть в наркотическую зависимость, и он пойдет на любое преступление, лишь бы раздобыть привычный яд.

— Вы думаете, Мэрилин и ее зять — поставщики?

— Этот тип — вовсе не родственник мисс Уилсон, — задумчиво проговорил Рональд. — А вас привело сюда любопытство?

— Во-первых, я понятия не имела, что тут творится. А во-вторых, судя по намекам Мэрилин, рассчитывала увидеть Фица.

— Мэрилин упоминала о нем?

— Никаких имен она не называла, но мне показалось, что речь идет именно о нем. Я уверена, что Мэрилин нас видела, и с ее стороны было очень благородно не сказать об этом полицейским. Но... кто вы такой? Я слышала, что Мэрилин назвала вас «мистером Фицхьюгом»...

— Меня зовут Рональд Бойд Фицхьюг.

— Так вы мне лгали, уверяя, что Фиц погубил вашего брата Бена?!

— У меня было два младших брата — Бен и Гарри.

— И, стало быть, все трое — одного поля ягоды... трое мужчин, думающих только о том, как бы украсть деньги. И... кто из вас убил моего мужа?

Он промолчал. Его глаза в зеркальце изучали машины сзади.

— Сегодня за нами никто не следит.

— На кого работает Мэрилин?

— Не на меня.

— Однако ей известно, кто вы.

— Мэрилин впервые дала это понять.

— Но как она узнала вашу настоящую фамилию?

— Понятия не имею. Очевидно, я принял не все меры предосторожности.

— Надеюсь, вы понимаете, что у меня больше нет причин исполнять данное вам обещание, и я немедленно верну деньги владельцам?

— Нет! О, нет! Дайте мне еще немного времени, чтобы...

— ...чтобы поухаживать за мной, очаровать и выпытать, кому я отдала на хранение деньги? Вы на это рассчитывали, не так ли?

Внезапная гневная вспышка Рональда напугала меня, но, когда он взял себя в руки, голос звучал, как всегда, чарующе-вежливо.

— Полиция разыскивает вас по подозрению в убийстве мужа. Давайте расставим все точки над «i», хорошо, Хелен? У вас с мужем произошла бурная ссора, вы солгали Крозерсу, будто ваш супруг на работе, хотя тот исчез, не взяв с собой ни вещей, ни одежды, ни только что купленного «кадиллака». Зато вы забрали то, что смогли унести, и даже позаботились снять со счета все деньги. С тех пор вы жили под девичьей фамилией, самым невероятным образом раскрашивая лицо и одеваясь, чтобы никто вас не узнал. Более того, у вас хранится восемьдесят тысяч ворованных долларов. Вас видел со мной человек, опознавший меня как друга, постоянно навещавшего вашу семью, и он подозревает, что именно я помог вам избавиться от тела мужа. Вы в состоянии доказать, что все это — ложь?

— Я могу отдать деньги и объяснить свое поведение.

— И кто вам поверит?

— Но... мы с вами знакомы всего несколько дней...

— А как вы это докажете? Думаете, вам удастся переубедить Крозерса? Он ведь явно перепутал нас с Гарри.

— Вы низкий, бессовестный человек! Все, что вы говорили, — сплошное вранье!

— Нет, Хелен, не все.

— Вы только-только приехали, когда полиция начала облаву?

— Конечно, нет. Я следил за вами, поскольку обещал позаботиться о вашей безопасности. Я всегда выполняю обещания. А вы? Прошу вас, Хелен, не отдавайте деньги сейчас, дайте мне денек-другой. Если вы согласитесь, все ваши мучения скоро закончатся. А откажетесь — мне придется пойти в полицию и выдать ваше убежище. Я способен так поступить, чтобы вы не нарушили моих планов. А когда вас

арестуют, Хелен, вы даже не сможете выйти под залог, ибо подозреваемых в убийстве не выпускают. И вам придется сидеть в тюрьме до суда. А после него, и при самом благоприятном для вас решении присяжных, на вас останется клеймо. Вы понимаете, что я имею в виду?

Я воздержалась от ответа, и Рональд тихонько рассмеялся. От этого смеха мне чуть не стало дурно.

— Да, я понимаю, вы думаете, будто я помогу вам удрать... Бог видит, мне бы очень этого хотелось, но...

— Кто дал журналистам мою фотографию, сделанную Фицем в нашей квартире?

— Я.

— Мне бы следовало самой догадаться. Я еще никогда никого не ненавидела так сильно, как Фица, но вас... вас я ненавижу еще больше! Вы мне омерзительны!

— Разве я вам этого не подсказывал? Разве не советовал не так уж мне доверять? И, тем не менее, я люблю вас, Хелен, люблю до безумия. Но будь вы и в десять раз красивее — а это просто невозможно! — я не смог бы и пальцем шевельнуть, спасая вас от тюрьмы, если вы пойдете наперекор моим планам, станете препятствием на моем пути к цели. Но сдержите обещание, дайте мне пару дней, и вы избавитесь от всех обвинений, тяготеющих над вашей головой. Иначе, клянусь, вас арестуют за убийство мужа, и это так же верно, как то, что Господь создал яблоко с семечками внутри!

Остановив «пантиак», Бойд проводил меня до двери.

— Ну? — бросил он, когда я вставила в замок ключ.

— Вы лишили меня выбора, — холодно ответила я.

Бойд посмотрел на меня и, ни слова не сказав, удалился.

Рональд Бойд Фицхьюг... брат Гарри. Кто из этих двоих убил моего мужа? Но даже если убийца Рональд, мне придется неукоснительно выполнять его требования под угрозой в противном случае сесть в тюрьму за убийство Уилла. Лампа у моей постели так и горела до утра...

Утром я прежде всего включила радио. Диктор вкратце рассказал о полицейской облаве в ресторане после анонимного звонка в участок с сообщением, что там хиппи снабжают марихуаной. У хозяина заведения, Питера Аннунцио, и в самом деле нашли героин, а также другие наркотики.

Около десяти часов ко мне постучалась Мэрилин. Я впустила гостью, и она устало плюхнулась на диван.

— Хелен, мне жаль, что я пригласила вас в такое место.

— Зато с вашей стороны было очень любезно сделать вид, что вы нас не заметили.

— Это самое меньшее, что я могла сделать. Всю ночь я провела в тюрьме, но утром меня отпустили. Мой адвокат явился спозаранку и проявил чудеса красноречия.

— А ваш зять?

— За решеткой. Полицейские нашли у него наркотиков на добрые тридцать тысяч. Теперь Питера выпустят не скоро.

— А вы знали, что он продает наркотики этим мальчишкам и девчонкам?

— Конечно, нет, ей-богу! — побожилась Мэрилин, но я знала, что она лжет. — И я ужасно рада, что вы без проблем удрали из проклятого ресторана! Ваш дружок вел себя, как настоящий мужчина!

— Он мне не дружок. Вчера вечером вы называли его Фицхьюгом, я стала спрашивать, и он признался, что это его настоящая фамилия. Откуда вы об этом узнали?

— Послушайте, Хелен, братья Фицхьюги — не самая подходящая компания. Обычно я никому не даю советов, кроме тех случаев, когда у людей начинается что-то серьезное, как, например, у вас с Рональдом... Поверьте мне, у него недоброе на уме. Я...

Мэрилин не успела договорить — в дверь постучала миссис Мэйсон. Я пригласила ее в дом.

— А я как раз искала вас обеих...

Джил казалась немного смущенной, и я подумала, что она знает об облаве. Возможно, слышала, что Мэрилин ночевала в тюрьме, и собирается попросить нас поискать другое жилье? Однако наша хозяйка с улыбкой продолжала:

— Мы с Джеком хотим устроить пикник на свежем воздухе, и я пришла вас пригласить. Мистера Бойда я еще не видела, но, надеюсь, он тоже составит нам компанию. Кроме того, придут Салливаны из главного корпуса и один молодой человек. Мистер и миссис Салливан знали Джека ребенком и, хотя принадлежат к другому поколению, обожают компанию молодежи. Я могу на вас рассчитывать?

— С одним условием: вы посадите меня рядом с мистером Бойдом, — с вызовом поглядев на меня, проговорила Мэрилин.

— Прекрасно. А для Хелен у нас есть еще один очаровательный кавалер — Кит Патнэм, лучший друг Джека.

— Если вы хотите доставить мне удовольствие, я бы предпочла общество вашего сына.

— О, Джонни был бы счастлив, вы его совершенно покорили, но пока он слишком молод, — расхохоталась Джил. — Встречаемся в половине седьмого. Да, чуть не забыла: возьмите с собой гитару, Мэрилин, мы так любим вас слушать.

Джил ушла, и я слышала, как она бежит к домику Рональда. Мэрилин встала.

— Пойду немного вздремну. А насчет той облавы... Рональд Фицхьюг подрос, удивительно вовремя, можно подумать, он следил за вами. — Она потянулась, зевнула и, улыбнувшись мне на прощание, ушла.

Только вечером, собираясь на пикник Мэйсонов, я заметила, что в моих вещах опять кто-то копался. Теперь я понимала, зачем Мэрилин понадобилось увести меня подальше от дома. Но кто сюда приходил? Я совсем запуталась. Мэрилин знала настоящее имя Рональда, но тот явно удивился, когда она его окликнула. Так что за отношения связывают ее с Гарри? Почему она посоветовала мне держаться подальше от Фицхьюгов?

Джил и Джек Мэйсоны, нагруженные продуктами, прошли мимо моих окон, по меньшей мере, раз десять. Прежде, чем выйти из коттеджа, я подождала, пока они появятся вместе с Салливанами, о которых рассказывала Джил. Мистер Салливан оказался рослым широкоплечим седым мужчиной с суровым взглядом и обветренным лицом. Его маленькая хрупкая жена благодаря очень короткой стрижке выглядела намного моложе. Рядом с ними шел молодой человек, настолько невзрачный, что его можно было вообще не заметить. Следом шагали Мэйсоны, и Джил вела за руку мальчугана. Прошло несколько минут. Мэрилин вышла на улицу, и я услышала, как Рональд сказал ей:

— Мисс Уилсон, давайте я понесу вашу гитару. Вы не против?

— Наоборот, очень рада. Мужчины для того и существуют, чтобы таскать тяжести.

— Вы считаете нас вычужными животными?

Мэрилин расхохоталась.

— А кстати, почему вчера вы называли меня Фицхьюгом?

— Вы и вправду хотите это знать? — Рональд кивнул. — По отпечаткам пальцев всегда можно найти знакомых.

Больше я слушать не стала и села, обхватив голову руками. Весь мир будто закружился вдруг в каком-то бешеном калейдоскопе. Отпечатки пальцев Рональда Бойда Фицьюга есть в полицейской картотеке, и наверняка в его досье числится немало преступлений! Стало быть, Мэрилин работает не на Фица, как я предполагала, а помогает полицейским. Это объясняет и то, что у нее есть револьвер, и вчерашнюю облаву в ресторане. Да, если поразмыслить, это весьма походило на правду. Но тогда... почему она меня не выдала?

Уходя, я заперла дверь на ключ скорее по привычке, поскольку тот, кто вчера шарил в моих вещах, мог в любую минуту прийти сюда, как домой, замок ему ни почем.

За бамбуковой изгородью высилась крытая соломой хижина. Внутри я увидела большой стол и скамейки. Развешенные внутри и снаружи закрытые фонари разливали вокруг скудный свет. Над углями жарилось мясо. Джек и его жена разделяли цыплят, а маленький Джонни совал повсюду любопытный носишко, желая знать, чем занят. Я окликнула малыша и начала придумывать для него разные игры. А когда Джонни устал, я взяла его на колени и с восторгом слушала детский лепет. Невинная радость ребенка бальзамом ложилась на мое раненое сердце.

Неверный свет фонарей, дым от костра, запах жареного мяса, пение Мэрилин и присутствие жизнерадостно настроенных людей создавали атмосферу непринужденного веселья, и я с удивлением почувствовала, что мне тоже весело.

— Эй! — Джил застучала ножом по кастрюльке. — Прошу вас, рассаживайтесь. Мясо готово, пора за стол! Хелен — рядом с Китом, Мэрилин — с Рональдом, миссис Салливан — с Джеком, а инспектор составит компанию мне.

— Бывший инспектор, — поправил ее мистер Салливан.

— Любый блюститель порядка остается полицейским до конца своих дней, — со смехом возразила Джил.

Рональд принес на подносе бутылки и приготовил для всех аперитив. Малыш Джонни снова устроился у меня на коленях, и очень скоро кудрявая головка легла мне на грудь — мальчуган крепко спал.

— Джонни уже поел, я его сейчас уложу, — сказал Джек и унес спящего малыша домой.

Джил усадила нас парами, чтобы за каждой дамой ухаживал мужчина. Положив мясо на две тарелки, она подозвала Рональда, и тот отнес их Мэрилин и себе. Потом настала очередь Кита. Отставной инспектор сидел справа от Джил, и его порцию она поставила на стол сама. Вернувшись, Джек сел рядом с миссис Салливан. Похоже, они и впрямь были старыми друзьями.

Компания получилась более чем своеобразная. Я — женщина, разыскиваемая полицией, сидела напротив экс-инспектора и Джека Мэйсона. Мэрилин провела ночь в тюрьме, арестованная вместе с хиппи-наркоманами и поставщиком наркотиков. На Рональда Бойда... Кстати, я бы дорого дала за то, чтобы понять, кто он такой!.. В картотеке полиции была особая карточка.

Мой сосед Кит Патнэм при всей своей невзрачности оказался на редкость приятным собеседником. Он рассказал мне, что родился здесь, в Калифорнии, у родителей — большая плантация лимонных и апельсиновых деревьев. Главным образом, он распространялся о проблемах торговли фруктами. К концу вечера я стала настоящим специалистом по цитрусовым.

Инспектор Салливан рассказал, что у его родителей было ранчо, потом брат переехал в более теплые края и уговорил их переехать в это благословенное место. Теперь появилось так много отраслей промышленности, что молодежь сломя голову удирает с родительских ферм.

— А чего ради? — сердито спросил он. — Мальчишки работают официантами. А девчонки — по крайней мере, те, у кого хорошая фигура — сплошь и рядом оголяются в ночных кабаках, а то и...

— По сути, мало что изменилось, — заметила Джил.

— Между нашим и вашим поколениями не такая уж большая разница, — поддержал жену Мэйсон.

— В мои времена люди уважали закон и порядок!

— Мы тоже их уважаем... а преступления были всегда.

Кит протянул мне пачку сигарет.

— Спасибо, я не курю.

— Вы не курите и не пьете... У вас что, вообще нет ни одного порока?

— У меня, как у всех, есть недостатки.

— Вы замужем?

— Э-э-э... нет...

— Вы такая красавица, что вам, наверное, тысячу раз предлагали руку и сердце! Вам никто не говорил, что вы похожи на принцессу Грейс? Я думаю, вы актриса или телеведущая...

— Я не настолько тщеславна.

— Вы просто таинственная женщина и...

Миссис Салливан заговорила очень громко, и наш разговор иссяк.

— О нет, Джек, вы не уйдете из полиции! — тараторила она. — Я знаю, вы ведь любите свою работу. Так в чем дело?

— Мой отец был полицейским, и я им гордился. Ну, а теперь, когда я иду по улице один, мальчишки кричат: «Эй! Фараон! Легавый!», и я опускаю голову. Потом они вырастают, начинают учиться в университетах, а там — кружки, митинги протеста. Когда происходят неприятности, нас вызывают на место, и юнцы принимают нас в штыки. Я не хочу, чтобы мой сын стеснялся меня, моей формы. Да, знаю, есть скверные полицейские, которые бьют заключенных, но разве не почти повсюду можно найти дурных людей? Общество не знает, сколько наших ребят гибнет на службе под пулями гангстеров, что им приходится постоянно иметь дело с юными безумцами и стоять под градом камней. Чего же от нас хотят?

— Кстати, — перебил его Кит, — кто-нибудь из вас слышал о вчерашней облаве полиции в одном из любимых ресторанчиков хиппи?

— Да, я, — отозвался Рональд. — Заглянул выпить пива и едва успел унести ноги, пока меня не загребли со всеми прочими. — Он повернулся к Мэрилин. — Но вы, вероятно, больше знаете об этом деле, поскольку тоже там были.

— Да, время от времени я там пела. Молодежь любит гитаристов. Когда Питер сказал, что полицейские окружают ресторан, я ушам своим не поверила. Мне очень нравились хиппи, и я думала, они приходят просто поразвлечься.

— Надеюсь, вы отделались легким испугом? — спросил Рональд.

— Как-никак, пришлось провести ночь в тюрьме.

— А что теперь будет с хозяином? — любопытствовал Кит. — По-моему, таких, как он, следовало бы пожизненно отправлять за решетку.

— Питер — мой зять, — пробормотала Мэрилин. — Но моя сестра умерла, и он снова женился. Иногда он приглашал меня поработать и...

— Так вы вернетесь туда, когда ваш родич выйдет на свободу?

— Никогда! Я хочу, чтобы его строго наказали за такие дела!

Джек встал.

— У меня совсем затекли ноги, — сказал он жене, — я бы с удовольствием прогулялся. А вы, Кит и Рональд? Не хотите размять конечности?

Трое мужчин удалились. Рональд шел посредине. Четверть часа спустя Джек Мэйсон вернулся уже один. Миссис Салливан подала сигнал к окончанию пирушки.

— Завтра утром нам надо очень рано ехать в аэропорт. К нам на несколько дней приедет погостить внучка. Благодаря вам, Джил и Джек, мы чудесно провели вечер, нам так приятно иногда побыть среди милых молодых людей, вроде вас. Спасибо за прелестные песенки, Мэрилин. Спокойной ночи, мисс Браун... Да, но я что-то не вижу ни Кита, ни мистера Бойда... Джек, будь добр, передай им, что мы попрощались заочно.

Теперь все мы встали и начали благодарить Джил за вкусный ужин. Но когда я предложила помочь ей убрать остатки пиршества и навести порядок, она решительно отказалась.

Я пошла домой вместе с Мэрилин.

— Все мужчины сразу влюбляются в вас, правда, Хелен? — спросила она, когда мы добрались до двери моего коттеджа. — Бедняга Кит буквально захлебывался слюной от восторга, и, будь вы наедине, упал бы к вашим ногам. — Мэрилин улыбнулась. — А любопытный мы провели вечерок, да? Как, по-вашему?

Я кивнула.

— Фараоны — справа, фараоны — слева! — усмехнулась Мэрилин. — Нечего удивляться, что арест прошел так тихо — ни тебе криков, ни стрельбы!

— Что вы хотите этим сказать?

— Я думаю, вы и сами сообразили, что Кит — полицейский. Да от него за милую разит легавым! И арест у него получился — первый сорт. Ваш приятель Рональд выбыл из обращения довольно надолго. Спокойной ночи, — с легкой иронией закончила она.

Глава 8

Я долго ломала голову, пытаюсь понять, за что арестовали Рональда. По-моему, вечеринку устроили нарочно, чтобы Кит мог спокойно подцепить его на крючок. Во всяком случае, ловушка сработала превосходно, и я не сомневалась, что в этом немалая заслуга Джека Мэйсона.

Я задавала себе множество вопросов, но ответа найти не могла. Работала ли Мэрилин сообща с Питером или действовала на стороне закона? Почему отпечатки пальцев Рональда оказались в картотеке полиции? Какое преступление он совершил? Быть может, они с Гарри — сообщники? Если так, то я правильно поступила, не сказав ему, куда спрятала деньги. Но Рональд уверял, что все равно до них доберется и не даст мне ни единого шанса сбежать, если я не соглашусь выполнить все его указания. Но он вообще много говорил...

Спать я все равно не могла, а потому слышала, как часов в пять утра Бойд открыл дверь своего коттеджа. Значит, его не задержали в полиции? В конце концов, я так устала от раздумий, что все-таки заснула.

Проснулась с ужасной мигренью, но после холодного душа немного полегчало. За завтраком я, как всегда, включила транзистор и рассеянно слушала диктора, рассказывающего о пожаре в банке и наводнении, случившемся из-за торнадо и уничтожившем урожай в довольно крупном прибрежном районе. Однако, услышав фамилию своих друзей, я насторожилась и вся обратилась в слух.

«Сегодня на рассвете неизвестный грабитель попытался проникнуть в резиденцию мистера Бартон Хепберна, известную красотой садов и архитектурой в испанском стиле. По словам мистера Хепберна, и его, и слуг разбудил яростный лай не-

мецкой овчарки, которую по вечерам выпускают в парк. Выйдя посмотреть, что случилось, хозяин дома, его дворецкий и старший садовник нашли тело убитой собаки. Кровавый след, оставленный злоумышленником, доказывает, что пес успел укусить его, когда тот собирался разбить одно из окон гостиной. Судя по всему, грабитель удрал на машине.

Мистер Хепберн заявил, что грабитель впервые пытается проникнуть в его резиденцию, ибо ни он сам, ни его жена не имеют обыкновения хранить дома крупные суммы. Что до драгоценностей миссис Хепберн, то они обычно лежат в сейфе банка. Серебро и прочие ценности после приемов убираются в бронированную комнату, расположенную в подвале. Следовательно, рассчитывать на добычу вора не приходится.

Мистер Хепберн — основатель больницы «Саутсайд», а его жена покровительствует центру для детей-инвалидов...

Я выключила радио. Фиц снова всплыл на поверхность. Он угадал, у кого я оставила ворованные деньги. С самого начала я жалела, что впутала близких друзей в мерзкую историю, теперь на мне лежит вина за их неприятности и гибель сторожевой собаки.

Позавтракав, я тщательнейшим образом оделась, замазала ожог под глазом густым слоем крем-пудры и вышла. «Фольксваген» стоял на самом солнцепеке, и, садясь за руль, я чувствовала себя так, будто забралась в раскаленную печь.

Впервые в жизни я увидела большие чугунные ворота резиденции Хепбернов запертыми. Я нажала на клаксон. Несколько минут спустя к решетке подошел главный садовник.

— Откройте, пожалуйста. Я — миссис Гейтс.

Он поглядел на меня круглыми от удивления глазами, потом направился к нише в стене, где в металлическом коробе стоял телефон. Положив трубку, садовник распахнул ворота.

— Я слышала, сегодня ночью у вас побывал грабитель. Это правда, Висенте?

— Да, миледи.

На губах садовника я не увидела и тени обычной улыбки и поняла, что Висенте пугает вовсе не ночная попытка ограбления, нет, бедняга боялся меня.

Я медленно подъехала к дому. Пока выходила из машины, дворецкий открыл дверь. На лице его читалось то же выражение, что и у Висенте.

— Миссис Хепберн у себя?

— Да, в библиотеке, и просит вас пройти туда.

— Она занята?

— Миссис Хепберн диктует секретарше письма.

Миссис Хепберн сидела за массивным бюро, на котором было разложено множество писем. Она вскинула глаза и с явным одобрением взглянула на мое простое платье — то, что я снова стала собой, несомненно, обрадовало старую леди. Понимая антипатию ко мне дворецкого, она его мягко отпустила:

— Вы можете идти, Уилкинс.

Слуга бросил на меня недоверчивый взгляд и поспешил ретироваться. Хозяйка дома повернулась к секретарше.

— Мисс Филд, мы продолжим попозже.

Миссис Хепберн никогда не отличалась бурными проявлениями чувств, поэтому я немало изумилась, когда она обняла меня.

— Хелен, о, Хелен! — Со слезами на глазах она усадила меня в кресло и села рядом. — Наконец-то ты тут, дитя мое! Я так тревожилась...

— Я не могла прийти раньше...

— Мы с Бартоном читали газеты и только из статей могли хоть что-то узнать о тебе. Но мы не поняли, почему, переживая столь мучительные испытания, ты не об-

ратилась к нам. Почему было нам не довериться? Но я не стану на тебя ворчать, ты, как прежде, у нас, и это — главное.

— Да, я пришла... О, миссис Хепберн, боюсь, это я виновата в том, что ночью вас пытались ограбить, и мне ужасно стыдно, что я впутала вас в эту историю...

— Историю? Что ты имеешь в виду, Хелен?

— Я оставила у вас шляпную коробку и...

— Я спрятала ее в бронированной комнате. Ты ведь просила убрать ее в надежное место, не так ли?

— В этой коробке — восемьдесят тысяч ворованных долларов, — призналась я, не слишком гордясь собой.

Миссис Хепберн позвонила дворецкому и попросила сходить за мистером Хепберном, а потом принести бутылку шерри и бокалы. Она не хотела, чтобы я рассказывала о своих трудностях в отсутствие ее мужа.

Мистер Хепберн поздоровался со мной весьма сдержанно — ведь меня разыскивала полиция.

— Ну, Хелен, в хорошенькое же ты угодила положение! — заметил он.

Я еще никогда не слышала, чтобы мистер Хепберн говорил таким суровым тоном.

— Только ни в чем не упрекай ее, друг мой, я...

— Но послушай, дорогая, должна же Хелен объяснить нам, что заставило ее так странно себя вести! Мы тебя слушаем, Хелен.

Я не знала, с чего начать, и решила объяснить предысторию. Поэтому заговорила о первой встрече с Уиллом в центре социальной защиты, где тогда работала, о юном правонарушителе, которого он так благородно спас, о нашей свадьбе и о том, как я была счастлива с мужем, баловавшим меня сверх всякой меры. Я призналась, что это счастье омрачало лишь одно облачко — привязанность Уилла к старому другу Гарри Фицхьюгу, человеку, лишенному чести и совести. Именно Гарри Фицхьюг — виновник ограбления и убийства кассира, перевозившего жалование служащим своей компании.

Миссис Хепберн слушала молча. Лицо ее побледнело, руки судорожно сжимали подлокотники кресла. Что до мистера Хепберна, то он пристально смотрел мне в глаза, ничем не выдавая своих мыслей.

— Продолжай, Хелен, — лаконично бросил он.

Я попыталась объяснить, почему мы с Уиллом не вернули деньги немедленно, и почему мне пришлось без ведома хозяев оставить их здесь. Это было самым тяжким признанием за все время моего рассказа. Именно в эти минуты я поняла, насколько непоследовательно вела себя.

— Уилл опасался, что Фиц убьет меня, как обещал. Он думал, что разлука не продлится так долго, и всего через несколько дней мы сможем передать деньги законным владельцам.

— О, дорогая моя, я... — начала было миссис Хепберн, но муж знаком остановил ее.

Я без утайки рассказала им, во что превратилась моя жизнь за последние полгода, как приходилось прятаться и перебегать с квартиры на квартиру. Затем заговорила о Рональде — человеке, знавшем, кто я такая.

— Ты кое-что упустила, дорогое мое дитя, — проговорила миссис Хепберн, не обращая внимания на безмолвный приказ мужа держать язык за зубами. — Мы видели твоё фото в газетах и читали статью, где тебя обвиняли в убийстве мужа и сообщали о розыске полиции.

И я вернулась к началу повествования, чтобы заполнить и этот пробел. Объяснила, почему Уилл не взял с собой ничего из вещей, и как Джон Крозерс заявил в по-

лицию, что его лучший продавец исчез после скандала с женой. Рассказывая, я как бы заново переживала каждую минуту, и говорить становилось все труднее, особенно, когда речь пошла о Фреде и его матери, о том, как они заманили меня в гнусную лачугу у свалки, где эти шесть месяцев якобы прятался мой муж. Я описала, что там произошло: как Фред пытал меня, как появление Рональда спасло меня от дальнейших мучений, и как мы вместе нашли могилу Уилла на пустыре за домом.

— Так этот человек!.. — вскрикнула миссис Хепберн. — Тот, о котором говорили по радио... твой муж, Хелен? О, дорогая моя! — Она подошла и прижала меня к груди.

— Нет, — пробормотала я, тихонько отстраняясь, — не надо меня жалеть, а то я заплачу...

Я закончила свой грустный рассказ, упомянув о встрече с Мэрилин, о ее приглашении поужинать, о том, как вмешательство Рональда уберегло меня от унижительного ареста в компании хиппи-наркоманов, и как Мэрилин назвала его «мистером Фицхьюгом». Я объяснила, как меня сбивает с толку поведение Рональда. Сначала я думала, что он разыскивает Фица, собираясь отомстить за смерть своего брата Бена, но потом поняла, что его интересуют лишь краденые деньги. Недаром же Рональд Фицхьюг угрожал выдать меня полиции, если я откажусь ему повиноваться.

— А сегодня утром, услышав по радио, что вас пытались ограбить, я сразу подумала о Фице. Наверняка, это он пробрался к вам в надежде забрать деньги. Он знает, что вы — единственные друзья, которым я полностью доверяю, а значит, большие никому не могла оставить на хранение проклятую коробку... И я пришла сказать вам, как сожалею, что втравила вас в эту омерзительную историю, и сию же секунду забрать из вашего дома кровавые деньги.

— Бартон, мы не можем этого допустить! — вскрикнула миссис Хепберн. — Хелен могут арестовать. Одной ей ни за что не выпутаться из этого чудовищного положения!

— Мы уже достаточно помогли Хелен, дорогая, спрятав у себя в бронированной комнате ворованные деньги.

Слова мистера Хепберна звучали настолько недвусмысленно, что я тут же встала.

— Благодарю за все, что вы для меня сделали. Могу лишь еще раз повторить, что искренне раскаиваюсь... Я не имела права втягивать вас в темные дела и ставить в щекотливое положение. Прошу вас, отдайте мне шляпную коробку, и я сразу уйду.

Еще ни разу я не видела, чтобы мистер Хепберн сидел в присутствии стоящей женщины. Но что за женщина я была? Во всяком случае, теперь уже не друг! Я стала особой, которую разыскивает полиция, я разочаровала его, оставив на хранение ворованные деньги, и по моей вине погибла его любимая собака.

— Сядь, Хелен, — наконец, сказал мистер Хепберн. — И послушай. Помимо нас с тобой, есть, по крайней мере, один человек, которому известно местонахождение этих денег, раз он пытался до них добраться, верно? Что бы ты теперь сделала на его месте, если бы хотела получить деньги обратно?

— Я полагаю, что этот тип стал бы наблюдать за вашим домом, понимая, что рано или поздно я приду за деньгами, собираясь отнести их в полицию.

— И что дальше?

— Простите, не понимаю...

— Что случится, когда ты выйдешь отсюда со шляпной коробкой в руках?

— О! Вы думаете...

— Да-да, именно то, что сейчас пришло в голову и тебе. Я ни цента не дам за твою жизнь, если...

— И что же мне делать? — растерянно пробормотала я.

— Оставить деньги там, где они лежат. Я свяжусь с властями и попрошу принять соответствующие меры безопасности. Приезжайте за своей коробкой завтра — по крайней мере, вас будут охранять. Есть и другой выход: вместо вас деньги могу вернуть я и...

— Нет, спасибо, мистер Хепберн. Я не хочу навлекать на вас новые неприятности, так что, лучше отнесу деньги сама.

— Согласен, но не одна, без помощи!

— Спасибо, о, спасибо!.. Вы в тысячу раз добрее, чем я того заслуживаю!

Мистер Хепберн проводил меня до двери, как я теперь понимаю, щадя чувства слуг.

Завидев на аллее «фольксваген», Висенте бросился открывать ворота, а потом захлопнул их за мной с явным облегчением. Я слегка притормозила, прежде чем свернуть на бульвар, и тут неожиданно заметила электромобильчик. Маленькая трехколесная машина проехала мимо, и я успела разглядеть знакомый седой парик. Только теперь я до конца осознала всю справедливость предположений мистера Хепберна. Мать Фреда явилась проверить, с чем я вышла из этого дома — с коробкой или пустыми руками. И если я была благодарна мистеру Хепберну за совет еще денек подождать с возвращением денег, то сейчас была признательна ему вдвойне.

Однако, если я завтра отнесу коробку в полицию или владельцам, то навсегда потеряю надежду отыскать Фица. И я решила отправиться следом за электромобильчиком. Это не составляло ни малейшего труда, поскольку такие машины делают не больше пятнадцати-двадцати миль в час. Внезапно впереди на красный сигнал светофора остановился грузовик и пять машин. Я тоже затормозила и стала с нетерпением ждать зеленого света, как вдруг дверца «фольксвагена» распахнулась, и на соседнее сиденье плюхнулась женщина в седом парике.

— Порядок, можно ехать. Переключи на первую и поддай газу.

Я чуть не врезалась в бампер передней машины, ибо этот голос, хоть и звучал достаточно хрипло, поразительно напоминал голос Уилла.

— Уилл! О, Уилл!

— Осторожнее, любовь моя, смотри на дорогу!

Я едва успела вывернуть руль, иначе дело кончилось бы аварией, ибо я слишком долго сидела, окаменев от изумления (да и было с чего!) и разглядывая лицо мужа под седым париком. Прежде всего я заметила покрасневшие, распухшие веки и красный нос. Уилл высморкался.

— Прости, что подвергаю тебя опасности подхватить какую-нибудь заразу, но я чертовски сильно простужен. Вот невезуха! Полгода не целовал жену, а теперь не смею к ней прикоснуться! Ну, да не беда, я быстро выздоровею, а как только ты забереешь деньги, мы вместе махнем в Лас-Вегас. Я уже заказал номер в отеле, но мы остановимся там всего на несколько дней, пока я обделаю одно небольшое дельце, а потом на частном самолете переберемся в Мехико-Сити. Там и будем жить. Климат чудесный, и нас ждет восхитительная жизнь, любовь моя.

Я уже опомнилась от первого потрясения и более-менее нормально справлялась с «фольксвагеном», однако слова мужа поразили меня в самое сердце. Медленно вести машину я еще могла, но голова работать отказывалась.

— Ты даже не сказала, что рада видеть меня живым, — продолжал Уилл, — а ведь я — твой муж, дорогая... и теперь я вернулся. Больше мы с тобой не расстанемся.

Я все еще не могла издать ни звука.

— Да, я понимаю, как ты удивлена...

— О нет, это не удивление... Скажи лучше: потрясена! Я вообще не понимаю, как мне удалось взять себя в руки!

— Знаю, но все вышло не так, как я предполагал. И это ты виновата, Хелен! Почему ты не выполнила мои указания в точности? Будь деньги сейчас у тебя, мы могли бы отправиться напрямиком в Мехико-Сити, но ты все испортила, оставив коробку у Хепбернов. Мне бы следовало предвидеть, как ты себя поведешь. Они знают, что внутри?

— Нет, — солгала я, — я просто попросила их поддержать коробку у себя.

— Хелен, но как ты им все объяснишь? Старики ведь читали газеты, слушали радио, так ведь? Они говорили с тобой обо мне?

— Я сказала, что пока не могу ничего объяснить... у меня есть на то причины... — Я никогда не умела лгать и чувствовала, что не смогу придумать сейчас ничего правдоподобного.

— Но тебе, конечно, удалось убедить их, что ты меня вовсе не прикончила? — весело осведомился Уилл.

— Этого не понадобилось. Хепберны ни на секунду не поверили, что я убийца, и мне ничего не надо было им объяснять.

— Отлично. Ну что ж, нам остается только вернуться туда, и ты попросишь вернуть картонку.

Я растерянно поглядела на большие часы над конторой страховой фирмы. Одна-ко вывеска навела меня на мысль.

— Мистер Хепберн отнес коробку в банк, а сейчас там уже закрыто. Так что, я не могу взять деньги раньше завтрашнего утра.

— Хелен, попытайся повернуть это дело побыстрее. Операция потребовала от меня массы хлопот, и я не успокоюсь, пока не получу денег обратно. Зато я нашел дом своей мечты в пригороде Мехико-Сити — с парком, садами, бассейном. Настоящее чудо! Через год мы сможем купить его на свое имя и зажить счастливо, в полной безопасности.

— Вероятно, ты купил его на деньги, украденные во время предыдущих ограблений?

— А тебе и в голову не приходило, что я так хитер, правда?

— Я настолько ошарашена, что вообще ни о чем думать не могу. Только одно могу тебе сказать, Уилл, — ты для меня больше не существуешь. Ты стал чужим человеком, и я не желаю тебя знать!

— Но, Хелен... ты же любишь меня! Не могла же ты измениться до такой степени? Ты меня любишь, а я тебя обожаю. Как только мы снова заживем вместе, ты забудешь всю эту историю, и мы будем счастливы, еще счастливее, чем прежде!

— Ты действительно так думаешь?

— Да, я в это верю.

— Скажи мне, Уилл, кто похоронен в могиле за лачугой Фреда и его матери?

— Я не хотел, чтобы ты видела эту могилу, любовь моя, как не хотел впутывать в дела Фреда и его мамы. Однако, когда парень явился без ключа, я вообразил, что он ведет двойную игру. Сама понимаешь, милая, этим наркоманам нельзя верить ни на грош. Я устроил малому хорошую трепку, чтобы научить послушанию, но тут вмешалась его мать и поехала за тобой, чтобы обелить своего сына. Бедная идиотка думала, что, если могилу обнаружат, я дам им кучу денег, лишь бы заткнуть рот. Тогда-то я и услышал от тебя, что ты не можешь принести деньги, потому что оставила их на хранение. Догадаться, что они могут быть только у Хепбернов, не составляло труда.

— Значит, ты был в лачуге, когда меня туда привезли, и слушал?

— Я не мог поступить иначе, если хотел узнать правду.

— И ты по-прежнему стоял за дверью, когда Фред ударил меня по лицу и начал жечь сигаретой?

Уилл промолчал.

— Очевидно, ты же стукнул по голове Рональда?

— Ты имеешь в виду того типа, который помешал Фреду выполнить мое поручение и стащил пакет на мостике возле твоего коттеджа?

— Да.

— И чего ради он полез не в свое дело?

— Кто похоронен в той могиле? — снова спросила я, уклоняясь от прямого ответа.

— Гарри Фицхьюг. Твой приятель об этом сказал? Я думал, это он откопал жмурика.

— Ты убил Фица?.. — пробормотала я в полном недоумении.

— Послушай, Хелен, ты была права, когда советовала мне прекратить с ним встречаться. Фиц оказался бесчестным человеком. Пользуясь моей доверчивостью, он рассказал мне обо всем, что происходит в его компании, и я решил стянуть жалованье тамошних служащих. Как подумаю, что доверял такому мерзавцу! Представляешь, на самом деле Фиц сговорился с директором, они вдвоем подстроили мне ловушку, и я, бедный дурачок, в нее угодил! Сейчас я тебе все объясню. Кассира, обычно перевозившего деньги, в тот раз сменил вооруженный охранник. Поняв, что я собираюсь его ограбить, этот тип наставил на меня револьвер. Я был взбужден, как всегда во время подобных экспедиций, и к тому же знал, что охранник сможет меня потом опознать. Пришлось выстрелить самому, в порядке, так сказать, законной самообороны. Охранник скончался на месте.

Со временем я понял, как Фиц все это подстроил. Директоры компаний наверняка обсуждали между собой недавние ограбления и раздумывали, как защитить кассиров во время перевозки жалованья. Не стану скрывать, Хелен, это я организовал все крупные налеты, из-за которых в последние полтора года пролилось столько чернил. Фиц об этом подозревал и вместе с начальством поставил капкан, а чтобы сцапать меня наверняка, они, к тому же, переписали номера всех банкнот!

После того, как Фиц меня подставил, я поклялся его прикончить. Он ответил, что я от этого ничего не выиграю: он, мол, день за днем записывал на магнитофон все наши разговоры насчет ограбления. Но я не стал тратить время на поиски пленки — все равно она не может быть использована в суде как доказательство. А Фиц, видите ли, травил меня из-за своего младшего брата, которого я использовал в предыдущей операции. Он налетел на меня с такими яростными упреками, что я просто взбесился! Короче, я стукнул парня по голове черенком лопаты и лупил, пока башка не разлетелась вдребезги. Утром я приказал Фреду помочь мне закопать труп. Мне надо было для пущей надежности сделать его соучастником.

— Значит, Фиц так и не успел поговорить с директором своей компании?

— Я чуть не рехнулся от страха, но, должно быть, парень прикусил язык, иначе я бы сейчас не сидел рядом с тобой...

— Никто не мог подать на тебя жалобу, Уилл. Не забудь, что после твоего исчезновения полиция разыскивала меня, подозревая, что я тебя убила. Ты был в безопасности, поскольку власти считали тебя мертвым. — Я нервно рассмеялась. — И для меня ты мертвым останешься!

— Успокойся, Хелен, и, главное, не привлекай к нам внимания. Ты потрясена, и я тебя понимаю. Во время всех этих испытаний ты вела себя как женщина с головой, только совершила глупость, доверив деньги Хепбернам, а не оставив их у себя. Ладно, хватит об этом, мы сейчас на верном пути — на пути к восстановлению семейного очага, моя дорогая.

На перекрестке полицейский-регулирущик сделал мне знак проезжать. Как бы привлечь его внимание? Дальше, на авеню — одностороннее движение, если я поверну в противоположную сторону, он засвистит и...

— Поворачивай направо! — приказал Уилл, видимо, угадав, что у меня на уме. И я почувствовала у бедра холодное дуло револьвера. — Будь умницей или — горе тебе!

— Почему ты на мне женился, Уилл?

— Потому что ты самая красивая женщина в мире, и я тебя люблю. Поверь, любовь моя, клянусь, я вовсе не хотел, чтобы ты узнала о моих тайных делишках.

— Почему ты не взял эти деньги с собой, а заставил меня их хранить?

— Дела оборачивались слишком скверно, мне надо было срочно удирать, и я не мог рисковать, чтобы меня арестовали с краденными деньгами в кармане. Тогда я впервые провернул крупную операцию в одиночку. Обычно я использую на подхвате юнца...

— ...и он рисковал вместо тебя, не в силах отказаться от героина, к которому ты же его и пристраслил!

— Да, и это всегда проходило, как по маслу. До последнего времени у меня ни разу не было с ними неприятностей. Я собирался прихватить с собой Фреда, но потом решил, что справлюсь один. А вообще, я заранее знал, что дело кончится паршиво — этот Фред приносит несчастье. Так и вышло! Я убил охранника и Фица просто так, потому что номера банкнот были переписаны! Тогда я пошел к одному типу: он не раз менял мне подозрительные бабки на чистенькие — за хороший процент, само собой, но игра стоила свеч. Опять — прокол! Скупщик накануне помер от сердечного приступа. Пришлось искать другого, да не слишком жадного. Да, могу смело сказать, что после этой проклятушей истории мне пришлось здорово попотеть!

— Налет и два убийства... Я вижу, такие «мелочи» тебя мало волнуют. Во всяком случае, я что-то не заметила. И у тебя хватило хладнокровия придумать план защиты. Ты разработал превосходную мизансцену, чтобы полиция заподозрила меня в твоём убийстве. Нарочно не взял с собой ни булавы, а меня заставил снять со счета деньги и забрать из дому все вещи. Представляю, как ты радовался, когда мои фотографии появились в газетах, и полицейские начали разыскивать меня по подобию в убийстве!

Как можно незаметнее я посмотрела в зеркальце, надеясь увидеть белый «понт-ак». Но заметила лишь другой «фольксваген». Он промчался мимо, притормозил и снова пристроился сзади.

— И это ты попытался сегодня ночью залезть в дом Хепбернов? Ты убил их собаку, правда?

— Проклятая тварь всех перебудила да еще цапнула меня за ногу!

«Фольксваген» опять проехал мимо, но теперь к моему заднему бамперу приклеился синий «форд». А над нами закружил вертолет. Неужели за мной так пристально следят?

— Сверни направо! — приказал Уилл.

«Форд» теперь ехал рядом, а когда я объехала небольшое скопление домов, сзади опять появился «фольксваген».

— Чертов вертолет не отстает, — с тревогой пробормотал Уилл.

— Как он отличил бы мою машину от других?

— Достаточно, например, сделать полосу на крыше. У наших врагов множество хитростей, о которых ты, Хелен, даже не подозреваешь. Нам надо любой ценой от них оторваться и спрятаться в твоём коттедже, дорогая. А завтра, взяв деньги, удем за границу.

— Тебя считают покойником, и никто не станет искать. Более того, из-за твоих темных делишек у меня теперь такая скверная репутация, что я никак не могу спрятать тебя в своём коттедже.

— Ты запросто можешь пустить к себе старую тетушку, никто не станет поднимать шум по такому ничтожному поводу.

— Нет, Уилл, муж хозяйки — полицейский. Рядом, буквально в двух шагах, в главном корпусе живет отставной инспектор, старый друг Мэйсонов.

— Да еще молодая особа, которая и шагу не ступает без револьвера... Что ж, нам придется вести себя очень, очень осторожно.

— Ты жестоко ошибаешься, если думаешь, что тебе удастся войти ко мне без ведома Мэрилин!

— Да, конечно, о Мэрилин забывать не стоит! — Уилл немного подумал, взвешивая все «за» и «против», потом решительно тряхнул головой. — Нет, там меня искать никто не станет! Но мы должны позаботиться о том, чтобы ни у кого не возникло никаких подозрений. Кто за тобой следил, когда мать Фреда привезла тебя в старую халупу?

— Его зовут Бойд.

— Ты сказала Фреду, что у этого человека ключ от камеры хранения. Зачем?

— Фред пытал меня, надо же было сказать хоть что-то!

— Но почему этот Бойд за тобой следил? — Уилл схватил меня за руку и встряхнул. — Почему?

Впервые со дня нашего знакомства я боялась Уилла. Я с ужасом вспоминала последнюю ночь, проведенную в его объятиях, после того, как он совершил два убийства и с утра пораньше собирался ехать закапывать другую жертву. Когда Фред пытал меня, Уилл спокойно слушал мои крики и даже не подумал вмешаться. Рональд Бойд преследовал Уилла за то, что тот убил двух его братьев — Бена, сделав рабом наркотиков, а Гарри — за то, что он слишком много знал. Теперь Рональд вышел на след и не отступит до конца. Теперь я понимала, почему он отговаривал меня возвращать деньги — как только они оказались бы в руках полиции, Уилл сбежал бы за границу.

— Вертолета больше не видать, поехали скорее в коттедж. И... осторожно! Не вздумай никому подавать знаки! Ясно?

Я кивнула. Мне было страшно оказаться с ним наедине, но иного выбора не было. Револьвер по-прежнему упирался мне в бедро. Я свернула направо и остановила машину на стоянке. Закрывая дверцу «фольксвагена», я заметила далеко позади синий «форд».

В женской одежде вор и убийца Уилл Гейтс выглядел настоящим посмешищем. Увидев на моем лице ухмылку, он пришел в ярость, и глаза налились кровью. Должно быть, я смотрела на него точно так же, как Фиц в ту минуту, когда над его головой взвился черенок лопаты.

Глава 9

Как всегда, дверь с табличкой «Управляющая» была гостеприимно распахнута. Я услышала звонкий голос Джил, разговаривавшей по телефону. Малыш плакал. Будь Джек Мэйсон дома, я бы рискнула позвать его на помощь, но его машины на обычном месте не заметила.

Я открыла дверь розового коттеджа, и Уилл ворвался туда пулей. Опустив двойные шторы, он сорвал парик, и я увидела выкрашенные в светло-каштановый цвет волосы. Не в силах сдвинуться с места, я так и замерла, а Уилл снова схватил меня за руку.

— Иди в спальню и оставь меня в покое! Я запиру тебя на ключ и посплю. Мне давно пора отдохнуть. Ну, живо, Хелен!

И тут из оцепенения меня вывел знакомый голос:

— Ни с места!

Дверь распахнулась от резкого удара, и в гостиную влетел Рональд, а за ним — Мэрилин Уилсон и Кит Патнэм, которого я не видела с тех пор, как вечером после пикника он арестовал Бойда.

Уилл отреагировал на их появление с молниеносной быстротой. Левой рукой он обхватил меня за талию и спрятался за моей спиной, а правой прижал дуло револьвера к моей груди.

— Никто не двигается, или я ее пристрелю!

На несколько секунд все окаменели. Внезапно тишину разорвал грохот выстрела. Револьвер Уилла упал на пол, и кровь хлынула из пробитого запястья. Уилл рухнул на диван и, постанывая, уставился на рану. Кит подобрал револьвер, а Рональд усадил меня на стул. На лице Уилла было явственно написано, что он смирился с поражением. Здоровой рукой он сжимал правое запястье, пытаясь остановить кровь, стекавшую на ковер.

— Отличный выстрел, Мэрилин! — похвалил Патнэм.

— Вы хороший учитель, Кит, — ответила девушка, пряча револьвер в сумочку. — Все в порядке, Хелен?

— Да, спасибо... вы меня спасли.

— Такая у меня работа. Я служу в отделе по борьбе с наркотиками. Кит — из другого подразделения, но в этом расследовании мы действовали сообща. Я обо всем рассказала Джеку Мэйсону, когда он потребовал показать разрешение на оружие. Простите, миссис Гейтс, что мне пришлось использовать вас как приманку, но, к счастью, мы все-таки подоспели вовремя.

— А как вы узнали, кто мы с Уиллом такие?

— Сопоставив все собранные нами сведения, мы с Китом без труда восстановили всю картину, поняли, что произошло, и как будут развиваться события. Мы решили, что, завладев деньгами, Гейтс увезет вас из страны... если только он не собирался вас убить. Поэтому-то мы не спускали с вас глаз. На крышу вашей машины нанесли тонкую фосфоресцирующую полосу, и вертолет с легкостью проследил, куда вы едете вместе с Гейтсом. Кроме того, «фольксваген» и «форд», оборудованные радиопередатчиками, сообщали обо всех ваших перемещениях. Мы также слышали все, о чем вы с мужем разговаривали, переступив порог этого коттеджа.

— Но... каким образом?

— Вечером, миссис Гейтс, когда Мэрилин пригласила вас на ужин в рестораник хиппи, я установил у вас в гостиной микрофон, — пояснил Кит.

— Но почему?! — ошарашенно спросила я.

— Простите, Хелен, но что поделаешь, люди нашей профессии ужасно недоверчивы и подозрительны, — проговорила Мэрилин. — Сначала я воображала, будто вы с Рональдом убили вашего супруга. Я думала также, что вы сменили Гейтса в торговле наркотиками, поскольку знала наверняка, что хиппи с прежней регулярностью снабжаются героином и марихуаной. Кит, работая в уголовном отделе, занимался ограблениями, которые в последние полтора года изводили полицию, и, в итоге, ниточка привела к Гейтсу. Потому-то мы и стали заканчивать расследование вместе. Однако я упорно считала, что вы с Рональдом — сообщники в убийстве вашего мужа.

— Я знакома с Рональдом всего несколько дней и...

— Я забыла вам сказать, что видела, как вы целовались, — лукаво улыбнулась Мэрилин. — Могу добавить, что будь Рональд с нами пооткровеннее, мы бы уже несколько дней назад закончили дело. Но он опасался, что мы начнем торопить события, и Гейтс сбежит. Тогда я и договорилась с Мэйсонами, чтобы они устроили пикник на открытом воздухе, и Кит мог с вами познакомиться. С первого же взгляда

он решил, что вы ни в чем не виновны, и только увел Рональда поговорить по душам. Рональд выложил все начистоту, и мы начали действовать.

Уилл по-прежнему сидел на диване, зажимая рану.

— Ну, а вам, не считая шашней с моей женой, зачем понадобилось лезть в эту историю? — спросил он Рональда.

— Меня зовут Рональд Бойд Фицхьюг. Думаю, это имя вам кое о чем говорит. Вы пристрастили моего младшего брата Бена к сигаретам с марихуаной, а затем познкомили и с героином. Благодаря наркотической зависимости вы сделали парня преступником, а чтобы он не смог вас выдать — повесили, симитировав самоубийство. Отец умер от горя. Я в это время был в командировке в Европе. Поэтому вашим разоблачением занялся мой брат Гарри, а по возвращении я занял его место. Гарри посылал мне четыре-пять писем в неделю, подробно описывая все ваши действия до самого налета. И, как только письма перестали приходить, я понял, что вы разделились с Гарри. А потом... я нашел его тело. У меня к вам немалый счет, Гейтс. Как-никак вы уничтожили всю мою семью.

— И, чтобы добраться до меня, вы морочили голову моей жене, прикидываясь влюбленным?

Рональд воздержался от ответа. Он лишь окинул Уилла долгим, исполненным бесконечного презрения взглядом и повернулся к Мэрилин.

— Как вы узнали, кто я?

— Откапывая тело своего брата Гарри, вы пользовались лопатой, Рональд, и мы обнаружили на черенке ваши отпечатки пальцев, а они есть в картотеке министерства обороны. Вы ведь воевали?

— Так я и думал.

Меня мучило раскаяние.

— Значит, вы с первого дня знали, что во всех преступлениях, которые я приписывала Гарри Фицхьюгу, повинен Уилл?

— Да. Именно поэтому я и предупреждал, что когда-нибудь вы меня возненавидите. Мне стоило немалых трудов уговорить Кита и Мэрилин позволить действовать мне, пока вы не решитесь забрать деньги из тайника. Я понимал, что Гейтс тут же объявится и угодит в нашу ловушку.

— И оказались совершенно правы, — входя в гостиную, заметил Джек Мэйсон. — Гейтса давно было пора посадить под замок и, таким образом, положить конец его грязным делишкам. — Полицейский подошел к Уиллу. — Я арестую вас, Гейтс.

— На каком основании? Ни одной улики, полученной законным путем, у вас нет. Если я убийца, попробуйте это доказать! Был, правда, налет, не спорю, но у кого деньги? У моей жены! Да, хиппи курят марихуану, а я тут при чем? Попробуйте только обвинить меня в торговле наркотиками — и это тоже придется доказывать. Вы бессильны против меня!

— Электромобиль, на котором вы ездили сегодня утром, прежде чем перебраться в «фольксваген» миссис Гейтс, уже найден. Там обнаружены такие же отпечатки пальцев, что и в хижине миссис Кук. Мы возьмем на анализ вашу кровь, Гейтс, и я уверен, что она той же группы, что и пятна, оставшиеся у дома мистера Хелберна. Помните, вас там прошлой ночью покусала собака? Поэтому я арестую вас по обвинению в торговле наркотиками, вооруженном налете...

— ...и убийстве, — добавил Кит. — Готов спорить, что именно из вашего револьвера вылетела пуля, убившего охранника, перевозившего злополучные деньги.

Уилл, впервые до конца осознав, что погиб, опустил голову. Но я уверена, что самым страшным для него был не арест и даже не перспектива закончить жизнь на электрическом стуле, а то, насколько он жалок и смешон в женском платье.

— Погодите, — попросила я. — Позвольте мне перевязать его рану.

Я подумала, что Кит или Рональд станут возражать, но ни тот, ни другой не сказали ни слова. Джек лишь вскинул револьвер на случай, если Уилл вздумает предпринять попытку к бегству. Когда я бинтовала простреленное запястье, сломанные кости никак не желали сходиться, и Уилл кричал, как девчонка.

— Надо вызвать врача, — проговорила я. — Он очень страдает.

— Врач осмотрит Гейтса сразу после того, как ему предъявят обвинение, — успокоил меня Джек Мэйсон. — Ну, Гейтс, пошли...

— Еще минутку, — вновь остановила я его. — Спросите, где Фред Кук и его мать. Пусть признается, живы они или нет.

— Да, — согласилась Мэрилин. — Мы вызовем обоих свидетелей.

— Где вы их... — начал Мэйсон.

— Ищите! Это ваша работа, а не моя!

Уилл встал, покачиваясь, и я подумала, что он сейчас упадет в обморок. Но Уилл вдруг наклонился, схватил сумочку Мэрилин и, выхватив оттуда револьвер, прижал к виску.

Джек Мэйсон не успел сделать и шагу, как прогремел выстрел. Уилл рухнул на стол и тут же скатился на пол.

Глава 10

— Рана не так серьезна, как мне показалось сначала, — пробурчал молодой врач, осмотрев голову Уилла. Двое санитаров уложили раненого на носилки. — Хотя, насколько я понимаю, лучше бы ей оказаться смертельной, — тихо закончил медик.

Уилла унесли в машину «Скорой помощи», а нас Джек Мэйсон попросил пока не расходиться.

— Побудьте тут еще немного. Я позвоню шефу и выясню, как быть с вашими показаниями.

Рональд, Кит, Мэрилин и я сидели молча. Я смотрела на Рональда. Он выглядел страшно измотанным, но, по крайней мере, сумел с честью выполнить задуманное. Наконец, вернулся Джек.

— Через полчаса поедем в участок, а когда со всеми формальностями будет покончено, я отвезу вас домой, миссис Гейтс. Джил хочет, чтобы вы провели эту ночь у нас. Я с ней согласен.

— Поблагодарите от меня Джил, но я пока ничего не могу решить. А что вы собираетесь предпринять насчет Фреда и его матери?

— Один я не имею права что-либо решать. Вы можете мне их описать?

Я, как могла, описала молодого человека и миссис Кук. Джек тщательно записывал все в блокнот.

— А вы не догадываетесь, где бы ваш муж мог их спрятать?

— Нет... хотя... подождите! У обоих слишком дурная репутация, чтобы остановиться в приличном отеле. А Уилл сказал мне, что последние три дня провел в ночлежке. Он назвал это «дворцом для бродяг».

— Ясно. Я знаю одну жалкую гостиницу-полупритон с издевательской вывеской «Дворец». Надо съездить туда, а уж потом — в участок.

Трое мужчин сели в патрульную машину Мэйсона, а меня прихватила с собой Мэрилин. «Дворец» стоял на узкой улочке, окаймленной грязными, обшарпанными домами. У двери стояла патрульная машина. Джек пошел разговаривать с коллега-

ми, затем знаками подозвал Кита и Рональда. Я осталась с Мэрилин. Мужчины исчезли за дверью мерзкой гостиницы. Мэрилин, не отрываясь, смотрела им вслед. Так прошло довольно много времени.

Резкий вой полицейской «Скорой помощи» раздался так неожиданно, что я вздрогнула. Машина остановилась за «Фордом» Мэрилин. Оттуда выскочил мужчина, о чем-то поговорил с полицейским у входа и подошел к нам.

— Кто из вас миссис Гейтс?

— Я.

— Прошу вас, пойдите со мной. — Полицейский выразительно посмотрел на Мэрилин. — А вам я советую проводить миссис Гейтс.

Мы поднялись по шаткой и грязной лестнице. На последней площадке у открытой двери Кит и Рональд разговаривали с полицейским в форме.

— Вы напрасно привели сюда миссис Гейтс! — воскликнул Рональд, увидев меня. — Я ведь уже опознал его...

— А я уверен, что эта женщина столь же мужественна, как и красива, — возразил полицейский и посмотрел на меня с ободряющей улыбкой.

На наши голоса из комнаты вышел Джек Мэйсон.

— Пойдите, миссис Гейтс. Скажите нам только, узнаете ли вы этого молодого человека?

Он проводил меня в комнату. Я подошла к постели, посмотрела на вытянувшееся на ней тело, остекленевшие глаза и приоткрытый рот, над которым с жужжанием летала большая синяя муха, и отвернулась.

— Это и в самом деле Фред Кук.

Джек позвал мужчину, который привел нас с Мэрилин сюда, и я поняла, что это — судебно-медицинский эксперт.

— Можете везти тело в морг, — распорядился он и вновь повернулся ко мне. — А вами займется Мэрилин.

— Это Уилл убил Фреда?

— Нет. По словам врача, парень умер около часа назад от передозировки героина.

— А его мать?

Джек открыл дверь в соседнюю комнату. На кровати валялась пьяная, вульгарно размалеванная миссис Кук. Она успела выкрасить волосы в иссиня-черный цвет.

— Это она? — спросил Джек.

— Да, это мать Фреда.

Миссис Кук, приподнявшись на локте, уставилась на нас мутными глазами.

— Легавые, — едва ворочая языком, пробормотала она. — Но я ж ничего такого не сделала! Чего вы хотите? — Она вдруг заметила меня. — Миссис Гейтс?.. Я думала, вы умерли... Ох, как мне надо подкрепиться!..

Миссис Кук потянулась к стоявшей на тумбочке бутылке, но та была пуста. Женщина схватила было другую, но Джек вырвал ее из рук.

— Грязный фараон! — заголосила пьянчуга. — Бандит! Вор! Вы не имеете права отнимать у меня виски! Уилл подарил мне эту бутылочку... подарил! Будь он тут, сам сказал бы, что я не вру!

— Мы у него спросим, — пообещал Джек. — А пока — пошли!

Он помог миссис Кук встать, но та продолжала возмущаться.

— Не хочу я с вами идти, я жду Уилла. Они с Фредом скоро принесут денежки. Он обещал, что мы получим свою долю!

— Пошли, говорю! Мы их догоним.

— Нет, нет и нет! — вопила миссис Кук. — Я буду ждать тут!

Что-то коснулось моих волос. Я повернула голову. И снова прикосновение — легкое, как крылья бабочки, вывело меня из дремотного оцепенения.

— Джонни, я ведь просила тебя ее не будить!

Узнав голос Джил, я открыла глаза. Джонни, вскарабкавшись на кровать, смотрел на меня чудесными синими глазками, и крохотная ручонка гладила мою щеку.

— Ку-ку, Джонни! — сказала я.

Прелестная улыбка озарила тонкое личико. Малыш принялся что-то с жаром объяснять, но я не поняла ни слова. К нам подошла Джил.

— Я хотела, чтобы он дал вам выспаться, — мягко заметила она. — Но, я вижу, он вас все-таки разбудил. Мальчишку следовало бы хорошенько отшлепать!

— О нет, Джонни — славный мальчуган... Который час? Но... я у вас?

— Да. И я отвечу на оба вопроса сразу. Сейчас около полудня — это раз. Когда вчера поздно вечером Джек и Рональд привезли вас домой, вы так устали, что не могли раздеться. Я и настояла, чтобы вы переночевали у нас. Это два. Джек просил меня позвонить ему, как только вы почувствуете себя лучше. Мэрилин заедет за вами и повезет в участок давать показания. Не волнуйтесь, Хелен, это не займет много времени.

Через час и вправду приехала Мэрилин в строгом темно-синем костюме, без макияжа. Когда мы вошли в участок, среди множества полицейских я сразу заметила Джека и Рональда. Оба дружески замахали руками. Потом Мэрилин проводила меня в кабинет, где сидели какой-то инспектор и капитан, начальник участка. Покончив с формальностями, он предупредил меня:

— Миссис Гейтс, мы не можем заставить вас давать показания против мужа, но все же хотели бы услышать ваш рассказ.

Я так смутилась, что не знала, с чего начать, и инспектор стал задавать наводящие вопросы. Я старалась отвечать как можно более подробно.

— Он сам выстрелил в себя, — закончила я свое повествование.

— Миссис Гейтс, у нас к вам еще одна, последняя просьба: съездить с нами к мистеру Хепберну и забрать деньги.

— Естественно. Могу я, в свою очередь, спросить, как себя чувствует мой муж?

— Ранение головы — не очень серьезное, а что до запястья, то оно навсегда потеряет подвижность, даже если...

— Даже если Уиллу не вынесут смертный приговор? Вы это имели в виду?

— Да, миссис Гейтс. Думаю, вашему мужу не избежать высшей меры наказания. Он хладнокровно совершил четыре убийства, а не вмешайся Джек Мэйсон, наверняка погибла бы и пятая жертва.

— Не понимаю...

— Бен и Гарри Фицхьюг, охранник и Фред. А миссис Кук лишь чудом избежала смерти. В бутылке виски, которую у нее забрал Мэйсон, обнаружен яд. Мы допросили эту особу, как только она как следует протрезвела. Узнав, что Гейтс подмешал в виски отравы, миссис Кук рассказала все, что знала о его махинациях, в надежде получить хорошее вознаграждение от страховой компании за возврат денег.

— А как она пережила известие о гибели Фреда?

— Потребовала то, что, как считала, ей полагается: деньги. А теперь, миссис Гейтс, если у вас хватит на это сил, давайте съездим к мистеру Хепберну.

— Конечно, комиссар.

Начальник участка снял телефонную трубку и потребовал машину, а я вышла в коридор. Там меня ждал Рональд.

— Хелен, теперь вы понимаете, почему я воспользовался вашей помощью, чтобы добраться до Уилла Гейтса? Я делал это не только в память о Бене, Гарри и отце, но и ради вас самой. В одном из писем Гарри прислал мне вашу фотографию. Брат

писал, что вы — самая очаровательная женщина, какую он когда-либо видел, и что вас необходимо вырвать из лап Гейтса. А теперь я исчезну, Хелен, но никогда не смогу забыть вас... Быть может, когда-нибудь...

И, не добавив больше ни слова, Рональд ушел. Я грустно смотрела ему вслед. В голове царила страшная пустота.

Час спустя вместе с инспектором и еще двумя полицейскими в штатском я приехала к Хепбернам. Как только мистер Хепберн вручил им шляпную коробку, стражи порядка удалились. Миссис Хепберн уговаривала меня остаться, и я согласилась.

Несколько раз меня вызывали к следователю, и я отвечала на бесконечные вопросы о прежних налетах и краденых деньгах, положенных Уиллом в разные банки Мехико-Сити. За все это время я ни разу не видела мужа, но знала, что он все еще в больнице и отправится на первый допрос лишь после того, как выздоровеет. Помимо ран, у него оказалось двухстороннее воспаление легких.

Как-то утром миссис Хепберн позвонила из больницы. Уилл умирал. Друзья уговаривали меня не видеться с ним, но я все-таки поехала.

Когда миссис Хепберн подвезла меня к массивным воротам больницы, там уже толпились журналисты. Я отказалась делать какие бы то ни было заявления и пошла в приемный покой. Врач проводил меня до палаты Уилла.

— Он в агонии? — спросила я.

— Да. У вашего мужа — крепкий организм, и при желании он мог бы выжить... но пока он отказывается сделать необходимое усилие, мы ничего не в силах предпринять.

У открытой двери палаты стоял полицейский в форме. Медсестра, склоняясь над постелью, щупала пульс умирающего. При виде меня она выпрямилась, сделала отметку на температурном листе и выскользнула из палаты.

— Он — в сознании, но очень слаб, — сказал врач, придвигая стул к изголовью постели. — Садитесь, миссис Гейтс.

Уилл открыл глаза.

— Здравствуй, дорогая, — прошептал он. — Ты очень добра. Я знал, что ты придешь, несмотря на все зло, которое я...

— О, Уилл! — со слезами на глазах воскликнула я.

— Не плачь, Хелен. Это я виноват во всех наших несчастьях. Устроив последний налет, я зарвался, и мое оружие повернулось против меня. Да, я вознесся слишком высоко, потому что нашел тебя, полюбил и хотел обеспечить тебе королевскую жизнь, баловать и лелеять.

Уилл рассмеялся, и, глядя на кислородную подушку над кроватью, мне было больно слышать его смех.

— Забавно смотреть, как они из кожи вон лезут, пытаясь спасти мою жизнь... Зачем? Чтобы снова отнять ее, когда мне вынесут смертный приговор!

— О, Уилл!..

— Мне очень плохо... конец близок... Пожалуйста, побудь это время со мной, ладно? Я хочу уйти, глядя на твое лицо...

Он протянул руку, и я ее тихонько сжала. Уилл с глубоким отчаянием вглядывался мне в глаза, потом смежил веки. Я хотела ухватить руку, но он только крепче стиснул мои пальцы. Так я и сидела рядом, пока его рука не разжалась и не упала бесильно на одеяло. Врач вызвал медсестру и тронул меня за плечо.

— Пойдемте, миссис Гейтс, — мягко сказал он.

И я ушла из больницы, оставив Уилла в одиночестве.

Друзья увезли меня в Нью-Йорк. Целыми днями мы ходили по музеям, а вечером шли в театр или в кино. Мистер Хепберн спасал меня от своры журналистов и фото-

графов. Иногда, встретив меня на улице, люди оглядывались, словно я была кинозвездой, но я больше не обращала на это внимания — теперь меня уже не разыскивала полиция. Я тщетно пыталась забыть трагедию, оставившую в душе тяжелый отпечаток. В голове просто не укладывалось, как Уилл смог до такой степени подавить мою волю. Я любила его совсем недолго, но никакой ненависти к нему не испытывала. Просто мне было грустно...

Время от времени я получала письма от Джил Мэйсон. Меня глубоко трогали страстные призывы ее малыша поскорее вернуться. И мать, и сын надеялись, что я скоро приеду к ним. Мэрилин тоже мне писала, и я очень обрадовалась, узнав, что следующей зимой они с Китом хотят пожениться.

Хепберны хотели, чтобы я жила у них, пока снова не выйду замуж.

— Хелен, тебе надо встряхнуться, — часто говорил мистер Хепберн. — Ты худеешь на глазах, а... мужчины не любят скелетов. Сколько ты потеряла?

— Восемь фунтов.

Он что-то проворчал и вышел из комнаты. В тот же вечер я услышала, что мои друзья о чем-то весьма оживленно спорят, и поняла, что речь идет обо мне. Стало ясно, что мне пора становиться на ноги и снова начинать самостоятельную жизнь. Наутро я поделилась своими планами с Хепбернами. К моему огромному изумлению, оба стали возражать. В конце концов, миссис Хепберн взяла с меня слово потерпеть еще недельку. Три дня спустя миссис Хепберн предложила мне встретиться в ресторане за двадцать первым столиком, поскольку до восьми часов у каждой из нас были свои дела. Я уже твердо решила начать новую жизнь, а потому надела самое красивое платье — из зеленого бархата.

— Будьте любезны, укажите мне двадцать первый столик, заказанный мистером Хепберном, — попросила я метрдотеля.

Но за столиком сидел только один человек.

— Садитесь, моя дорогая Хелен, — сказал Рональд, протягивая меню. — Хотите сами сделать заказ? Ваши друзья не придут. Мне позвонил мистер Хепберн и сказал, что вы худеете и что мне не следует перегибать палку...

— В каком смысле?

— Слишком надеясь на время, которое излечит ваши раны. Он посоветовал сделать вам предложение как можно скорее. Мне — тридцать лет, зарабатываю примерно двадцать пять тысяч долларов в год на репортажах для политической рубрики одной газеты. Разумеется, я много путешествую, но это интересно. Впрочем, если вам больше по вкусу спокойное существование у домашнего очага, это можно устроить.

Мы долго болтали, а после ужина Рональд в стилизованном под старинный английский кэб экипаже повез меня покататься по Сентрал-парку, как поступают многие другие влюбленные.

— Хелен, я не слишком размечтался?

— А вы не забыли, Рональд, что мои фотографии печатали в газетах, что меня разыскивала полиция?

— Я искал такую женщину гораздо дольше — всю жизнь!

— А, по-моему, я думаю, вы слишком долго ждали, чтобы сказать ей об этом!

Он рассмеялся и обнял меня. И я всем телом отозвалась на его призыв. Бедный Уилл, он снова ошибся, как ошибался всю жизнь. Я была вовсе не айсбергом, как он воображал! □

Перевод с английского Марии Виталь.

Катерина Измайлова

Экспедиция

Сначала Катерина развелась с мужем, а потом ее уволили с работы...

Почему развелась с мужем — это долго и сложно объяснять, а уволили — за то, что слишком много болтала. Впрочем, «слишком много» — это громко сказано, потому что Катя была болтлива не более, а даже менее, чем обычная среднестатистическая женщина. Просто шеф, которого Катя про себя называла «Пусик», хотел добиться железной немецкой дисциплины — и женщины, говорящие больше, чем «здравствуйте» утром и «до свидания» вечером, у него на фирме не удерживались. В результате, так сказать, естественно-го отбора, женщины на работе были молчаливы, как мумии, и даже во время получасовых обеденных перерывов пили чай и жевали свои бутерброды молча, устремив глаза на разукрашенные серенькими цветочками обои.

Почему Катя удержалась на этой работе — она сама не совсем понимала, потому что по своему характеру была живая и общительная и с трудом выносила казарменное положение. Такую «немецкую» дисциплину она про себя называла «русским рабством», но, видимо, ее неконфликтность и доброжелательность к людям и удерживали ее на этом месте.

Так вот, шеф, он же Пусик, не раз делал ей замечания, но после того, как узнал, что она развелась с мужем, стал к ней придираться еще больше, чем обычно. Правда, теперь, прежде чем завести речь о работе, он каждый свой разговор начинал со слов: «Ну, как ваша личная жизнь?» Через некоторое время к первому вопросу стал прибавляться второй: «Неужели вы не нашли себе кого-нибудь? Финансиста, например, или банкира? Ведь вы такая интересная молодая женщина!» Дальше финансистов и банкиров фантазия Пусика не простиралась. Катя догадывалась, что «банкир» и «финансист» — это предел мечтаний самого Пусика, и втайне потешалась над ним, наблюдая за его реакцией на свой — всегда один и тот же — ответ. Она, скромно потупив глаза, говорила, что все хорошие мужчины уже разобраны, а плохие — и так никому не нужны, и Пусик довольно приосанивался, очевидно, причисляя себя к хорошим, уже разобранным мужчинам.

Однажды в пятницу, около одиннадцати часов вечера, когда Катя уже лежала в постели и читала книжку, раздался телефонный звонок. Это был шеф — Пусик! — в весьма веселом состоянии. Надо отдать должное — Пусик называл всех своих работников по имени-отчеству и на «вы», и начал разговор соответствующим образом: «Добрый вечер, Катерина Ивановна, не поздно ли я звоню?..» А дальше — откинув всякие условности и тоном, не терпящим возражений: «Катя, едем ко мне на дачу (далее следовал завлекательный набор слов: евроотделка... сауна... шампанское... летний отдых в Испании...), бери такси, я тебя жду через полчаса...» Затем, не прерываясь ни на секунду, стал объяснять, на какой улице, на каком углу, у какого дома он будет ее ждать. Катя, еле вклинившись в поток его речи, чуть ли не прокричала: «Да я никуда не поеду!»

— Как?! — удивился Пусик. — Да ты что, Катерина! Тебе что, восемьдесят лет? Или ты больна? Или у тебя плохо с головой? Я второй раз никогда никого не приглашаю! Ни одна женщина мне еще не отказывала! Повторяю: я тебя жду!

— Я никуда не поеду, — без особых эмоций повторила Катерина. Ей было тепло и уютно в постели... в своей постели...

— Почему? — поразился Пусик. — Объясни, почему?

— Просто не хочу.

Пусик был мужчина не из последних — высок, хорошо сложен, не стар... Но Катя знала: если он до нее дотронется — ее просто стошнит... И это знание, как бы сказали философы-идеалисты, было априорным, не основанным ни на каком предыдущем опыте, оно самостоятельно существовало в ее голове и было непреложным.

Кроме того, Пусик ошибался еще в одном: Катерина была способна, и даже, может быть, очень хотела бы и подняться с кровати в любое время ночи, и помчаться на зов к любимому — хоть пешком! — но такого мужчины просто не было на свете...

В понедельник Катя, как обычно, пришла на работу, и, как обычно, к середине рабочего дня ее нервы не выдержали звенящей тишины, и она начала «разлагать» коллектив сравнительным анализом цен, сложившихся на данный момент в магазинах и на продуктовых рынках. Женщины немного оживились и даже стали понемногу втягиваться в дискуссию, но в это время вошел шеф — и застал всех за этим непристойным занятием.

— Зайдите ко мне, — коротко бросил он Кате.

Она поняла, что ничего хорошего сейчас не произойдет.

— Я не могу больше терпеть постоянного нарушения дисциплины, — строгим голосом, сдержанно и даже скорбно проговорил Пусик. — С завтрашнего дня вы уволены.

Так Катерина стала безработной. Она имела глупость пожаловаться соседке, что ее уволили в один день, без предупреждения, а та в ответ только махнула рукой: «А наш шеф, когда увольняет, обычно кричит: "Ты уволен сейчас же, чтобы через пять минут тебя здесь не было!"» В общем-то, Катя особенно не расстраивалась: вот уже второй месяц она вдыхала воздух свободы — и не могла им надышаться. Работа была нужна,

но Катерина, после гремучей смеси «немецкой» дисциплины и «русского рабства», не могла заставить себя пойти работать в штат, «от звонка до звонка». Поэтому пока она перебивалась случайными заработками — можно сказать, вела беспорядочный образ жизни. А «случайные» заработки находила по газетам — множество специализированных и неспециализированных газет предлагали работу самую разнообразную. Правда, и по этим объявлениям не очень-то просто можно было пристроиться: толпы безработных бегали по Москве...

Однажды в одной из газет Катерина прочитала объявление: «Требуется экспедитор для перевозки грузов с опытом работы. Оплата по договоренности».

«Была не была, — подумала Катерина: деньги были на исходе. — А «опыт работы» — ну какой там нужен опыт работы? Сел рядом с водителем, взял документы — и поехал».

Мужчина, который беседовал с кандидатами на вакансию экспедитора, подозрительно посмотрел на нее, на узкий вырез ее кофточки и на тонкую, как паутинка, серебряную цепочку...

— Вы знаете, работа на улице, на складах, машины грязные, да и с грузчиками надо ругаться, — предупредил он.

— Я три года проработала экспедитором, — соврала Катерина, не моргнув глазом. — И с грузчиками у меня никогда не было проблем, — добавила она тихо и спокойно.

И — о чудо! Катя не могла в это поверить! Среди множества кандидатов-мужчин выбрали именно ее! И на следующий день Катерина принялась за выполнение заказа.

Сначала надо было найти МАЗ. Это было очень просто — купить газету «Из рук в руки», а потом на букву «г» найти рубрику «грузовые перевозки». Телефонов по предложению «грузовых перевозок» было штук пятьдесят — можно сказать, от грузовых перевозок не было отбоя. Катя стала звонить сверху по списку — ведь ей было все равно, — но у кого-то было занято, где-то отвечал автоответчик, где-то женский голос, ласково-заискивающий, просил перезвонить позже, потому что «хозяин» еще не пришел, но вот, наконец, в трубке прозвучал мрачный мужской баритон. Водитель (это был явно он), будто сквозь зубы, оговорил все условия перевозки и записал адрес, где ему завтра следовало быть.

«На задание» Катерина оделась так, будто шла на прогулку с собакой в самое мерзкое время, какое только бывает для прогулок — когда на улице не горит ни один фонарь, под ногами толстый слой льда, покрытый водой, а сверху льет отвратительная смесь дождя и снега.

Итак, на ней были бесформенные сапоги на «липучках», в которых ходят все рыночные торговцы, «собачья куртка» с капюшоном, о которую невзначай вытирались попеременно то ее собственная собака, то собаки ее друзей-подружек, и вязаная шапочка неопределенного серо-голубого цвета вьетнамского дизайнера. Когда Катя увидела МАЗ в натуральную величину — ей немножко поплохело. Дело не в том, что она никогда не видела многотонных большегрузных машин, а в том, что она просто не

обращала на них никакого внимания. Но на этой машине сейчас предстояло ехать ей.

— Товарищ! Товарищ! — закричала она, подпрыгивая на месте. — А как к вам забраться?!

Водитель изнутри приоткрыл дверку.

— Ты в поезде когда-нибудь ездила? На верхнюю полку залезала? Ну вот и давай! — опять же очень мрачно, как вчера по телефону, проговорил он.

Обращение на «ты» несколько не удивило Катерину — она знала, на что идет. Более того, морально готовила себя к тому, что и она ко всем без исключения будет обращаться на «ты» — иначе будет выглядеть «белой вороной». Надо было только все время держать себя под контролем, чтобы не сбиться на «вы».

— Здравствуйте, — улыбнулась она, добравшись, как могла, до сиденья, и, конечно, дополнительно запачкав уже и так перепачканную куртку. — Меня зовут Катерина. А... вас? (На первый раз можно и на «вы» — это еще сойдет.)

— Владимир, — лаконично ответил тот и отвернулся. — Где будем грузить машину?

На заводском дворе было пусто. МАЗ надо было развернуть и, задним ходом, подогнать к эстакаде.

Катерина стояла поодаль и смотрела, как он медленно приближается к воротам — но машина, не доехав до них, почему-то остановилась. Владимир, легко спрыгнув с высоты, подошел к ней. Теперь она его как следует разглядела и — надо признаться — была приятно поражена. Высокий, крепкий, хорошо сложенный — его не портили даже спортивные штаны с «пузырями» и выдавшая виды куртка. А лицо — лицо было «обезображено интеллектом»: в глазах светился ум, и о нем же свидетельствовал нос с легкой горбинкой. Катя в свое время читала что-то по физиогномике и запомнила, что легкая горбинка на носу — признак интеллекта, а слегка раздвоенный кончик носа говорит о сильном, энергичном человеке, способном найти выход из самых невообразимых ситуаций.

— Катерина, послушай, встань сюда, — он показал ей на бортик эстакады. — Я буду подавать машину, а ты махни мне рукой, когда надо будет остановиться.

Катя широко раскрыла глаза:

— Встать сюда?

— Сюда.

— А ты будешь ехать прямо на меня?

— Прямо на тебя.

— А я разве здесь помещусь — между МАЗом и стенкой? — И она прикинула, какой ширины бортик — сантиметров сорок, не более.

Но тут же, поняв всю абсурдность своего вопроса, стала хохотать. Вот всегда так у нее по жизни — в серьезных ситуациях, когда надо что-то делать или принимать решения, она начинала хохотать. Но он тоже засмеялся — значит, не совсем посчитал ее за идиотку — и сказал:

— Не бойся, если придавлю, то не больно.

В общем, у Катерины все получилось. Сначала она махала рукой к себе, потом — от себя, и МАЗ встал к воротам вплотную.

Вышли грузчики. Вернее, не вышли — а выехали, да еще так, будто у них шло соревнование по фигурному катанию на карах. Один из них вывернул руль прямо перед ее носом.

— Сколько грузить?

— Полный кузов, сколько поместится, — по инструкции «сверху» ответила Катерина.

И грузчик, сидя на каре, как красный командир на боевом коне, развернувшись, махнул рукой, будто призывая всех в атаку:

— Грузи по самую задницу!

Катерина на минуту растерялась, а потом подумала про себя: «О!..»

Еще через полминуты, провожая глазами устремившихся «на дело» грузчиков, она еще раз сказала про себя, только тоном выше: «О!..»

По городу МАЗ ехал тяжело, мощно, непоколебимо. Катерина свысока посматривала на кишасие вокруг них легковушки. Москва из кабины МАЗа выглядела совсем по-другому — Катя даже не сразу узнавала места, где они ехали. Какие-то незнакомые башенки и часы на крышах... Никогда их не видела... Владимир, будто прочитав ее мысли, усмехнулся:

— Когда едешь на легкой машине — многого не замечаешь. А с такой высоты — совсем другой вид.

На складе им дали схему — куда везти груз. На схеме красиво и четко была нарисована половина Москвы, зато место, где должен находиться склад, обозначено смутно и непонятно — там просто стоял крестик. На полях от руки были написаны следующие слова: «В конце улицы такой-то повернуть налево, далее — по грунтовой дороге, через пустыри, под ж/д мост, зеленые железные ворота».

«Такую-то» улицу они нашли просто, но не просто было найти ее «конец». Пока они искали «конец» и тот поворот, который «налево», МАЗу пришлось разворачиваться четыре раза. А вы знаете, что такое разворачиваться МАЗу на московских улицах? Не знаете? Катерина тоже не знала, но теперь полностью ощутила этот процесс на себе.

Они в который раз склонялись над схемой, словно кладоискатели, буравили глазами заветный крестик, снова и снова перечитывали «загадочные» слова — и попадали в очередной тупик или выезжали на уже знакомое место.

— Так, встаем здесь, — сказал Владимир, когда они в очередной раз остановились в гипотетическом «конце» улицы. — Сиди в машине, я пойду искать поворот.

Катерина видела, как он тихо звереет, и поняла, еще немного — и что-то будет. Не гнев «диванного» мужчины, находящегося под гнетом и контролем всех своих домашних. Такого мужчину ей обычно хотелось пожалеть, положив его голову к себе на грудь и вытирая слезы. И не гнев истерика — на таких Катерина обычно смотрела с нескрываемым любопытством, будто перед ней разыгрывался спектакль. Его гнев мог быть

ужасен: она словно видела кипящую в котле воду, готовую вот-вот перелиться через край. И, чтобы как-то уменьшить бушующий огонь, она сказала:

— Я пойду с тобой.

Они вышли из машины и принялись расспрашивать прохожих. Никто ничего не знал — ни пустыря, ни железнодорожного моста. Тогда Владимир стал останавливать проезжающие грузовики. Катерину удивило, как он обращался к водителям: к людям постарше — «отец», а к молодым парням — «брат». С его стороны это было настолько же естественным, насколько искренним и естественным было желание помочь со стороны «водил». Даже те, кто не знал, не сразу отвечали «нет», а пытались что-то посоветовать или подбодрить.

И вот, наконец — зеленые железные ворота. Но прежде, чем в них въехать, они с Владимиром совершили некоторое, на посторонний взгляд, странное действие — вышли из машины, подожгли зажигалкой «гениальную» схему, а пепел ее развеяли по ветру.

По инструкции, данной «сверху», Катерине надо было найти Виталия (без фамилии) и сдать ему груз. Когда ее инструктировали, она, на всякий случай, спросила: «А там он один — Виталий?» (ее волновало отсутствие фамилии). «Один, один», — успокоил ее «командир».

Так вот, на складе она подошла к первому попавшемуся грузчику — лицо его было на редкость унылым — и спросила:

— Скажите, а где здесь Виталий?

— Виталий? — грузчик посмотрел на нее с выражением «ходят тут всякие...» — Виталия сегодня утром уволили. За халатное отношение к работе, — прибавил он для вескости и, отвернувшись, пошел дальше.

Катерина несколько опешила.

— Но как же, ведь только вчера мне сказали... — попыталась она докричаться ему вслед, но это уже было бесполезно...

— Скажите, а где здесь Виталий? — обратилась она к очередной появившейся фигуре, прикинувшись абсолютной беспечностью.

— Да вон он, там стоит. — Грузчик, лицо которого Катерине показалось задумчивым, махнул рукой на что-то записывающую и что-то считающую фигуру в дальнем конце склада.

Она направилась к обозначенной цели и радостно, будто встретила знакомого, проговорила:

— Здравствуйте, Виталий! А мне сказали, что вас уволили — за халатное отношение к работе.

— Кто сказал? — грозно спросил Виталий.

— Да вот... он. — Катерина показала на вновь появившегося «унылого».

— Ты что же это, — возмутился Виталий, — шутики шутишь?

— А без шуток здесь — тоска смертная, — ответил тот, и лицо его обрело еще более унылое выражение.

Машину выгружали лихо и быстро, и вот остались только два здоровых ящика в самом конце кузова. Кар до них дотянуться не мог, а вручную они были неподъемными.

— Ты что, не знала, что у нас нет эстакады! Как мы их будем сгружать! — Мужики в один голос орали на Катерину. — Поворачивай машину, вези их обратно!

Владимир стоял рядом с ней и видел, как она растерялась.

— Пусть накинута трос и каром подтянут ящики к краю, — тихо посоветовал он.

— А вы их тросом подтяните, — сама не зная что, но с уверенным видом выпалила Катерина.

— Тро-о-сом! — опять заорали все хором. — Нам по технике безопасности запрещено тросом работать. Поворачивай машину!

И тут Катерину осенило. Она подошла поближе к «унылому» и ласково шепнула:

— Сколько?

— Пятьдесят. — Перед ней стоял будто другой человек. Словно не он секунду назад кричал: «Поворачивай обратно!»

Два тяжелых ящика были благополучно выгружены, и МАЗ забили новым товаром: предстояло сделать еще один рейс.

Но их машина — впрочем, как и все другие — не могла выехать со склада. Ворота загораживал ЗИЛ, стоящий на погрузке — он был почти уже полон: осталось загрузить какие-то длинные узкие ящики. Но техника была бессильна запихнуть их в кузов — требовались человеческие руки.

...Человек десять, в позах полного расслабления, стояли и наблюдали, как элегантный мужчина в черном длинном пальто и в тонком белом шарфе, богемно перекинутом через плечо, стоя на борту грузовика, аккуратно, один за другим, укладывал длинные узкие ящики в кузов. Все наблюдающие прекрасно понимали, что процесс «шпалолоукладывания» займет не меньше получаса, и за это время ни одна машина не сможет выехать со склада, но никто не выказывал ни малейшего желания даже пошевелиться.

— Хотя бы кто-нибудь помог, — пробормотала Катерина и искося окинула взглядом стоящих рядом с ней созерцателей.

— Есть на свете три завораживающих зрелища, от которых нельзя оторваться, — заговорил «задумчивый» грузчик. — Первое — горящий огонь... Второе — текущая вода... Третье — работающий человек...

Наконец-то, они с Владимиром выехали со склада. Путь их лежал на север Москвы. «Еще час-полтора, — думала по себя Катерина, — и я буду свободна, а этот первый рабочий день пройдет, "как с белых яблонь дым"»...

В предчувствии завершения сегодняшней карусели Катерина болтала легко и свободно, и даже не сразу обратила внимание на то, что и без того молчаливый Владимир перестал как-либо вообще реагировать на ее болтовню...

Его глаза были устремлены на стрелки приборов — и одна из этих стрелок неумолимо приближалась к нулю. Едва он успел подвести машину к обочине — как мотор заглох...

— Что случилось? — спросила Катерина.

— Не знаю.

— Как не знаешь?!

— Я не знаю, — упрямо и жестко повторил он. — Машина новая, в ней ничего не могло сломаться, топлива — полный бак. Жди здесь, я выйду, посмотрю. — И хлопнул дверью.

А в это время справа от нее раздался истошный автомобильный гудок. Катерина посмотрела вниз — и увидела, что они «заперли» какую-то иномарку. Водитель, голова которого была похожа на бритое яйцо, высунул-ся из окна и произнес тираду, которую Катерина предпочла не слышать. Она сначала пожала плечами, потом поднесла руки к ушам и покачала головой — что могло означать: «у меня что-то с головой» или «я глуха от рождения»... Когда в машину вернулся Владимир, он принял огонь на себя, но его ответ на просьбу «подвинуть МАЗ» был коротким. «А ты толкни...» — мрачно бросил он «яйцеголовому», и тот почему-то полностью удовлетворился — и вскоре нашел выход, протиснувшись по тротуару между двумя легковушками.

Владимир был мрачен...

— Солярка замерзла, — сквозь зубы буркнул он. — Надо менять.

— Как замерзла! Какая солярка! Да вы что! — Катерина автоматом перешла на «вы». — Сколько это займет времени? Через полтора часа откроется склад!

— Попробуем успеть. Только сначала тебе придется выйти из кабины и немного погулять.

Катерина, вся пылая от гнева, кубарем скатилась с МАЗа — у нее это уже хорошо получалось — и почти час болталась по окрестным магазинам, стараясь придать себе беспечный вид, разглядывая кухонные полочки и моющие средства. Но, видимо, беспечность ей плохо удавалась, «собачья» куртка и «рыночные» сапоги мало в этом способствовали, и вскоре продавцы начали поглядывать на девушку с подозрением. А она все посматривала через окна магазина на МАЗ и на Владимира, кружившего вокруг него с похожими на орудия пыток железяками в руках.

Но вот кабина была поставлена на место — и Катерина пулей выско-чила из опостылевшего ей магазина. Она в который уже раз взглянула на часы: 17.00. Склад закрывается в 17.30!

Теперь не только он был мрачен, как туча. Она была еще мрачнее.

Владимир делал все, что мог: ехал по левой полосе, совершал обгоны справа, шел, как таран, из третьего ряда в первый, когда надо было срочно повернуть...

Если бы не конец рабочего дня! Если бы не пробки! Они могли бы успеть...

Но вот перед ними — ворота склада, и они — наглухо закрыты.

На звонок вышел дед и сказал, что он ничего не знает, никого уже нет, и сегодня не будет... Единственное, что он разрешил — позвонить из его проходной.

Катерина услышала от своих работодателей такой текст, что содержание его лучше не передавать — о нем можно и так догадаться.

Она вернулась в машину — в душе у нее бушевала буря.

— Как вы могли, как вы могли... — у нее перехватывало дыхание. — Как вы могли взяться за выполнение заказа, если не знаете, что солярка мерзнет при «минусе», что нужен специальный разбавитель... а у вас этого разбавителя нет! Вы — непорядочный человек! Вы — авантюрист! Вы меня подвели, подставили... Я представить себе не могла, что такое может произойти! — Секунду она помолчала, затем, видимо, приняла решение: — Я отсюда никуда не уйду и буду сидеть в машине до утра, пока не откроется склад. Если за ночь что-то пропадет — мне отдавать нечего, кроме своей квартиры. А бомжевать я не собираюсь.

— Я тоже отсюда никуда не уйду, — сказал Владимир.

— Вот и ладушки, — злобно и вкрадчиво прошептала Катерина.

Первый час длился, как целая вечность. Они сидели рядом, но Катерина не желала смотреть на него. Она изучала догорающий закат... Заходящее солнце окрашивало изломы облаков в красно-желтые горящие цвета... А дым из труб, стелющийся вдоль горизонта, был причудлив и изыскан в своих очертаниях...

— Можно, я закурю? — спросил Владимир.

— Можно, — сквозь зубы процедила она.

Он достал пачку сигарет и закурил.

— Тебе не надо позвонить, предупредить, что сегодня не придешь домой?

— Меня никто не ждет, — буркнула Катерина, особенно не задумываясь над формой ответа. Что есть — то и сказала.

— Меня тоже никто не ждет, — затягиваясь сигаретой, задумчиво протянул Владимир.

Господи, да кому ты нужен! — подумала про себя Катя, но промолчала. Прошло еще полчаса...

— Хочешь есть? — нарушил тишину Владимир.

— Хочу, — с вызовом ответила Катерина.

— Пойду куплю еды и что-нибудь выпить — мне кажется, тебе это сейчас необходимо.

Владимир вернулся минут через сорок — видимо, магазин был неблизко — и достал из пакета булочки, кучу плавленых сырков в разноцветных коробках, бутылку «Колы» и водку — смородиновый «Абсолют».

Катя бросила на него удивленный взгляд — шофер грузовика по определению не мог купить такую водку.

Они разложили все это на заднем сиденье и, наполнив два пластмассовых стаканчика, выпили, не говоря друг другу ни слова.

Казалось, никогда в жизни Катерина не ела таких вкусных плавленых сырков и таких мягких воздушных булочек. Она сняла шапку, куртку, дурацкие сапоги — и забралась на заднее сиденье, поджав под себя ноги. Там было хорошо — тепло, уютно и просторно.

— Можно я сяду рядом с тобой? — робко спросил Владимир.

— Твоя машина, садись, куда хочешь. — Его мягкий тон почему-то вызвал у нее раздражение.

Тогда он тоже скинул ботинки, уселся рядом с ней — по-турецки, поджав ноги, и спросил:

— Хочешь, я спою тебе песню?

— Давай, валяй, — разрешила Катерина.

Ну не молчать же им бесконечно! Вся ночь впереди — пусть поет, если такой чудак.

— Только песню эту спеть не просто — надо петь ее либо сидя за столом, подперев голову рукой, либо обнявшись — с хорошим другом... или подругой... А так как стола у нас нет, то остается только одно — обняться... Ты не против? Ведь это необходимо — для песни...

— Ну, раз больше ничего не остается — ладно, — согласилась Катерина.

Он обнял ее за плечи — и запел. У него оказался прекрасный голос — низкий рокочущий баритон.

Черный ворон, что ты вьешься

Над моею головой?

Ты добычи не дождешься.

Черный ворон, я — не твой.

Последние две строчки, которые надо было повторить, она ему подпела, как могла, но, похоже, сумела «вписаться», и у них получилось классно.

— А ты знаешь, кто был мой дед? — Владимир прекратил петь и посмотрел на нее.

Ей было все равно, кто у него дед, но пусть болтает что-нибудь.

— А дед мой был никто иной, как Василий Иванович Чапаев, легендарный красный командир... — начал Владимир. — Его отряд расположился на постое в сибирской деревне, где жила моя бабка, а сам Чапай квартировал в ее избе. Бабка моя была красавица — видная, ядреная... Но уж очень любила своего мужа, моего «теоретического» деда, которого ждала с гражданской, и никак не хотела уступать Чапаю... Однажды он увидел, как она полощет белье на речке — наклонившись и подоткнув подол... Чапай был мужик был горячий, боевой, подошел сзади — и...

Катерина смотрела на него, не зная, что и думать... И вдруг — она стала хохотать, безудержно и беспричинно, и сквозь смех, еле выдавливая слова, проговорила:

— А меня девчонки на работе... за то, что я очень быстро печатала на компьютере... прозвали «Анкой-пулеметницей»...

И они уже захохотали вместе...

Вы никогда не задумывались, что многое на свете происходит внезапно...

Внезапно гремит гром.... Внезапно появляется росток из земли... Внезапно куколка превращается в бабочку...

И внезапно она почувствовала его губы на своих губах... И внезапно они поняли, что не смогут теперь друг от друга оторваться...

Он снял свою куртку — и Катерину даже не удивило, что под левой рукой в кобуре у него висел «Глок», ее больше удивило то, какой у него мощный торс. «Это либо каторжные работы, либо тренажерный зал», —

подумала она. И это было последнее, о чем она подумала... Ведь когда происходит такое — разве можно вообще о чем-нибудь думать?

Было уже около пяти часов утра... Катерина дремала, положив голову ему на плечо... А он, кажется, не спал... Стих отдаленный шум машин, за окнами МАЗа стояла звенящая тишина...

— У меня сегодня, то есть вчера, был первый рабочий день, — сквозь сон проговорила Катерина и поудобнее положила голову ему на плечо. — Я никогда не ездила в такие «экспедиции».

— И у меня вчера тоже был первый рабочий день, — усмехнулся Владимир. — Я в жизни никогда не ездил на МАЗе.

— Как?! — Она подняла голову и, немного отпрянув, посмотрела на него. — А кем же ты раньше работал?

— Я был директором банка.

«Если это из той же серии, что и "Чапай", то как-то уже не очень смешно», — подумала про себя Катерина, а вслух, немного насмешливо, спросила:

— А где же твой банк?

— Его уже нет. Месяца два, как нет. — Да, «экспедиция» начиналась, казалось бы, смешно и весело, а на деле получилось — не очень. — Понимаешь, у меня был банк, не большой, но и не маленький — у меня и у моего хорошего друга: мы были совладельцами. Но ты, наверное, не знаешь, а я знаю — потому что приходилось общаться с разными очень богатыми людьми, — от большого количества денег у многих «едет крыша»: только у каждого — свой предел. «Пределом» для моего товарища оказалась сумма в 10 миллионов — конечно, не рублей. Он сумел перевести эти деньги за границу — и скрылся, вместе с семьей. Где он и что с ним — я точно не знаю. Но слышал, что и там он кого-то «кинул», и его разыскивает Интерпол. А здесь все долги и разборки остались мне. Я продал все, что мог: банковское имущество, машину, дачу, квартиру... Удалось сохранить только этот МАЗ. Сейчас он для меня — единственный способ заработать деньги. Да вот еще — пистолет. Пусть будет. На всякий случай. Есть люди, которые наняли братков, чтобы меня разыскать.

— Братков... — повторила Катерина и с опасением, как ей казалось, незаметно, посмотрела по сторонам.

Владимир поймал ее взгляд и улыбнулся.

— Не волнуйся, Катя, братки в это время не появятся. У них, как и у всех, существует рабочий день, а вечером и ночью они, как и обычные люди, отдыхают — правда, немного на свой лад... Спи спокойно, еще рано, — он погладил ее золотистые волосы и поцеловал нежно, как маленького ребенка.

...В девять часов открылся склад, они сдали груз — в целости и сохранности, и он довез ее до ближайшей станции метро.

— До свидания, Катя.

— До свидания, Володя.

Секунду они помолчали.

— Я не смогу тебя увидеть в ближайшее время, — заговорил Владимир. — Вернее, я вообще не знаю, когда смогу тебя увидеть. У меня сейчас очень сложная ситуация.

— Я же тебя ни о чем не прошу, — стараясь унять набегающие слезы, прошептала Катерина.

Прошел месяц, второй, третий... Жизнь у Катерины шла своим чередом. На фирме, где она устроилась экспедитором, ее оценили, стали доверять и обращались к ней в самых ответственных случаях. Катерина не отказывалась. Позади — три года работы в офисе, от звонка до звонка, за письменным столом. А здесь — как в известном четверостишии — «работа-то — на воздухе, работа-то — с людьми». Она, конечно, не собиралась оставаться здесь всю жизнь. Впрочем, и срок жизни подобных фирм обычно исчислялся несколькими годами...

Однажды в пятницу, около одиннадцати часов вечера, когда Катя уже лежала в постели, раздался телефонный звонок. Она сняла трубку — этот голос нельзя было не узнать... даже если общение с его обладателем длилось всего лишь один день... и одну ночь.

— Катюша, привет! Я тебя не разбудил?

— Володя... — единственное, что сумела проговорить она.

— Извини, что поздно, но у меня хорошие новости. Старый приятель, с которым мы вместе учились на курсах в Гарварде, приехал из Америки, собирается открыть здесь филиал своего банка и попросил меня быть его управляющим. Приглашает нас с тобой сейчас к нему на дачу. Там у него хорошо, я был как-то. Ты поедешь, Катя?

— Да! — чуть не закричала она. А потом добавила еле слышно: — Да, да, да...

Через полчала Катерина вышла из дома — в серой узкой юбке, в коротком белом пушистом свитере, в черных туфлях на тонких каблуках.

У подъезда матово поблескивали изящные очертания машины — с решеткой радиатора в виде темных очков.

Дверка машины открылась — он был великолепен! — и Катерина подумала про себя: «Отныне Пусик может спать спокойно — я нашла себе банкира...» □

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

МАДОННЫ

Помните рассуждения булгаковского Воланда о «вопросах крови»? Область эта запутанная, и любой мужчина рискует однажды попасть в подобную паутину.

Сильная вещь — стереотипы. До чего же прочно сидят они в нашем сознании! Простой пример: мысленно произнесите слово «преступник», и ваше воображение моментально нарисует портрет некоего человека определенного пола, возраста и внешности. Вы увидите даже его одежду и прическу, представите его автомобиль и тип оружия! Конечно, получившийся образ — это коллаж из фильмов, книг и вашего собственного представления о преступниках. А теперь произнесите — «мошенник» и получите уже нечто другое, верно?

Так или иначе, кого бы вы себе ни представляли, это почти точно будет человек «плохой», «злодей» по определению. А ведь умом мы все отлично понимаем, что реальная жизнь гораздо сложнее, и мошенник, мастерски обдувивший свою жертву и сломавший ей жизнь, может обладать милым красивым личиком, нежным голосом, доброй любящей душой, и даже не желать своей жертве никакого зла!

Расскажу одну историю.

...Жили-были мужчина и женщина. Мужчина был уже немолод, богат, утомлен вечной борьбой с себе подобными за красивые зеленые бумажки и находил утешение в объятиях очаровательной, но, увы, незаконной подружки. Подруга законная ждала его дома, делая вид, что верит, будто муж застрял на совещании. Ее ни в коем случае нельзя было травмировать, ведь она являлась соучредителем фирмы супруга и хозяйкой половины пакета акций. Верит, ни о чем не спрашивает — и хорошо. Такие союзы держатся на вещах поважнее штампа в паспорте, и никаким сторонним красавицам, естественно, тут не светит ничего.

Однако наша героиня придерживалась иного мнения. Конечно, выйти замуж за состоятельного любовника она не рассчитывала. Да и зачем? Это создаст огромное море проблем и нервотрепок, да и вообще

убить могут, чтобы не претендовала на чужое. Ведь есть другой путь, легче и безопаснее. Какой? Правильно, родить от своего покровителя ребенка! От своей кровинки мужчина не откажется, маму малыша хорошо обеспечит, да еще и приплатит, чтобы у него дома никто не узнал о приобщении семейства.

Безусловно, просто так подобные вещи не делаются. С самого начала отношений — а точнее, больше года — девушка не без тонкого расчета внушала любовнику, что детей не хочет и не любит, фигуру портить не желает, родов до смерти боится, и вообще, все это — никому не нужные глупости. При виде счастливых семеек на телеэкране лицо ее кривилось в легкой презрительной гримаске, а детей она именовала не иначе как «детеныши». К вопросу предохранения от беременности относилась так щепетильно, что любовник порой смеялся над ее страхами и снисходительно говорил, что в наше время «залет» — не проблема, и избавиться от него — пара пустяков. Но девушка все равно боялась: три или четыре раза у нее случались необъяснимые «задержки», она в панике мчалась к врачу проверяться, но врач, само собой, ничего не находил и советовал меньше сидеть на голодных диетах.

Параллельно будущая мама изучала медицинскую литературу, правильно питалась, анонимно сдала все анализы, чтобы убедиться, что здорова. Никаких задержек у нее, конечно, не было. Но в памяти богатого бойфренда они уже отложились как нечто обыкновенное, нормальное, не более, чем особенность организма юной возлюбленной.

И вот — настал день «икс». Парочка вырвалась на неделю на Средиземное море, вдвоем, чтобы отдохнуть от шумной Москвы в тропическом раю. Там-то и случился давно запланированный «залет», в чем девушка убедилась еще на курорте, с помощью экспресс-теста на беременность. Таблетки, которые она якобы принимала, полетели в унитаз, а их место занял безобидный препарат витамина В, внешне почти неотличимый.

После прилета молодая дама заболела непонятной лихорадкой и долго отлеживалась, потом у нее были проблемы с иммунитетом, и врач запретил пить противозачаточные. Организм долго не восстанавливался, девушка болела, оставалась слабой, но любовника все равно встречала при параде, была очень нежна и внимательна. Мужчина искренне жалел ее, привозил фрукты, лекарства, часто звонил и спрашивал о самочувствии.

Так прошло три месяца. Очень медленно и с трудом, но наша героиня поправилась. Теперь ей предстояло не притворяться больной, как раньше, а наоборот, изо всех сил скрывать начавшийся токсикоз. Нужно было выждать еще хотя бы месяц, дотянуть до срока, когда аборт станет невозможным и можно будет «обнаружить» беременность.

Надо сказать, спектакль удался ей на пять баллов. Мужчина (далеко не простаком!) сразу поверил, что «залет» получился случайно. Уже привычно он отозв подружку к доктору после того, как она пожаловалась, что цикл «совсем разладился» от болезней, и через пять минут уже наблюдал ее истерику. Дрожа от ужаса и едва ли не стоя на коленях, она плакала и умоляла доктора сделать ей аборт, при этом точно зная, что врач никогда не согласится: шел уже пятый месяц.

Конечно, она получила все, что хотела: малыша, квартиру, солидную сумму в месяц, недорогой автомобиль, не утратив при этом хороших отношений с любовником!

Вы скажете: разве это мошенничество? Да, именно мошенничество, поскольку целью было получение материальных средств, а средством — обман. Другой вопрос, судят ли за это? Скажем так, прецедента, чтобы женщина угодила за решетку по такой статье, еще не было. Да, наверное, в ближайшее время и не будет. Но суды уже давно и в полную силу разбирают «генетические» дела, ведь далеко не всем ловким дамочкам попадаются такие ответственные и доверчивые любовники, как нашей героине. Обычно мужчины, которого пытаются осчастливить, вовсе не горит желанием раскошелиться, пусть даже ради «кровиночки».

Например, часты случаи, когда богатый папаша просто бросает беременную любовницу и всеми силами отрешивается от отпрыска, вплоть до найма «братков» (хотя это уже совсем другая статья). Для того, чтобы доказать его отцовство, применяется анализ ДНК (или, как его иначе называют, генетическая экспертиза), дающий до 98 процентов достоверный результат. При положительном анализе мужчине присуждают алименты, и неважно, хотел он появления наследника или делал все возможное, чтобы этого избежать. Отец — значит, плати. Платят, часто даже не дожидаясь суда, из боязни огласки, развода с женой, потери репутации.

Кстати, вовсе не обязательно для этого состоять с женщиной в длительной связи, достаточно всего одного раза, даже случайно, чтобы «попасть» на долгих 18 лет. Не обязательно быть вообще с ней знакомым! В Крыму в 2000 году произошел случай, когда у состоятельного бизнесмена отсудила алименты молоденькая проститутка, которую спьяну и в полумраке гостиничного номера он толком и не рассмотрел! Зато она рассматрела свой будущий источник доходов очень внимательно и даже потихоньку списала его паспортные данные...

Да что там говорить, не обязательно вообще вступать с дамой сердца в половой контакт. Точнее, в обычный половой контакт. Сперму богатых людей крадут не только, так сказать, у самих хозяев. В прямом смысле слова, драгоценную жидкость похищают из хранилищ и банков, куда владелец поместил ее на случай будущего бесплодия, покупают ее у недобросовестных медиков после анализов, в общем, изощряются. И случаи тут бывают самые разные...

Недавно на сайте «Молва.ру» появилась заметка, что в немецком городе Карлсруэ федеральный суд на примере процесса одной супружеской пары постановил, что муж должен содержать своего ребенка. Супруги не могли иметь детей нормальным путем и пошли на искусственное оплодотворение. Три попытки были неудачные, и муж нашел себе другую партнершу, на которой он позже женился.

Но бывшая жена свою мечту о материнстве не оставила, и четвертая попытка с замороженной спермой бывшего мужа удалась. Теперь муж не хочет признавать ребенка и утверждает, что женщина украла его сперму.

Да-да, законные жены тоже, увы, не без греха, хотя до профессионалов им далеко, да и методы применяются попроще: фальшивые таблетки, проколотые презервативы, «ошибки» календарного метода. Собственно, и цель у жен иногда — вовсе не алименты, а что-то другое, от жилья и прописки до предотвращения развода, а порой целью становится сам ребенок (если муж упорно не желал его заводить) — но это уже из другой оперы.

И еще одна общая и крайне неприятная особенность: подобные дела почти никогда нельзя толковать однозначно, и невозможно точно сказать, с кем имеешь дело, с развратным мерзавцем и невинной обманутой девушкой, или с хитрой расчетливой стервой и нагло облапошенным ею простофилей. Особенно, если счастливый папа не владеет особыми капиталами.

Одно точно: в случае доказанного отцовства алименты присуждаются всегда. Презумпции невиновности тут не существует.

Кстати, у популярной во всем мире генетической экспертизы есть и обратная сторона. Поскольку настоять на проведении анализа имеет право любой из родителей ребенка, огромное количество (по подсчетам, до 30 процентов всех мужчин!) отцов воспитывают биологически абсолютно чужих отпрысков! Эта новость в свое время здорово потрянула мировую общественность и засыпала суды исками о разводе, словно осенними листьями. Лаборатории, где делается недешевый анализ ДНК, мгновенно разбогатели, ведь даже те мужчины, у кого не было никаких сомнений, часто обращались к ним «для подстраховки».

Мы в этом плане от границы немного отстали, но нагоняем ее с энергией, достойной лучшего применения. Однако наше законодательство, изначально нацеленное на охрану материнства и прав ребенка, помощник обманутым мужьям неважный. Даже если мужчине удастся доказать, что ребенок ему чужой, избавиться от бремени алиментов невероятно сложно, а уж вернуть выплаченные средства и вовсе нереально. Логика тут простая: ребенка кто-то должен кормить, мужчина записан отцом, состоит (или состоял) с матерью малыша в браке, значит — выражаясь без терминов — не надо было ушами хлопать. Придется как-то убедить суд, что на момент регистрации ребенка мужчина был введен в заблуждение и заведомо не знал, что его обманывают. Получилось ли это у кого-то? Достоверной информации нет.

В отличие от женщины, мужчина никак не может контролировать появление своих потомков, и даже после хирургической стерилизации остается 0,03 процента вероятности отцовства.

Что тут посоветовать? Наверное, лишь прописные истины: не вступать в случайные связи, пользоваться хорошими презервативами (потом лично выбрасывая их), хранить верность постоянной партнерше, вызывающей доверие, не надеяться на «таблетки», не поддаваться на мольбы «сделать ребенка просто так, никаких претензий не будет» и так далее. В случае сомнений — бороться и не спускать мошенничества с рук.

Ведь внешность — обманчива, и преступление скрывается иногда под ангельским обликом мадонны с младенцем, которая — при всей своей кажущейся чистоте — использует самое святое, ребенка! — ради наживы. И предает она в первую очередь свое же дитя, лишая его полноценной семьи, отца, делая его — ни в чем не повинного — причиной склок, нервотрепок и неприязни. □

Талантурный СИНДРОМ

Книга, которая в наше время расходуется миллионным тиражом, это, безусловно и безоговорочно, сенсация. А книга, которая уверенно вытесняет с первого места в списке бестселлеров произведения Бориса Акунина и Дэна Брауна — сенсация вдвойне. Но если отложить на время эмоции и просто подумать, то оказывается, что сенсация эта состоит из массы интересных вещей. Имеющих, кстати, к самой книге довольно косвенное отношение.

Прежде всего, само наименование — «бестселлер». В добросовестном переводе это означает всего-навсего то, что лучше всего продается. Почему и кому — отдельные вопросы. Но попасть в список бестселлеров можно по самым разным причинам: там в разные времена оказывались и откровенно дилетантские поделки, и бесспорно талантливые произведения.

В случае сopusом Сергея Минаева все не так просто. «Повесть о ненастоящем человеке» или «DYXLESS» — произведение, безусловно, дилетантское, но... Но далеко не бездарное: господин Минаев очень даже лихо прокладывает русло так называемому «потoku сознания», по которому и предлагает сплавиться читателю.

О содержании книги заявлено примерно так: «весь круговорот жизни современного «ненастоящего человека». Офисные бои, модные тусовки, незапоминающиеся женщины и безуспешные попытки развеять скуку».

И это — круговорот жизни? Простите, больше напоминает воронку, которая образуется при смыве... ну, сами понимаете, чего и где. Можно, конечно, и этот процесс описывать, причем даже с определенной степенью увлекательности. Можно описывать и то, что этому процессу предшествует. Можно даже читать обо всем этом. Но...

Но как-то в компании довелось столкнуться с молодым человеком, который окружающими почитался личностью неординарной. В основном, потому, что сей молодой человек делал и говорил то, что хотел,

когда хотел и как хотел. Например, вечером в гостиной взял да и справил все свои естественные надобности прямо в углу. Лениво было туалет искать, тем более, что находился санузел вне стен дома.

И что? А то, что большая часть компании предпочла ничего не заметить. Воспитанные же люди! Некоторые особо экзальтированные барышни просто зашлись от восторга: как эпатажно! Как смело! Нашлась только одна ханжа и зануда, которая просто ушла. Ее, понимаете ли, чуть не тошнило. Можно подумать, у самой кишечника нет!

Увы, и в этот раз буду выглядеть ханжой и занудой. Сага о буднях наших «простых отечественных топ-менеджеров», то есть по-русски — высокооплачиваемых клерков, вызвала примерно ту же реакцию, что и «продвинутое» поведение вышеупомянутого юноши в компании.

Казалось бы, какие могут быть проблемы у простых топ-менеджеров? Тех, у которых очки от Гуччи, пиджак от Дольче-Габбано, зажигалка от Дюпона, часы от Картье? Оказывается, проблема есть: им по жизни жутко не хватает... духовности.

Ничего смешного: людям, которые ежевечерне напиваются в модных клубах, нанюхиваются до одури кокаина и расслабляются до предела в обществе «телок», духовность уж точно бы не помешала. Хотя бы потому, что ее нету. Остальное все есть, даже тоскливо, а вот духовности, хоть тресни, нет нигде. Ни в клубах, ни в постелях у мимолетных подружек, ни в офисах у секретарш, ни даже у друзей.

Зато есть колоссальный комплекс собственной безусловной полноценности. Он даже указан вполне конкретно (в сцене объяснения героя с директором питерского филиала компании). Уникальность личности героя заключается в том, что он, во-первых, «первые шальные бабки потратил не на девок и не на 3-ю бэу, а на поездку в Париж», во-вторых, тем, что его «тошнит от ваших Донцовых-Бушковых-Петросянов, читаю только Уэльбека с Кьеркегером» и, в-третьих, имеется точное понятие, какой должна быть эталонная длина мужских носков. Вот!

Как говорится: умереть, уснуть и проснуться, рыдая. Ладно, Париж, ладно, Кьеркегер, но вот носки... Носки убедили даже меня, привыкшую уникальность или заурядность личности определять по каким-то иным критериям. Хотя еще Пушкин утверждал, что «быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей», но предметы мужского туалета он все-таки в разряд мерил духовности не вводил.

Может быть, конечно, просто не успел. Если верить аносам, то «DUXLESS» — это «книга о потерянном поколении 1970—1976 годов рождения, чей старт был столь яростен, и чья жизнь была столь бездарно растратчена». То есть о тех, кому сейчас тридцать — тридцать шесть лет. А Пушкин, если кто забыл, погиб в тридцать семь.

С другой стороны, как можно говорить о том, что кто-то растратил свою жизнь, не дожив до сорока лет? Загадка... Хотя если столько пить и нюхать кокаина, сколько это делает герой романа... Удивительно, что он вообще дожил до тридцати.

А еще удивительнее, что при этом занимает ответственный и оч-чень высокооплачиваемый пост. Алкоголик, наркоман, большой любитель женщин... Да кто его вообще возьмет на работу в приличную компанию? Впрочем, в романе все можно: и не работать за огромные деньги, и духовность искать там, где ее не может быть просто по определению.

Любители высокого стиля или тонкого психологизма могут книгу вообще не открывать: где ничего не положено, там и взять нечего. Если бы районный алкоголик дядя Вася захотел и смог бы написать книгу, эффект был бы примерно тот же. Только вместо виски — водка или самогон, вместо кокаина — что-то более демократичное и доступное.

Выпил — вырубился — очнулся — зафиксировал ощущения — достал выпивку — выпил — вырубился. Для красоты — склоки с начальством, беседы «за жизнь» с коллегами, романтические отношения с соответствующими дамами. И, разумеется, поиски возвышенного — куда же без них? Без них ни один русский себя уважать не станет.

Правда, есть еще одна точка зрения: это — первый в России антигламурный роман. Здорово, конечно, красиво, только опять совершенно непонятно. Что такое «гламур»? Если напрячься и перевести с оригинала — английского — то окажется, что это «роскошь», «блеск», «шарм», «очарование». Если не напрягаться, а просто трепать красивое слово, как щенок треплет зубную щетку, то окажется, что существуют уже и «деревенский гламур» и «джинсовый гламур». Роскошный горшок для щей или ухват — это конечно...

На самом деле «гламур» — это показной блеск, глянец. Современный санузел с джакузи — это гламур. Деревенский дощатый сортир на задворках — это антигламур. Если рассматривать произведение Сергея Минаева с такой позиции, то все становится предельно ясным. Романы Даниэлы Стил — это «гламур», это — ванная комната с джакузи, биде и подобранными в тон к сантехнике полотенцами и халатами. «ДУХLESS» — это «антигламур». Думаю, можно не продолжать.

Похоже, появляется новое литературное течение, название которому пока еще трудно подобрать, но которое явно призвано создать мощную оппозицию «глупому дамскому рукоделию». И ведь создаст! Всегда приятно читать произведение, осознавая себя много умнее автора. Особенно, если это не просто обычный бред графомана, а бред «антигламурный».

Обидно, правда, что семьдесят процентов успеха обеспечено названием. Так обгадить немногое действительно искреннее и талантливое, оставшееся от прежнего строя — это нужно уметь. Интересно, какое будет следующее произведение? «Как раскалялась сталь» — о буднях обычных стальных магнатов? Или «Битва за пути» — уже о столь же простых железнодорожниках?

А главное: все это уже было. На заре прошлого века господин Арцыбашев впервые конкретно описал то, что происходит между мужчиной и женщиной. Обычными словами описал, матерные тогда еще в писательский лексикон не входили, по крайней мере, официально. «Продвинутые» читатели и критики заходились от восторга, «непродвинутые» — плевались. Ничто не ново под луной.

Счастья вам, новые «инженеры человеческих душ»!

P.S. А у того молодого человека, который так эпатировал интеллигентную компанию, впоследствии обнаружили неоперабельную опухоль головного мозга. Она, собственно, и была первопричиной всех его оригинальностей... □

САМАЯ

Желанная

Всем известно, что для достижения успеха в жизни, а в Голливуде в особенности, нужно выглядеть сногшибательно. Опровержением этого утверждения является Сандра Буллок. Больше 10 лет эта нескладная актриса неизменно остается на вершине голливудского Олимпа.

В чем же секрет успеха актрисы, опровергающей тезис: «Мужчина любит глазами»? Он прост — Сандра привлекает мужчин и зрителей внутренней энергетикой. Ее быстрая речь, жизнерадостный смех, завораживающие карие глаза компенсируют все недостатки внешности.

Успехом она обязана таланту, энергии и трудоспособности. «Скорость» — название фильма, сделавшего ее звездой, и скорость она любит развивать, гоняясь на машине. Буллок живет в бешеном темпе.

Успех к ней пришел в 30 лет, и, несмотря на внешность девушки

из соседнего двора, Буллок стала «всеамериканской любимицей».

Поздний успех

Буллок пришлось долго идти к славе. После школы она поступила на факультет драмы в университет

Южной Каролины, но ей так хотелось начать играть на сцене, что, не получив диплома, она на старенькой «Хонде» поехала в Нью-Йорк со 157 долларами и со смутными надеждами. В манекенщицы и стюардессы Сандру, конечно же,

не брали, и ей пришлось поработать барменшей, собачьим парикмахером, гардеробщицей, танцовщицей в гей-клубе и продавщицей мороженого.

Днем Сандра работала и читала журнал «Бэкстейдж», в котором печатались сообщения о прослушиваниях и пробах, а по вечерам училась у известного преподавателя актерского мастерства Сэнфорда Майснера и ходила на кастинги.

Три года Буллок стояла за стойкой бара. Пару раз ее ограбили и чуть не изнасиловали, но девушка не унывала. «Я подавала яичницу и гам-

бургеры, — вспоминает она, — посетителям кафе на 47 авеню. Я помню запах кетчупа и дешевого пива и с тех пор обожаю гамбургеры».

Свою первую крохотную роль на Бродвее Сандра получила в 1987 году, а через год — роль второго

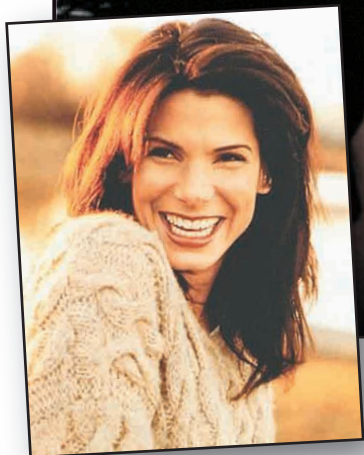

плана в фильме Дэниэля Эдамса «Глупец и его деньги». В третьеразрядном боевике «Каратель» она сыграла проститутку, произнеся всего 27 слов и получив огромную для нее сумму в 752 доллара. В 1988 году критик Джон Саймон раскритиковал пьесу «Ни секунды», но назвал Буллок перспективной исполнительницей роли томной красотки с Юга. В 1990 году она стала сниматься в телефильме «Деловая женщина», но его так и не досняли.

Сандра поняла, что ей нужно переехать в Лос-Анджелес. «Солнечный штат открыл во мне актрису», — считает Буллок.

Всемогущий Джоэл Силвер во время съемок фильма «Разрушитель» выгнал Лору Пети и сказал, чтобы завтра же на площадке появилась новая актриса. Лоренцо ди Бонавентура в полушутливой форме предложил свою приятельницу Буллок, которая как раз сидит без работы. Так она очутилась рядом с самим Сильвестром Сталлоне. Сильвестр был в восторге и рекомендо-

вал Сандру Яну де Бенту, который готовился снимать фильм «Скорость».

Нелюбовь к школе

Буллок родилась в Нюрнберге 26 июля то ли в 1963 году, то ли в 1964, или даже в 1966. Дата меняется в зависимости от настроения актрисы. Мать Сандры — немка, а отец — американец из Алабамы.

Школу Сандра считала «самым страшным местом на Земле». У нее было амплуа «классного клоуна». Однажды на уроке драмы миссис Филиппи дала задание выучить какой-нибудь монолог. «Я не стала ничего заучивать, — вспоминает Буллок, — а просто в течение двух

минут фантазировала о работе косметолога в морге». «Великолепно! — воскликнула миссис Филиппи. — Откуда у тебя этот текст?» Во дворе она разыгрывала целые представления, изображая в лицах голливудских актеров.

Отец Сандры Джон Буллок занимался постановкой вокала, а мама — Хельга Мейер — оперная певица. Они мучили детей своей профессией. Сандру заставляли учиться вокалу и игре на фортепьяно. В отместку она резала себе ладони и съедала дюжину порций мороженого. Исполняя мизерную роль нищенки в «Трубадуре», Сандра стала кривляться. Спектакль был сорван, и мама заплатила дирекции Зальцбургской оперы большой штраф.

Первые 12 лет жизни Сандра провела, совершая поездки через Атлантику. «Во время театрального

сезона, — рассказывает она, — мы жили в Германии, а после — полгода в штате Вирджиния». Ей не нравилось во время театральных сезонов колесить по всей Германии, но это кончилось, когда семья окончательно переехала в Америку. Сочетание немецкого акцента со смешными косичками, торчащими вверх, вызывало насмешки у ее американских одноклассников, среди которых преобладали поляки и чехи.

Любительница поест

Буллок завидуют многие актрисы, потому что она много ест и не толстеет. Она в очень большом количестве поглощает конфеты, огромные сэндвичи, булочки, печенье и пирожные, оставаясь при этом стройной и изящной. Немецкие корни дают о себе знать в страсти Сандры к баварскому пиву и шнапсу. Закусывает она гигантскими бутербродами с индейкой с кетчупом, горчицей и острым сыром. В Голливуде Буллок любила заглядывать в скромный ресторанчик Мэтта Дэймона и Бена Аффлека

«Континентал». К любимым блюдам Буллок относятся также хрустящие жареные цыплята по-кентукски с картофельным пюре.

«Мою внешность называли старомодной, слишком этнической или недостаточно этнической, слишком необычной или слишком стандартной», — сокрушалась Буллок. Но отказы делали ее еще более энергичной. Ян де Бент, отвергший несколько дюжин крутобедрых блон-

дино, жутко обрадовался актрисе с нормальной внешностью и стал снимать Сандру без всяких проб. Весь фильм «Скорость» она сидит за баранкой здорового автобуса, сливаясь с ним. Естественно, Буллок пришлось окончить курсы вождения городских автобусов. «Никогда бы не подумала, — заявила актриса, — что картина про автобус откроет передо мной все двери — и не только автобусные».

Режиссер Ирвин Уинклер, снимавший Буллок в картине «Сеть», уверяет, что каждый день, прощаясь со съемочной группой, она целовала в щеки и осветителей, и электриков, и актеров. Снимавший Сандру в комедии «Двое в море» режиссер Билл Беннет сказал, что «она ничего не скрывает, всегда говорит правду, готова к шалостям и приколам».

Сандра — продюсер

После съемок в фильмах «Скорость» и «Скорость-2» Буллок впа-

ла в депрессию, несмотря на то, что MTV признало ее «самой сексуальной девушкой».

За роль в «Скорости» она получила 12 млн. долларов. Но Сандре быстро надоели роли обаятельных эксцентричных девушек, и она основала свою фирму. «Моими денежными делами занимается отец, — сказала она. — В отличие от других судящихся со своими детьми-звездами родителей, мои — люди надежные». Юридическими проблемами фирмы руководит сестра Сандры — Джезина — юрист по образованию. Она — вице-президент фирмы.

Буллок основала фирму после успеха картины с символическим названием «Надежда умирает последней». «Иногда из десяти сцена-

риев я выбираю лишь один», — заявила она. Фильм «Готовяэндвичи» Сандра снимала для собственного удовольствия, потому что попался хороший сценарий. «Я хочу снимать малобюджетные фильмы, — заявила она, — это интереснее, чем лепить стандартные боевики».

Романы

Когда Буллок появилась на премьере комедии «Пока ты спал» в потрясающем вечернем платье под руку с родителями, пресса решила, что ей постоянно не везет в личной жизни. Девушке уже перевалило за тридцать, а она все еще не была замужем. А все потому, что Сандра против быстротечных голливудских браков с партнерами по фильмам. «Слишком много нервотрепки, — считает она, — и очень дорогой развод». Детей Буллок тоже не хочет заводить без мужа.

В 19 лет у нее завязался сумасшедший роман со звездой телесериала «Воздушный охотник» Жаном-Мишелем Винсентом, длившийся 9 месяцев. В 1993 году на съемках фильма «Разрушитель» Буллок познакомилась с актером Дэнисом Лири, и вскоре весь Голливуд сплетничал об их романтических отношениях.

С Тейтом Донованом Сандра познакомилась в начале 90-х на съемках «Любовного напитка № 9». Так же, как и герои этой картины, они влюбились друг в друга и прожили вместе три года. «Я бегала за ним, как собачонка», — признавалась Буллок. Хотя она и обручилась с Тейтом, но до свадьбы не дошло из-за съемок фильма «Скорость». Папарацци разнесли слух о ее романе с Киану Ривзом, и разгневанный Донован ушел от нее.

«Мне трудно с мужчинами, — причитала Сандра. — Я очень боюсь страдать».

Она стала сомневаться, что влюбится в какого-нибудь парня, но все же он нашелся на съемочной площадке картины «Время убивать». Им оказался 26-летний актер Мэттью Макконахи. Буллок влюбилась в него с первого взгляда, но ей пришлось пережить муки ревности, потому что Мэттью был увлечен снимавшейся в этом же фильме Эшли Джадд. Макконахи заметил страдания Сандры и бросил оторопевшую Джадд. Вначале они жили раздельно, пока Мэттью не решился сделать Сандре предложение.

Сандра и Мэттью вместе пили пиво, играли в карты и посещали стрип-бары, пока она не поняла, что Мэттью постепенно спивается. В ярости она бросилась на него и ударила по голове статуэткой Зевса.

Во время съемок фильма «Скорость-2» у Буллок завязался роман с партнером по картине Джейсоном Патриком, потом она переключи-

лась на самого популярного футболиста Америки Троя Экмана. Он был на две головы выше ее и весил полтора центнера. «Он не знал даже столицу Канады», — ужасалась Сандра после расставания с Экманом.

Следующим ее избранником стал малоизвестный тexasский певец в стиле кантри Боб Шнайдер. Вскоре он принялся комплексовать по поводу миллионов своей возлюбленной и незаметно исчез.

Нежные отношения Сандры с Беном Аффлеком во время съемок фильма «Сила природы» дали пищу для слухов об их романе. Их союз распался, когда Буллок узнала, что Аффлек одновременно встречается с пятью женщинами.

Экстремальные ситуации

У Буллок в жизни было много экстремальных ситуаций, от которых другой человек пришел бы в отчаяние, но присущая ей жизнерадост-

ность и самоирония делали ее еще более жизнестойкой.

В 11-летнем возрасте Сандра во время игры упала со скалы и невероятно гордится своим шрамом на левой брови. В детстве сестра заехала ей по носу, в связи с чем на одном из кастингов девушке намекнули на ее «боксерский шнобель».

На съемках фильма «Скорость» Буллок чуть было не выпала из автобуса. Киану Ривз успел в последнее мгновение схватить ее за ногу. На съемках «Скорости-2» Сандре чуть не откусила руку акула, потом она едва не сломала себе шею, слишком разогнавшись на гидромотоцикле, весло чудом не отсекло ей голову, а в конце съемок она наглоталась соленой морской воды на глубине 30 метров. В 2000 году после неудачного падения со сноуборда в горах Айдахо у Буллок началось заболевание мозга, вызывающее сильные боли. В том же году

альпинистский канат Сандры застрял в горной расщелине, и она рисковала умереть от голода и жажды. Потом вновь почти не погибла, когда ее самолет потерял управление и упал на озерный лед.

Много переживаний другого рода предстояло перенести Буллок после покупки в 1997 году огромного участка земли в столице штата Техас — Остине. Подрядчик после того, как Сандра уличила его в махинациях при постройке дома, подал на нее в суд.

Буллок пришлось потратить шесть млн. долларов на ликвидацию трещин в стенах, починку протекавшей крыши, электричества, канализации и водопровода. Встречный иск Сандры был удовлетворен только в ноябре 2004 года. Подрядчик выплатил ей 7,8 млн. долларов в качестве компенсации.

Найти своего хулигана

Раньше мужчины сами прибывали к Сандре, но быстренько в панике убегали от нее, не вытерпев феминистских принципов и старомодных представлений, внушенных ей матерью. Тем не менее, Буллок не смогла пройти мимо татуированного байкера, отъявленного матерщинника Джесси Джеймса. Однажды она привела своего крестника на съемки шоу Джеймса, проходившие в калифорнийском городке Лонг Бич. И Сандра, и ее крестник пришли в восторг от шоу типичного «плохого парня», а он влюбился, «как простой мальчуган», и, набравшись храбрости, попросил у нее номер телефона.

Биография Джеймса впечатляет: страсть к машинам и мотоциклам привела его в подростковом возрасте в колонию для несовершеннолетних. Его поймали при попытке угона шикарного авто. Выйдя из колонии, он стал футболистом, а пос-

ле травмы переквалифицировался в телохранителя и, наконец, пришел к главному своему занятию — стал автомехаником.

Сандру не смущает бурная личная жизнь ее избранника: от первой жены, родившей ему двоих детей, он ушел к порнозвезде Джанин Линдемалдер, с которой расстался через год после свадьбы. В январе 2004, когда Сандра только начала встречаться с Джеймсом, Джанин родила ему ребенка и стала обвинять его во всех смертных грехах.

Сандра не только поддержала любимого, но и подружилась с его старшими детьми. Чтобы произвести на нее впечатление, Джесси на первое свидание купил «порше». Он оказался очень терпеливым человеком. «Я — громкая, шумная и не терпящая вторжения в свое пространство», — самокритично заявила Буллок. Джесси не раздражает привычка Сандры часами плескаться в ванне и в огромных количествах поедать шоколадный крем и арахисовое мороженое, а она, в свою очередь, спокойно смотрит на участие Джеймса в мотоциклетных гонках и его пристрастие к огромным тесакам.

«Я живу по собственному расписанию, а не по графику голливудских мероприятий», — заявила Буллок. Поэтому никто не удивился, когда влюбленная пара пригласила около 300 гостей на «вечеринку-барбекю», и только увидев актрису в белом кружевном платье и совсем не гармонирующими с ним ковбойскими сапогами, и Джесси в костюме с бутоньеркой, гости поняли, что попали на свадьбу.

К алтарю под огромным деревом невесту подвел отец. Двадцатиминутная церемония сопровождалась арией Нормы из оперы Беллини в

исполнении матери Сандры. Угощение было в стиле хозяйки дома: бараньи ребрышки и огромные креветки на гриле, картофель и жареные цыплята.

Стиль жизни

«В первую очередь, я — актриса, — считает Сандра, — и это для меня — главное. Любая новая роль мне интересна». В то же время она очень любит заниматься домашними делами: малярными, токарными и слесарными работами.

«Я не думаю о своей работе в категориях «карьеры» или «кассового успеха». Мне кажется, это ведет к самоограничению, — считает Буллок. — Человеку не нужны безумные деньги: ему нужен лишь дом, стол, на котором есть еда и любимые люди рядом». Правда, к любимым у нее имеются претензии. «Меня нужно удивлять, — заявила Сандра, — мне нужны мужчины, заставляющие меня краснеть». Этим качеством вполне обладает матерщинник и хулиган Джесси.

Сандра любит собак. Во время съемок фильма «Скорость» она подобрала бездомную псину, которую назвала Баба. Тогда у нее уже проживали четыре собаки в доме. В ок-

тябре 2005 года Сандра приютила бездомную собачку породы чихуахуа, назвав ее Поппи. Бедный песик потерял во время несчастного случая лапку. Однажды Поппи пропала, когда Буллок и Джеймс отдыхали на веранде, но другая собака Сандры быстро взяла след и нашла беглянку.

Самыми близкими друзьями Буллок, кроме Джеймса, являются ее родственники. Когда она основала свою компанию «Фортис Фильмс», отец и сестра приставили к ней телохранителей и заставили разъезжать в бронированном лимузине и носить платья от Кельвина Кляйна.

Сандра невысокого мнения о своей внешности и поэтому ненавидит зеркала. В ее доме зеркало висит только в ванной. Она не любит посещать голливудские вечеринки, а танцевать обожает в полном оди-

ночестве. Буллок предпочитает карибские танцы и танго. В качестве лучшего партнера она вспоминает 70-летнего мужчину — артиста Роберта Дювалла, с которым она танцевала в фильме «Борьба с Эрнестом Хемингуэем».

В свое время отец сжег ее дневники, чтобы они не попали в прессу. В 2002 году Сандра опять засела за мемуары, потому что не хочет, чтобы ее будущие дети поверили во всю неправдоподобную чепуху, которую о ней пишут в таблоидах.

Буллок внесла 1 млн. долларов в Фонд помощи жертвам 11 сентября и 1 млн. долларов в Фонд помощи жертвам цунами в Азии в 2004 году.

У нее есть все — любимая работа, миллионы поклонников и любящий хулиган-муж... И, по опросам зрителей, ей присвоен титул «самой желанной женщины Голливуда». □

**Максим
Башкеев**

фото
Владимира
Чейшвили

ЧТО НАМ СТОИТ

ТРЕК ПОСТРОИТЬ?

Россия — страна нереализованных спортивных амбиций. Это становится понятно, как только выходишь или выезжаешь на какую-нибудь городскую улицу. Такого количества гонщиков на квадратный метр асфальта нет, пожалуй, ни в одной стране мира. А ведь как водят!

Просто диву даешься. Шумахер отдыхает. Куда ему до наших: трассы прямые, гоняй в свое удовольствие. Попробовал бы, как отечественные камикадзе, не ставя ни в грош ни свою жизнь, ни жизнь окружающих, пронестись в час пик по Тверской со скоростью под двести...

Почему они это делают? Разве нет в стране мест, где эти чудо-гонщики могли бы реализовать свой драйверский потенциал? В том-то и дело, что нет. Нет на просторах нашей необъятной Родины ни одной специально построенной трассы, удовлетворяющей нормам FIA. Не строили. Просто было не нужно. А потому денег из казны и госбюджета не выделяли. Вот и гоняется молодая отечественная автоспортивная поросль на двух трассах, на которых можно проводить соревнования хотя бы по соображениям безопасности пилотов и зрителей. Первая — в подмосковном Мячково, на

территории военного аэродрома, вторая — в Питере, на Крестовском острове, называется «Невское кольцо». Да еще один раз в год выстраивают трассу на Воробьевых горах в Москве, напротив главного здания МГУ им. М.В. Ломоносова. Все! Больше соревнования проводить негде. Две с половиной трассы на всю Россию! Даже в Африке — 15 гоночных трасс. В Германии — 18, во Франции — 23, в Великобритании — 29, а в Америке так вообще — 116.

Так что, пока не будет в нашей стране хотя бы десятки современных гоночных трасс, ждать массовых хо-

роших результатов от отечественных гонщиков бесполезно. Ездить негде, да и, по большому счету, не на чем. В данный момент я имею в виду кольцевые гонки, об остальных поговорим чуть позже.

Отечественная кольцевая гоночная братия составляет довольно немногочисленный штат. Около ста человек... Пилоты делятся на несколько классов: «Туринг», «Туринг-Лайт», «Национальный», «Формула Русь» и «Формула 1600». Первые три — кузовные, то есть участвуют в них, в принципе, серийные автомобили с той или иной степенью подготовки. Самый «навороченный» — «Туринг». Самый де-

мократичный — «Национальный» или кубок «Лада». Там автомобильными-донорами являются отечественные ВАЗы двенадцатой модели.

«Формула Русь» — монокласс, то есть все машины в нем одинаковые для всех без исключения участников. Команда только покупает болид, а производитель сам осуществляет обслуживание и ремонт. Смысл в том, чтобы сделать гоночный автомобиль максимально доступным. Гонщики и их команды даже не имеют права вносить изменения в настройки автомобиля перед гонкой. Все подчинено одной цели — судьба победы должна зависеть исключительно от профес-

сионализма пилотов и ни в коем случае не от техники. «Формула Русь» — идеальная стартовая площадка для начинающих пилотов. К участию в гонках допускаются люди, достигшие 14 лет. Но не стоит думать, что болид «Формулы Русь» — детский автомобильчик, не способный ни на что серьезное. Русь — настоящий гоночный болид. Его вес — всего 550 килограммов. При этом на него устанавливают двухлитровый двигатель от Alfa Romeo мощностью 157 лошадиных сил, что позволяет болиду набирать сто километров в час за четыре секунды и без труда преодолевать барьер скорости в 200 километров в час.

«Формула 1600» — конструкторский класс. В отличие от предыдущего, здесь команды сами строят гоночные автомобили. То есть успех в гонке зависит не только от мастерства пилота, но и от квалификации механиков, и от надежности техники. «Формула 1600» — самый быстрый гоночный класс в нашей стране. Максимальная скорость болида превышает 250 километров в час. С инженерной точки зрения автомобиль представляет

собой довольно сложную конструкцию. Шасси производства фирмы Dallara, силовая структура кузова — пространственная рама из стальных труб, внешние панели — стеклопластиковые. В качестве силового агрегата используют ВАЗовский двигатель объемом 1,6 литра, который подвергают глубокому тюнингу и серьезной форсировке. Казалось бы, можно гордиться и поживать на лаврах, но не стоит.

По сравнению с тем, что делается в Европе, активность отечественных болидостроителей выглядит, мягко говоря, несерьезно. На Западе выстроена целая гоночная лестница, восходя по которой, самые талантливые пилоты достигают предела мечтаний любого гонщика — участия в Гран-при «Формулы 1». В Европе люди начинают с соревнований класса отечественных «Формулы Русь» и «Формулы 1600». По-

том, после набора достаточного гоночного опыта, переходят в старшие «Формула Renault» или «Формула BMW», например. Здесь и скорости повыше, и моторы помощнее: 400 — 600 лошадок. Если пилот перерастает и эти гонки, выигрывая в одну калитку каждый заезд, его приглашают в общеевропейскую «Формулу 3000», выше которой в автоспортивной кольцевой иерар-

хии только всемирно известная «Формула 1».

То есть в нашей стране пилоты заканчивают карьерный рост тем, с чего в развитом мире люди только начинают. Что делать? Зарывать талант в землю или продолжать — так развитие? К сожалению, автоспорт — дело затратное, и просто так уехать в Европу вряд ли получится. Нужны деньги, точнее, богатый спонсор, искренне радеющий за автоспорт вообще и лично за ваше в нем развитие в частности, готовый на первых порах платить за ваши выступления в гонках. С первыми победами придут и рекламные контракты, а вместе с ними и финансовая независимость. Но это — потом, а в начале пути нужны деньги. К сожалению, очень немногие отечественные автогонщики могут похвастаться тем, что денег у них куры не клюют.

В классическом ралли у нас тоже не все слава Богу. Хотя, если быть до конца честными, российский чемпионат по ралли — самый сильный на всем постсоветском про-

является всемирно известный Дакар, но он случается лишь раз в год, а пилоты не могут оставаться без практики. Поэтому проводится огромное количество местных ралли

странстве. Может быть, сильнее, чем во многих восточноевропейских странах. Но до мирового уровня WRC еще ой как далеко. Появление отечественных пилотов на европейской земле — явление очень редкое. Один лишь Сергей Успенский, многократный победитель чемпионата России, уже который год пристреливается к европейским трассам, но, к сожалению, без особых успехов. Однако в данном виде автоспортивной жизни страны хотя бы с трассами все в порядке. Благо, дороги у нас неважные, для использования гражданскими автомобилями подходят плохо, а вот для ралли-рейдов — в самый раз.

Но есть все же повод для гордости. Существует такой вид программы, в котором нам нет равных. И называется он ралли, но не классическое, а такое, где дорог нет вообще. Вершиной этих соревнований

на всех континентах от Европы, до Южной Америки. И если раньше мы могли болеть только за КАМАЗ-Мастер в зачете грузовиков, то теперь появилась надежда и в классе внедорожников. В этом году очень уверенно выступает экипаж российской команды Москва-ЗИЛ в составе Сергея Шмакова и Константина Мещерякова. Их железный конь — заднеприводное багги оригинальной конструкции, на котором российские пилоты на равных борются с такими идолами раллийного мира, как: Петрансель, Шлесер, Альфан...

У этих побед есть скорее генетическое, чем логическое объяснение.

Нам всегда было проще сделать всепроходимец на гусеничном ходу и с водным двигателем, чем проложить нормальную дорогу, чтобы из пункта А в пункт Б могла пройти любая техника, а не только танки и вездеходы. Опять же гражданская продукция, что КАМАЗа, что ЗИЛа, надежностью не отличается, а что касается гонок, взяли и построили не просто конкурентоспособные, чемпионские машины.

Одним словом не все так плохо в нашем королевстве. Несмотря на отсутствие трасс и короткий календарь чемпионата, наши молодые и не очень кольцевики выезжают в Европу и возвращаются оттуда далеко не с пустыми руками. Что касается кузовных классов, то еще не так давно на всех конкурентов в чемпионате FIA GT наводила ужас российская команда Yukos-Freisinger, чьи пилоты — Алексей Васильев, Николай Фоменко и Стефан Ортелли — приучили европейскую публику регулярно слушать российский гимн во время церемонии награждения.

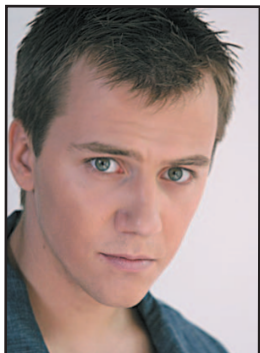
Шестнадцатилетний россиянин Тимур Садрединов успешно стартовал в общеевропейском Кубке Volkswagen Polo — самом младшем кузовном чемпионате. Так что, быть может, вырастет из Тимура классный гонщик, достойный участвовать в WTCC, DTM или FIA GT.

В «Формуле 3000» Виталий Петров стал первым россиянином, которому удалось подняться на подиум в этой гонке. В мировой серии Renault большие надежды подает Михаил Алешин, а в «Формуле Renault» счет своим победам открыл 17-летний пилот команды Лукойл Рейсинг — Сергей Афанасьев.

Так что, надежда есть. По крайней мере, есть пилоты, способные за кратчайшие сроки дораста до мирового уровня. Дело за малым —

за строительством гоночных трасс. Одно время на этом поприще очень активно вело себя правительство Москвы. Очень уж хотелось им иметь у себя трассу, на которой проходили бы гонки «Формулы 1». Но дальше желаний дело так и не сдвинулось, хотя разговоры о возможном строительстве не утихают до сих пор. Теперь вот ветер надежды повеял из Тольятти, где руководство АВТОВАЗа решило построить на базе своего испытательного полигона в селе Сосновка автодром LADA RING. Трасса, протяженностью в четыре с половиной километра, по замыслам, должна будет отвечать всем нормам FIA, так что, на ней можно будет принимать и международные соревнования. Проект строительства — комплексный. В него, кроме трассы, входят гостиницы, трибуны, другие объекты инфраструктуры. Цена вопроса — 20—30 миллионов долларов.

Даже если два этих амбициозных проекта и осуществляются, полученного будет все же недостаточно для развития отечественного автомобильного спорта. Необходимо, чтобы к строительству трекров подключались и частные лица. Ведь трек может стать собственностью, регулярно приносящей прибыль. Во-первых, трассу можно сдавать для проведения официальных гонок. Во-вторых, открыть на ее базе автошколу для обучения всех желающих азам гоночного мастерства. В-третьих, в России куплено огромное количество быстрых и очень быстрых автомобилей. Но ввиду плотного движения и ужасного состояния полотна дорог полностью реализовать потенциал машины нигде. Поэтому ничто не мешает на выходные сдавать трассу участникам, чтобы те почувствовали себя шумахерами. Да мало ли что можно придумать! Было бы желание. □

В Иван Жидков:
сегодняшней
жизни

МНЕ НРАВИТСЯ

ВСЕ!

У Ивана Жидкова все получается легко, игриво, весело, с юмором. Подвижный, как ртуть, Ваня в свои 22 года выглядит почти мальчиком. Непосредственный, обаятельный! Но за кажущейся легкостью характера стоит уже сформировавшаяся умная и серьезная личность, со своим мнением и твердыми принципами.

Да и судьба благосклонна к своему баловню. Захотел... и приехал из Екатеринбурга покорять столицу! И, к слову сказать, из совсем не актерской семьи: мама — юрист, папа — инженер.

Решил... и поступил в школу-студию МХАТа (курс Евгения Борисовича Каменьковича). Мечтал... и был зачислен в 2004 году в труппу московского Театра-студии под руководством Олега Павловича Табакова.

И еще — играет на сцене самого прославленного и ведущего театра России — МХТ им. Чехова (под руководством О. Табакова).

Кроме того, Иван Жидков снимается в кино, много и успешно!

Я впервые увидела Ивана Жидкова в фильме Петра Тодоровского «В созвездии быка», где актер сыграл своего ровесника, но в годы Великой Отечественной войны.

Война не присутствовала в кадре «первым лицом», но являлась главным фоном происходящего и двигателем сюжета. В маленькую,

забытую Богом деревеньку, где всем хозяйством заправляли одни самоотверженные бабы — мужики ушли на фронт — и попадает горожанин Игорь (Иван Жидков). Игорь сразу же становится соперником местного пастуха Вани, ибо девушка Вани явно предпочитает Игоря... Но фильм не о любви!..

Оба подростка отправляются в соседнюю деревню раздобыть хоть какой-нибудь корм для голодного скота. А деревня оказывается оккупированной немцами. Ребятам приходится тащиться на далекие заснеженные поля... Дорога сквозь пургу и неожиданно свалившийся «на голову» немец, их ровесник...

— Правильно, что мы начали разговор с этого фильма, — говорит Иван Жидков. — Он для меня на се-

годня — главный. Не только как первый кинематографический опыт, но и как роль, которая для меня очень много значит.

— Я знаю, что фильм снимали долго. Почему?

— Надо было поймать «снежную натуру». Ведь в картине все происходит зимой, и нужен был настоящий снег.

— А почему не использовали снег «кинематографический»?..

— Петр Ефимович Тодоровский хотел максимально приблизить нас к «натуральным» условиям, чтобы мы почувствовали холод всей кожей, — смеется Иван.

— И ты почувствовал?

— Еще как почувствовал! Это был ужас! В 5 утра вставал. С 5 до 9 сидел на гриме. Потом надевал тулуп, валенки, еще не просохшие за ночь, просто мокрые... И уходил в степь. В метель. Когда моего героя ранили в плечо, по сюжету, его требовалось перевязать, так я, пока шли дубли, почти два часа пролежал на снегу при морозе минус 7. Да еще ветер дул пронизывающий. Можешь себе представить?..

— А где проходили съемки?

— Под Саратовом и в Подмосковье. Но на самом деле, я больше всего удивляюсь жизнестойкости и

выносливости Петра Ефимовича Тодоровского. Мне кажется, что даже молодой режиссер не выдержал бы, не смог бы «выстоять» картину. Честно скажу, ситуации были почти экстремальные. Все время фильм был под угрозой закрытия, почти каждый день... И как Тодоровский себя держал! У него такое мужество, о котором, наверное, только в книжках пишут... Мне кажется, он до сих пор нравится женщинам. От него исходит колоссальная энергетика! И еще он — личность. Без какой-либо фальши, так свойственной нашему брату, кинематографисту.

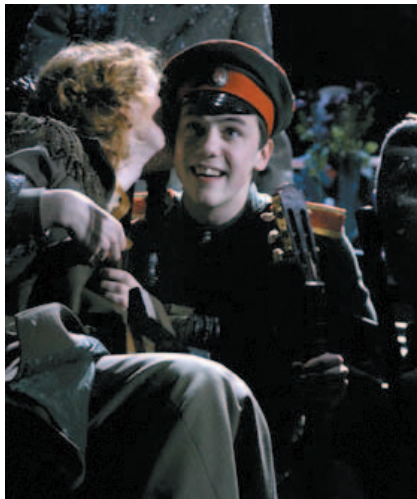
— Ваня, а ты сам искренний?

— Стараюсь. Просто не люблю ложь в любом ее проявлении — в чисто человеческом, в кинематографическом, в сценическом...

— Создавая образы на экране, на подмостках сцены, актеры влияют на зрителя. Даже говорят, что хороший актер «чистит» души людей! Согласен?

— Нет! На сегодняшний день скорее оглушает. Особенно старается телевидение. Всякого рода разыгрываемые шоу, программы... Просто нет слов...

— А бесконечный поток сериалов?! Уж точно отупеешь...

— Насчет сериалов я не совсем с тобой согласен. Начну с того, что сериал сериалу рознь. Естественно, если смотреть с пятью миллионами серий... Это понятно, что они никуда не годятся! На мой взгляд, если сериал хочет на что-то претендовать, не надо снимать больше 10 серий! И потом, даже отличный актер, который играет в 20—30 сериальном формате, начинает повторяться, появляются «штампы», вызывающие только раздражение... Да и зритель становится скучно.

Вот в Америке, например, есть три линии кино: А, Б и С. «А» — лучшее кино, элитное, высокохудожественное. «Б» — кино среднего уровня. А «С» — ширпотреб: блокбастеры, боевики, триллеры, ужастики... И вот, смотри! Ведь все фильмы востребованы. Люди-то — разные, вкусы, желания, умственные способности у них различаются. Например, если взять наши русские сериалы. Кто-то смотрит «Есенина», «Мастера и Маргариту», «В круге первом»,

кто-то — «Солдаты», «Грозовые ворота», а кто-то и «Исцеление любовью»... И все ведь довольны!

— *Сегодня в русском кино таких четких границ нет, как в американском, но на самом деле они были и есть.*

— И будут! Потому что все зависит, в первую очередь, от качества и формата. Ну, и, конечно же, от вкуса самих людей.

Но, с другой стороны, если учитывать меркантильный интерес, се-

риал для актера — вещь замечательная. Это хороший шанс для начинающего артиста. Первая ступень в большой кинематограф. Во-первых, обретаешь популярность, что так необходимо в нашей профессии: быть узнаваемым, быть на виду. Это играет колоссальную роль. Во-вторых, это — нормальные деньги. В-третьих, накопление актерского опыта, занятость, постоянный тренаж. Многие сегодняшние «звезды» начинали свою карьеру с простых сериалов. Да и известные актеры от хорошего сериала сегодня тоже не откажутся.

Сериал — в конце концов, востребованность. И уж, конечно, престижней, чем съемка в каких-нибудь рекламных роликах о пиве, прокладках и памперсах...

— **Но в рекламе, наверное, больше денег платят?**

— Нет. Молодым, не очень известным актерам платят в рекламных роликах мало. Это маститые актеры, с именем и популярностью, запра-

шивают и получают много денег. А для начинающего актера сериал, повторяю, самая лучшая ступень в карьерном, творческом росте.

— **Ваня, а ты в скольких сериалах уже снялся?**

— В 2005 году снялся в сериале «Солдаты». Там я играю только в первой серии младшего лейтенанта Юрия Самсонова. В «Детях Ванюхина» был занят сразу в двух ролях — братьев-близнецов Макса Ванюхина и Ивана Клауса.

В начале 2006 года зрители увидели фильм «Грозовые ворота». Это — заказ ОРТ. Фильм тяжелый, о чеченской войне. Я играю там Константина Ветрова. Сценарий «Грозовых ворот» мне чем-то напоминает картину Федора Бондарчука «9 рота». Но там речь шла об Афгане, а тут, у нас, о 6 роте в Чечне. В сериале использовано много спецэффектов, компьютерной графики, взрывов, крови...

Сегодня я снимаюсь в 12-ти серийном формате, который называется «Сеть». Про хакеров. Сценарий картины, на мой взгляд, очень интересный. Это не какие-нибудь «ботаники» в очках, а отчаянные и умные ребята. Снимает фильм молодой режиссер — Нурбек Эген.

В «Сети» я играю хакера, а сам в компьютере ни бум-бум!.. Хотя я — вполне современный. Мне в сегодняшней жизни все нравится — и то, что все замешано на рейтингах, на мидийности, на деньгах, на успехе. Все в динамике. Может, кого-то и раздражает, что сегодня нужны такие качества, как коммуникабель-

ность, сообразительность... А меня это устраивает. И я себя в этом времени комфортно чувствую. И вообще, мне жить нравится!

— А дается все это легко?

— Да как когда... Не все, конечно, гладенько-сладенько. Случилось так, и с девушкой любимой расстался, которую очень любил целых пять лет... Вот и друг близкий обобрал меня до нитки... Я сюда вообще из Екатеринбурга приехал таким «солнцем», таким «солнцем»... А Москва то крылышки обламывает...

— И слезам не верит...

— Зато иммунитет вырабатывает. Я здесь уже — 6 лет. Москва — самый замечательный город! Я живу в центре. Работаю у Олега Павловича Табакова. Разве это не классно?!

— А еще за роль Николки в «Белой гвардии», что идет в МХТ, ты стал лауреатом театрального фестиваля «Московские дебюты».

— Может, нескромно так говорить, потому что я занят в этом спектакле, но «Белая гвардия», на

сегодняшний день, самый лучший спектакль МХТ. Сама пьеса Михаила Булгакова «Дни Турбиных», конечно же, сложная, трагическая. Это историческое, строгое и печальное повествование о переломе в революции, об ужасах гражданской войны, о крови, неразберихе, нелепых смертях... Словом, это трагедия ненужности и потерянности русского интеллигента в хаосе «нового» времени.

Мой герой — тоже растерян. Непонимающими глазами он смотрит на жизнь. Николка мечется в поисках истины, теряет дорогих людей, да и сам становится жертвой... Такая роль требует большой эмоциональной нагрузки.

— *А, кроме Николки, есть другие театральные работы?*

— На сцене МХТ я участвую еще в спектакле «Ю», где играю Дмитрия. В «Табакерке» занят в «Биоксидозе» и опять в классике: «Последние» Максима Горького, играю Петра. И в спектакле по мотивам произведения Льва Толстого «Воскресенье. Супер», — пастора Кезевотра.

— *Ваня, расскажи, как ты попал к Табакову?*

— Во время экзамена по актерскому мастерству, еще на 3-м курсе, Олег Павлович выбирал из студентов Школы-студии МХАТа будущих актеров в свои театры. И мне повезло: я оказался в числе счастливых.

— *В чем бы хотелось равняться на Табакова?*

— У!.. Это вообще — удивительный человек. Олег Павлович, в первую очередь, выдающийся актер! Во-вторых, обладатель прекрасных организаторских способностей! Вот смотри, человек приходит в МХТ, огромный театр, первый театр страны, и за четыре года восстанавливает театру былую славу и популяр-

ность. В труппе МХТ сегодня — самый «звездный» коллектив, «звезда» «звездой» погоняет. Кроме того, труппа постоянно обновляется. Олег Павлович набирает молодых актеров, зовет самых перспективных молодых режиссеров. Дает нам колоссальные шансы и возможности для творчества.

Меня радует, что в наш театр потянулись люди. Вообще, сейчас опять стало модным ходить в театр и кино. И когда на Камергерском у касс я вижу огромную очередь, душа радуется! И все это — заслуга Олега Павловича Табакова!

— *А кумир в искусстве у тебя есть?*

— В Библии сказано: «Не сотвори себе кумира...» Но, несмотря на это, конечно же, мне хотелось бы равняться на Олега Павловича Табакова. На него нельзя не равняться. Такая уж он легендарная личность!

— *А что ценишь больше всего в людях?*

— Искренность вообще и по отношению к себе в частности. Ценю целеустремленность. Независимо от профессии и материального достатка. Когда у человека есть цель, у него взгляд другой становится. Глаза горят!..

Для меня главное в человеке не то, как он одет, как богато выглядят атрибуты достатка, «ракуры» его особняка, а его душа, его суть, его творчество.

И, конечно же, ценю в людях чувство юмора. Не люблю слишком серьезных, «надутых» людей.

— *Ты собой доволен?*

— Если я больше буду следить за своим здоровьем, ходить в тренажерный зал и стану более собранным, тогда, пожалуй, и буду собой доволен! □

Беседовала *Лариса Абкарова.*

Максут
Хундамов

ОТ

карбоната к чемпионату

Какие ассоциации у вас возникают при упоминании розовенького поросятка? Правильно. Сугубо гастрономические, подозреваю, что многие из вас уже начали припоминать любимые рецепты приготовления молоденьких хрюшек. Но как ни странно, далее речь никоим образом о кулинарии не пойдет, а будет касаться прямо-таки вещи обратной — спорта.

Доподлинно известно, что в России еще во времена Ивана Грозного существовали пороссячьи бега. Говорят, что царь лично присутствовал на соревнованиях в качестве члена жюри. Правда, у победителя судьба была незавидная. Сразу после финиша он прямоком попадал на царский стол.

Сегодня нравы стали более дружелюбными, поэтому победителей не едят. По крайней мере, так говорят зрителям, а уж как оно на самом деле... Как бы то ни было, бега поросят имеют давнюю и очень интересную историю. Причем истории эти происходили не где-нибудь за далекими рубежами, а прямо-таки в нашей Отчизне.

В свои девические годы будущая императрица Елизавета Петровна в числе прочих развлечений любила побаловаться охотой на кабана. Что интересно, самые богатые угодыя в те времена находились прямо-таки в двух шагах от Кремля. Так вот, если во время охоты убивали мат-

ку, ее поросенок не трогали, а отправляли на специальную подмосковную ферму, где их растили и готовили к бегам. Будущая императрица любовно называла поросят арбузиками (видимо, из-за их полосатого окраса), и не было у нее большего удовольствия, чем дать стартовый выстрел.

Считается, что последний раз пороссячьи бега проводились в Москве в далеком 1898 году. Произошло это на Цветочном рынке, что на Трубной площади. Весной там шла бойкая торговля цветами и всякой живностью. Также работал тотализатор на пороссячьих бегах. Говорят, что, проезжая мимо рынка, младшая дочь Николая II княжна Ольга заметила скопление людей и приказала остановить карету. Не удержавшись, она сделала ставку на понравившегося ей поросенка и проиграла целых 200 рублей, деньги по тем временам — просто огромные. Что последовало за проигрышем — неизвестно. Но бега больше

не проводились. Было ли это связано с некоторыми репрессиями со стороны властей, или просто бегуны кончились — история об этом умалчивает.

И вот по истечении целого века с хвостиком в нашей стране решили возродить старинную традицию, поросячий бега, то есть. Но одного желания мало. Необходимы спортсмены. А где их взять? Организаторы первым делом попытались найти искомый материал на свинофермах, что вполне логично. Но поиски не увенчались успехом по одной простой причине. Потомственные племенные свинки, как оказалось, успешно смогли справиться только с одним видом состязаний — обрастанием жиром на скорость. Понятно, что с такими данными в спортсмены лучше не соваться. Что делать? Опустить руки и забыть про хорошую идею?

Не тут-то было. На выручку пришла родная краснознаменная, ордена Ленина и так далее часть рос-

сийской армии. Точнее, не собственно она, а ее подсобное хозяйство. Для разнообразия солдатского рациона там завели свиней. Понятно, что кормили их объедками из солдатской столовой. Тот, кто служил, знает, в солдатской столовой объедков не остается, вот и росли хрюшки подтянутыми и спортивными.

В общем, спортсменов нашли, федерацию зарегистрировали, помещений, готовых принять соревнования — хоть отбавляй, а уж в зрителях, жаждущих хлеба и зрелищ,

недостатка никогда не было. Дело за малым — натренировать будущих чемпионов.

Но подход к ним нужен особый. Насилия над собой не терпят вообще. Чуть что — оглашают всю округу таким истошным визгом, что успеешь пару раз проклясть саму идею связываться со свиньями. Как бы то ни было, про метод кнута с поросятами лучше забыть раз и навсегда. Только пряник. Точнее фрукты и овощи. Особым деликатесом пяточки считают отварную морковь, а если ее еще и сливками полить... Получится лучший стимул для будущего рекордсмена.

Тренировки начинают едва ли не с самого рождения. Вначале поросенок пробегает всего несколько метров до возжеленного лакомства. Постепенно дистанцию увеличивают, пока она не достигнет 12 метров. Считается, что это — максимальное расстояние, на котором хрюшка может учуять запах лакомства. Где-то в два месяца поросят можно выводить на официальные соревнования.

Сигналом к старту служит не выстрел из пистолета, а записанный и воспроизведенный «голос» свиноматки. Так гораздо гуманнее, поскольку любого громкого звука поросятки очень боятся. И даже от аплодисментов теряют голову и начинают судорожно метаться по вольеру, стараясь сбежать от источника звука. Поэтому организаторы всегда просят гостей состязаний во время забега соблюдать абсолютную тишину.

Кроме собственно бега, поросят научили играть в футбол. Правда, в классическом понимании их активность на поле к футболу имеет довольно опосредованное отношение. Здесь используется природная тяга свинок к рытью земли пятачком. Для того, чтобы они рыли не землю, а все-таки гоняли мяч, его натирают чем-нибудь пахучим. Рыбьим жиром или хлебом. Ворот нет, а есть две линии, на разных концах площадки. Гол считается забитым, как только мяч пересечет одну из линий. Зрелище, конечно, довольно сумбурное, но весьма забавное.

Если же вы хотите иметь поросят дома в качестве домашнего животного, то обычные свиньи вам не подойдут. Какими бы они ни были прекрасными и маленькими в младенчестве, через пару лет природа обязательно возьмет свое, и ваши питомцы превратятся в о-

ромных боровов и хавроний. Но выход есть. Не так давно была выведена порода карликовых свиней. Во взрослом состоянии их вес не превышает пятнадцати килограммов, а ростом они чуть больше среднестатистической кошки. При этом они очень умные и отлично поддаются дрессуре. С удовольс-

твием ходят дома в кошачий туалет и выполняют те же команды, что и собаки. Стоят, правда, дорого. Порядка тридцати тысяч рублей, но за удовольствие выйти во двор и шокировать местных собачников умениями вашего хрюкающего питомца это — вполне разумные деньги. □

Денис
Логинов

КАЗНЬ

163-го горожанина

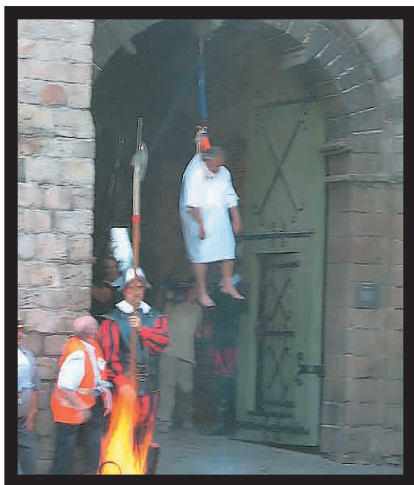
Ежегодно, в середине июля, жители одного из красивейших городов Европы сходят с ума: средь бела дня, с петлей на шее идут... на эшафот.

Историки утверждают, что все началось в середине XVIII века. В самый разгар лета, когда церковные праздники отмечались красными числами едва ли ни через день. Ну а в субботу и воскресенье — вообще великий грех не пропустить пару хороших кружек за очередного святого.

Поэтому для граждан города Гента, в основном, рабочих текстильных мануфактур, летние месяцы превращались в великие загулы по выходным и тяжким похмельем в начале рабочей недели. Доподлинно известно, что «набирались» так, что даже не могли выйти на работу, к великому огорчению местных промышленников. План производства горел, заезжие купцы маялись на постоялых дворах, а грузовые суда в большом числе скапливались у причалов. Матросы, оставшиеся не у дел, празднично шатались по городу, заполняя питейные заведения и давая работу ломовым извозчикам, которые привозили их на причал к баркасам и в буквальном смысле сваливали у трапов.

И тогда капиталисты, подсчитав убытки, приняли изощренное в своем коварстве решение — они уст-

роили десятидневный праздник для всего города, чтобы пролетариат настолько нагулялся, что уже не мог бы пить и волей-неволей соблюдал положенный рабочий график.

Исторические хроники свидетельствуют, что надежды кровопийц-эксплуататоров сбылись! Мало того — идея пришлась горожанам по душе! Редкий случай единения желаний

буржуа-угнетателя и поработенного пролетария.

Так что: «Даешь декаду беспробудного веселья!»

И гуляют, надо признаться честно, — все! Ну, и, естественно, наливают тоже от души! Пиво — не в счет. Оно вместо воды, вместо первого, второго и третьего.

Но на десерт — только знаменитый жenever. Можжевельная водка, которая родилась здесь же, в Генте. В городском музее вам с легкостью докажут, что это — именно так. Там, кстати, можно увидеть целые полки с трактатами великих ученых о можжевельнике, одним из самых экологически чистых растений на Земле, а также познакомиться с 6-ю основными рецептами приготовления знаменитого напитка.

Это уже много позже очарованные до зеленых чертиков в Генте англичане стали производить у себя на островах «настоящий английский-

кий джин». Настоящий же, гентский женевер, не только выдержал конкуренцию, но и посрамил надменных бритов разнообразием сортов горячительного напитка.

С того самого времени сохранилась в Генте у старых соляных складов на берегу речки «Рюмочная». Прекрасное, по мнению истинных ценителей женевера, заведение! С

богатым ассортиментом и демократическими ценами.

За сущие, по теперешним ценам, копейки вам предлагают отведать из стеклянных наперстков не менее 150 (!) сортов женевера. Настоящего не только на душистой землянике или лесной малине, но и на совсем уж экзотических ягодах: китайских личи, плодах пустынного кактуса

или американской агавы. Для гостей из восточных стран — отдельное меню: женевер «Antonov ogon» (разумеется, со вкусом и ароматом настоящих антоновских яблок), крепчайший клюквенный под названием «Boloto», ну, и разящий наотмашь «Lesoroval», замороженный свежей таежной морошкой.

Гурманы могут все это окончательно заполировать горячим виш-

невым пивом «Kriek» в соседней пивной.

На буйное всеобщее гулянье съезжаются артисты, музыканты и художники со всех стран мира. В этом году публику развлекали почти 300 разных джазовых групп и оркестров бродячих музыкантов. Поглазеть и послушать их, хлопнуть кружку настоящего, пенного, ледяного «Карла Кайзера» (да еще и «на крану»!) приехало больше полумиллиона гостей. Судя по всеобщему праздничному настроению, они хорошо растрясли здесь свои карманы и кошельки. Известно, что в прошлом году в барах, пивных и тавернах Гента посетители оставили почти 50 миллионов евро.

Однако какой же праздник без карнавала! И он был впервые организован 163 года назад. Когда вдруг вспомнили, что у жителей славного

города Гента есть, прямо скажем, не очень жизнерадостное прозвище — «висельники».

Пришло оно из XVI века. Случилось так, что их земляк стал императором Священной Римской Империи Карлом Пятым.

Сейчас, с высот исторического развития, представители ученого мира приписывают Карлу создание прообраза нынешнего Европейского союза.

Нечего и говорить, что все горожане не без оснований рассчитывали, что теперь-то Генту будут всякие поправки. И торговые, и налоговые. Но землячок надежд не оправдал. Затеянные им войны были весьма разорительными и требовали новых и новых вливаний в быстро пустевшую казну. Пополнение шло извечным способом: взиманием все новых и новых налогов с подданных обширной империи. Од-

нажды Карл, объезжая владения, прибыл в родной город. Встретили императора «всея Европы» с превеликими почестями. Но черной неблагодарностью ответил согражданам Карл Пятый. Узнав, что Гент не входит в число активных налогоплательщиков, а его жители, и того хуже, требуют послабления сбора податей, строгий Карл повесил на воротах своего родового гнезда — Фландрской крепости — первого попавшегося знатного горожанина, а всем остальным уважаемым жителям велел явиться на главную площадь Гента босиком, в одном исподнем и с веревками на шее. Причем своими. Таким образом, прилюдно унизив земляков, Карл милостиво даровал пришедшим на плаху жизнь, однако предупредил, что перекладина у многочисленных крепостных ворот хватит на всех. Угроза подействовала. Деньги исправно сыпались в имперские сундуки, но обидное прозвище «висельники» сохранилось за законопослушными жителями на века. Тем не менее этот не очень героический эпизод истории стал предметом национальной гордости.

Итак, в 1843 году решено было отметить шутивым карнавалом «висельников» последний, десятый, день всеобщего народного гулянья. Выбрали достойного кандидата на роль «повешенного». В специальном, не очень заметном под исподней рубашкой каркасе его прилюдно «вздернули» на перекладину, под которой прошли печальным строем уважаемые люди города Гента.

Нынче действо повторяется уже в 163-й раз. Несколько месяцев шла дискуссия — кто на новенького под перекладиной? После долгих споров остановились на владельце местного похоронного бюро. Его жизнь признали честной и праведной, а работу управляемого им предпри-

ятия — образцово-показательной. Было видно, как гордость буквально распирает «счастливчика», когда фламандцы с секирами, распивающие хмельную брагу возле костров, мигом «вздернули» отличника похоронного дела на ту самую злополучную перекладину.

Под темными от хождения по булыжной мостовой пятками «самого уважаемого» текла торжественная толпа «висельников». Заместители бургомистра, начальники управлений муниципалитета, известные банкиры, адвокаты. Все, разумеется, в ослепительно-белых рубашках, босиком и с веревками на шее.

Процессию встретили бурными аплодисментами, а вот самого Карла, поразительно похожего на правящего почти пять веков назад европейского диктатора и шествовавшего под большим шатром, влекомым дюжиной слуг, толпа (теперь уже не стеснясь!) осыпала нехорошими словами и даже откровенной нецензурной бранью.

Вместо эпилога

Мировые информационные агентства сообщили, что Премия Карла V присуждена в этом году бывшему президенту СССР Михаилу Горбачеву: «Как внесшему большой вклад в европейское строительство и позволившему осуществить позитивные политические изменения в России и Восточной Европе».

Ну, слава Богу! Как-то радостно сознавать, что к виселицам на главных площадях горожане, да еще со своими веревками на шее, теперь благодаря неустанным заботам современных реформаторов идут только в шутивых карнавалах! А пеньковая удавка — самый главный гентский сувенир. □

РЭП

В РОССИЙСКОМ ИСПОЛНЕНИИ

Откуда появился рэппер Серега — не совсем ясно. Сам артист уверяет, что продюсера у него нет, а стремительному успеху он в первую очередь обязан своим «старшим товарищам». Личности «старших товарищей» Сереги также не установ-

лены. Достоверно известно, что «Серёга» — первый артист лейбла «King Ring», творческого формирования, имеющего своей целью развитие хип-хопа и стиля «R&B» в России. Известно также, что Серёга — автор музыки и текстов всех своих песен.

работающая также с певицей Глюкозой, выпускает макси-сингл начинающего певца. Диск из пяти композиций издаётся в России и Белоруссии, однако вызывает у общественности более чем скромный отклик.

Почти одновременно с этим со-бытием минский режиссёр Сергей

Приблизительной датой рождения проекта «Серёга» стало лето 2002, когда был написан первый номер из цикла «спортивные частушки». Уже спустя несколько месяцев московская компания «Монолит»,

Талыбов снимает клип на композицию «Кукла». Пройдёт больше года, прежде чем клип начнёт ротироваться в эфире «MTV Russia».

Убедившись в неоднозначной реакции слушателей на «спортивные частушки», осень 2003 года Серёга завершает работу над полномформатным альбомом «Мой двор: свадьба & похороны».

Избрав для старта Украину, певец «взламывает» формат украинских телеканалов. Впервые появившись в эфире популярного М 1 в проекте «Твій формат» года, он завоевывает все новых поклонников. Этот эфир

оказался знаковым для проекта, утвердив за его лидером прозвище «Славянский Эминем» (Эминем — популярный белый западный исполнитель музыки в стиле рэп).

Через несколько недель звукозаписывающая компания «Megalane-records» устраивает и в России релиз диска «Мой двор. Спортивные частушки».

Тираж дебютного альбома по всем трём территориям: Украины, Белоруссии и России внушительен: в одной только Украине всего за четыре месяца было продано около 200 000 юнитов.

Успех не вскружил голову музыкантам — проект не собирается останавливаться на достигнутом. Сереге нужен новый клип. В качестве режиссёра в этот раз выступает киевлянин Владимир Якименко. Летом 2004 года в Киеве проходят съёмки клипа на композицию «Чёрный бумер», сейчас хорошо известного у нас.

А вскоре становится известно, что, несмотря на то, что с момента релиза дебютного альбома коллектива в России не прошло и трёх месяцев, проект «Серёга» номинирован на ежегодную премию «MTV Russia» в двух номинациях: «Лучший хип-хоп проект года» и «Лучший дебют года».

Первая российская церемония вручения наград MTV прошла в зале Кремлёвского дворца съездов 16 октября 2004 года. Серёга номинирован, но не получает награды ни в одной из заявленных категорий. На момент вручения «MTV Awards» в России продано около 250 000 официальных копий дебютного альбома Серёги, а видео «Чёрный бумер» — лидер всех четырёх хит-парадов: «MTV Russia»: «TOP 10», «TOP 20», «RINGTON-CHART», «SMS-CHART».

Вскоре артиста заметили режиссеры и стали приглашать сниматься

в кино и телесериалах. Способность Серёги передать настроение и задумку режиссера в музыке и ритме, эмоционально дополнив сюжетную линию, была оценена по заслугам. Песни, взятые саундтреками в фильм, стали суперхитами. Самый раскрученный и нашумевший фильм Первого канала «Дневной дозор» также не обошёлся без Серёги. Рэппер принял участие в записи саундтрека к продолжению нашумевшей кинооперы о борьбе добра и зла и написал трек «Мел судьбы, или Песня Тамерлана».

И еще: мировой офис «Kango I», компании-производителя культовых головных уборов в мире хип-хопа, подписала контракт с русским рэппером Серёгой о производстве совместных моделей кепок. Первые шесть моделей предполагают выпустить в конце лета 2006 года. По условиям контракта, на всех моделях рядом с силуэтом кенгуру, логотипом фирмы, будет размещена «корона в кольце», или «King Ring» — официальный логотип лучшего русского рэппера по версии RMA 2005 года.

— Серёга, вы ездили в экзотическую поездку в Африку. Это было связано с работой? Но ведь рэп исполняют, в основном, афро-американцы.

— И да, и нет. Поводом к путешествию в ЮАР послужило не желание приобрести парочку бриллиантовых камешков по демпинговым ценам, как могут некоторые подумать, а скорее, наоборот, — прочувствовать на себе все «тяготы и лишения» путешественника, оказавшегося в необитаемых районах Южно-Африканской республики. Другими словами, я принял участие в съёмках очередной серии популярного реалити-шоу «Последний герой: Сердце Африки», которое стартовало на Первом в на-

чале ноября прошлого года. В сердце Африки меня заманила тяга к приключениям и здоровый авантюризм. По сюжету, я должен помогать участникам проекта в борьбе за выживание в непростых условиях дикой местности и, понаблюдав за ситуацией изнутри, отдать свой голос в поддержку одного из игроков.

В один саундтрек к этому фильму. Вопреки всему, народная молва упорно ассоциирует этот трек с вышеуказанным криминальным блокбастером. Возможно, поэтому спустя некоторое время «Черный бумер» засветился в гоблиновской версии фильма — «Антибумер». А вслед

Все дни съемок я вместе с другими участниками испытывал на себе прелести жизни в самом сердце дикой африканской природы. На каждом шагу участников подстерегали трудности, начиная с поиска еды, общения с аборигенами и заканчивая борьбой с постоянно меняющейся погодой и стаями насекомых.

— Шоу-бизнес и киноиндустрия всегда шагали «рука об руку». Многие из нынешних звезд уже засветились в создании саундтреков к фильму...

— Преуспел и я. Причем моя популярность у слушателей зачастую шагает впереди меня самого. Так, мало кто знает, что хит «Черный бумер» не имел никакого отношения к фильму «Бумер» и не вошел ни

за этим и в популярном сериале «Хроники убойного отдела».

— Насколько я знаю, это не единичные случаи вашего общения с миром кино. Вы даже стали сниматься!

— Да, мои серьезные взаимоотношения с кино начались с предложения режиссера Алексея Сидорова посотрудничать в создании саундтрека к фильму «Бой с тенью». Специально для этой киноленты я написал три темы — боя — «Кинг Ринг», тему любви — «Лебединая» и тревоги — «Здесь и сейчас». Вслед

за этим пошли предложения снять-ся в телесериалах.

В популярном СТС-овском sitcomе «Дедушка моей мечты» я сыграл самого себя.

— **Ходят слухи, что ваша популярность уже выходит за пределы СНГ.**

— Воспользовавшись предложением одной из европейских киностудий, я записал песню «Flyguu», которая вошла в саундтрек к комедии немецких кинематографистов «Goldene Zeiten». Но о серьезных киноролях я пока не думаю, мотивируя это отсутствием времени и по-настоящему интересных предложений. Вместо этого продолжаю снимать видеоклипы.

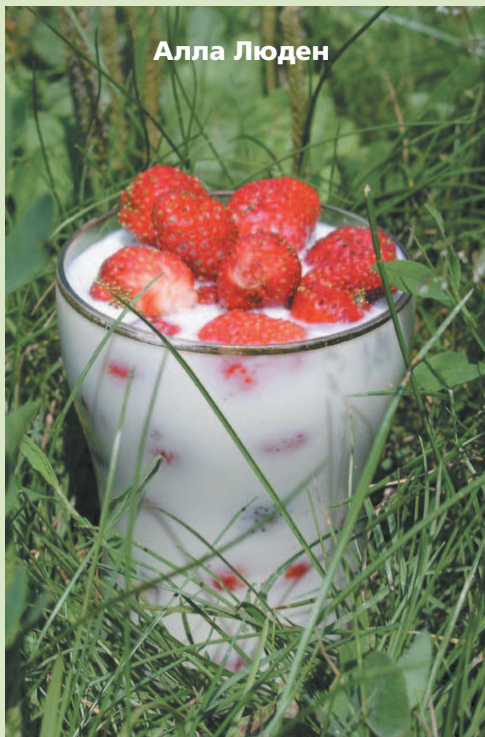
— **Какие-нибудь происшествия во время съёмок бывают?**

— Как говорится, от тюрьмы и от сумы — не зарекайся! Волею режиссера, в один из съемочных дней я оказался на... «тюремных нарах». Специально для видеоклипа в са-

мом большом павильоне киностудии им. А. Довженко были построены тюремные камеры, по внешнему виду ничуть не уступающие настоящим. Вот вам и «ганста-рэп»! Я быстро вжился в роль и настолько разошелся, что в одной из сцен, изображая отчаяние, чуть было не сломав декорации, серьезно поранил руку. Но меня это не остановило. Я сказал, что подобные травмы для меня — не впервой, попросил гримера замаскировать «ранение» и спокойно продолжил съемки. □

Беседовала
Ольга Быстрых.

СНЕГУРОЧКА НЕ ТАЕТ В СЕНТЯБРЕ

Вот и осень пришла... Ну, и что, все равно на улице еще лето. И надо не грустить, а наслаждаться теплыми деньками, картинами цветущей природы. А об осени и вслед за ней идущей зиме можно вспомнить только для того, чтобы как следует подготовиться к холодной и

ветреной погоде, которая так плохо действует на нашу кожу и настроение.

Так что, отправляемся в сады, огороды, а у кого их нет, то на ближайший рынок. И еще про леса и луга не забудем. Набираем всевозможных травок, свежей зелени,

ягод и замораживаем все это впрок. Дело в том, что умывание ледяными кубиками по утрам очень полезно в любое время года. И не случайно такая процедура стала чрезвычайно модной в последние годы. Обеспеченные люди, конечно, ходят в дорогие салоны, где, помимо всевозможных массажей и масок, им массируют лицо и шею специальными криопакетами. Но это слишком дорогое удовольствие. Да и зачем тратиться, если можно заменить все это кубиками из замороженного натурального сока или отвара целебных трав. Если такую процедуру выполнять ежедневно, эффект от ледяного умывания будет потрясающий и продлится довольно долго.

Ведь в вашем кубике совсем не будет химии, и никакие другие косметические средства не в состоянии так замечательно тонизировать кожу и помогать ей впитывать разнообразные витамины и микроэлементы! К тому же учтите, что каждый кубик — это активная добавка к любому крему и питательной маске из домашних средств опять же.

В чем же секрет воздействия льда? У резкой и быстрой смены температур есть много плюсов — возникает противовоспалительное действие. И если у кого-нибудь, к сожалению, есть угревая сыпь и повышенное салоотделение, ледяное умывание вам поможет справиться с такой напастью. Так что, для жирной кожи это то, что надо.

А если кожа очень чувствительная — умывать ее обычной хлорированной водой из-под обычного крана вредно, так как может возникнуть нежелательная реакция на хлор. А вот ледяные кубики в таком случае придутся кстати. Только будьте осторожны, если на лице есть со-

судистая сеточка или аллергия на холод.

Замораживаем все

Можно заморозить целые плоды, например, клубнику и мелкие помидоры. После того, как достанете их из холодильника, сразу в дело не пускайте, пусть плоды слегка оттают, легче будет резать на половинки. Лицо и шею можно протирать синхронно сразу с двух сторон. Потом, когда они окончательно разморозятся, разомните и сделайте из них маску.

Другой способ — отвары и соки. Как их приготовить, всем понятно. Замороженным кубиком протереть кожу несколько раз, не давая ей высохнуть. И остатки тоже заморозить, а потом либо ими умыться, либо смешать с приготовленной заранее маской-примочкой.

Из протертых ягод (естественно, без сахара, это есть не будем, лучше угостим кожу) можно сделать отличные косметические заготовки. Ягодное пюре расфасовать в специальные пластиковые ванночки или в то, что у вас есть для замораживания, и отправить в морозилку. Только постарайтесь сделать так, чтобы в каждом замороженном кубике поместилась примерно одна столовая ложка пюре — именно столько нужно для одной порции. И также протирать лицо, а потом можно сделать из него хороший лосьон для умывания.

Льдом умываемся правильно

Есть в этой процедуре один неприятный момент: вынимая кубик из формочки и потом протирая лицо, его трудно удержать, да еще он неприятно морозит пальцы. Удобнее будет вынуть кубик из пластиковой

формочки, если перед замораживанием воткнуть в нее спичку или зубочистку так, чтобы конец выходил наружу. И проблема решена.

Кубиком надо обтирать все лицо, захватывая область вокруг глаз, шею и зону декольте. Действовать надо быстро, не дольше одной минуты.

Умываться хорошо бы два раза в день, утром и на ночь, после снятия макияжа. Утренняя процедура бодрит и помогает окончательно проснуться, а вечерняя снимает остатки грима и подготавливает кожу к нанесению ночного крема. Благодаря дополнительной стимуляции льдом процессы, происходящие в клетках кожи ночью под влиянием крема, дадут хорошие результаты.

Не ждите зиму — замораживайтесь сразу

К холодной поре мы подготовились, в морозильнике лежит запас нашей натуральной косметики. Кстати, можно удачно сэкономить место, если вытряхнуть замороженные кубики из пластиковой тары в специальные пакеты. Очень подходят пакеты, оставшиеся от купленных в магазине замороженных овощей. Они производятся из пищевого полиэтилена высокой плотности, и в них все сохраняется намного дольше и не теряет качества, потому что влага почти не испаряется. Только, разумеется, запакуйте как следует отверстие.

А ждать зиму действительно не обязательно, потому что замороженными масками можно пользоваться и сейчас, особенно если нет возможности сорвать средства прямо с грядки. Словом, становимся сами себе косметологами. И будем смешивать разные вещи, создавать средство не покупное для всех, а именно для нашего типа кожи.

Наш девиз — твори, выдумывай, пробуй!

Основой для любой маски может стать мука, овсяная или пшеничная, это не важно. Смешиваем с нашими активными добавками, то есть размороженными соками, отварами. Или добавить желток, мед, нерафинированное растительное масло.

А когда необходимо отбелить кожу — добавляем кисломолочные продукты или соки цитрусовых. Отеки с нежной кожи вокруг глаз уберут замороженные настои липы, петрушки, шалфея или ромашки. Помните: сначала протираем кубиком, потом добавляем в маску.

Важное и главное

Научитесь правильно определять, какие травы, фрукты, ягоды подходят именно вашему типу кожи. А то ведь можно и навредить. Для жирной лучше использовать плоды с кислым вкусом, можно даже недозрелые, зеленые. Для сухой — сладкие и спелые. А нормальной и комбинированной — сгодится все. Только их надо регулярно чередовать. Из щавеля, например, приготовьте отличный витаминный лед. Один стакан измельченной зелени залить стаканом воды и кипятить в

И сорняки идут в дело

Их можно применять для нашей красоты. Например, крапива. Для очищения 2 столовых ложки измельченной крапивы залить стаканом кипятка и хорошо настоять. Не бойтесь, жечь не будет. Просто умойтесь. И не забудьте еще и заморозить. Оттаявшую смесь можно втирать в кожу головы раз в неделю перед мытьем. Хорошо укрепляет волосы и предохраняет от перхоти.

Для сухой кожи, чувствительной и склонной к раздражению, пользуйтесь свежими листьями подорожника. Витаминным и бактерицидным свойствами обладает настой из чистотела. Одуванчики прекрасно питают и насыщают кожу витаминами. Такое же действие у мать-и-мачехи. Лосьон из мяты полезен для очищения жирной кожи.

Не упускайте возможности пользоваться эффективной природной косметикой. Возможно, она сэкономит ваши деньги и продлит вашу красоту на более долгое время, чем всякие кремы. □

течение двух минут, процедить и заморозить уже известным нам способом. Щавель улучшит цвет лица, успокоит раздраженную кожу.

Умываться замороженным соком малины полезно для жирной, пористой кожи. Он действует как бактерицидное средство и снимает сальный блеск. Для остальных типов кожи хорошо накладывать аппликации из малины и молока. Кубик разморозить и смешать с молоком в пропорции 1:1. Смочить салфетку и наложить на лицо на 15—20 минут. Маска может быстро высохнуть, поэтому прикройте ее мокрым полотенцем.

Черная смородина хороша, когда появляются первые морщинки. Прекрасно тонизирует кожу.

Маска из помидоров отлично отшелушивает верхний отмерший слой клеток. Скраб делается так. Одна столовая ложка замороженного пюре плюс столько же творога и молока, плюс чайная ложка нерафинированного растительного масла и немного соли. Нанести смесь на 15—20 минут, смыть теплой водой, и вы — красавица!

Персики и абрикосы замораживаются ломтиками. Питают и тонизируют сухую кожу. Слегка оттаявшие ломтики положить на лицо и накрыть сверху влажным полотенцем. Замечательно!

НЕ БОЙСЯ,

Альфред!

Он всегда нас пугал. Заставлял трястись от страха, в ужасе закрывать глаза, но потом все равно упрямо открывать их, чтобы узнать, что же будет дальше. Над ним шутили, подсмеивались и откровенно смеялись. Ни малейшего внимания в ответ — вот что значит добропорядочное английское воспитание. Он давно уже ушел от нас, но человечество до сих пор продолжает благодарно пугаться...

Толстяк у иезуитов

Детство Альфреда Джозефа Хичкока не предвещало ни блистательной карьеры режиссера, ни всемирной известности. Больше того — оно вообще ничего не предвещало. Сын лондонского бакалейщика был невелик ростом, толст и неуклюж. Родители, ревностные католики, решили, что получать образование мальчику лучше всего будет в иезуитском колледже святого Игнатия.

Помимо математики, английского языка и пения, иезуиты преподавали воспитанникам «науку жизни». Толстой резиновой палкой по

мягкому месту. Но ученики сами должны были назначать день наказания и обыкновенно откладывали его на конец недели, а потом семь дней тряслись от страха. Наверное, именно иезуитам мы обязаны появлению знаменитого хичкоковского приема «саспенс» — напряженное, тревожное ожидание беды, которая неминуемо должна произойти.

Вряд ли после такой школы Альфред проникся любовью к католической церкви, скорее, напротив, стал ее соперником: она методично пыталась спасти человеческие души, а он столь же методично повергал их в ужас.

Но это будет еще не скоро, а пока юному толстяку всего 16, и он ищет. Себя, профессию, будущее, способ выжить в этом мире. Умирает отец, и, как бы кошунственно это ни звучало, освобождает Альфреда — теперь он волен поступать, как ему вздумается. Первая мысль Хичкока отнюдь не была здравой: он пытается уйти на фронт добровольцем. Но из-за физических данных его зачисляют только в резерв и готовят в подрывники. Однако он быстро бежит оттуда: окрики ефрейтора, ранний подъем и жесткая дисциплина слишком сильно напоминают иезуитскую школу.

Он понимает — надо работать, зарабатывать себе на жизнь. Кем работать? Да не все ли равно...Ну, вот хотя бы...художником титров на киностудии!

Взрослая жизнь

В 1920 году в Лондоне открылась киностудия «Ласки». Вскоре после открытия туда поступил на работу некто Альфред Хичкок. В нем не было ровным счетом ничего примечательного, кроме, разве что, невероятной стеснительности. Этот малый неплохо рисовал, да и вообще — ему так удобно было пору-

чать что-нибудь: «Альфред, проследи, чтобы актеров накормили!», «Хич, присмотри за монтажниками, а то опять напортачат!» Вот так, присматривая и прослеживая, Хичкок дорос до помощника режиссера.

Он не шел «в искусство» с тем детским восторгом, с которым это делают люди, уже видящие себя в будущем великими — актерами, режиссерами, неважно. Он ушел в кино, как уходит в монастырь — с одной единственной целью — спрятаться поскорее от мира, который не любил его, и к которому он сам относился с циничной прохладцей.

С работой все более или менее ладилось — уже скоро Альфреду предложили поставить первый самостоятельный фильм — «Сад удовольствий». Картина имела успех: лондонская «Дейли экспресс» публикует статью под названием «Молодой человек с хваткой льва». А «лев» в 25 лет оставался девственником...

Хичкок, как огня, боялся жизни. Насколько велик станет он потом в кино, столь же беспомощен он был в быту. Неизвестно, что случилось бы с ним, если бы не миниатюрная женщина по имени Альма Ревиль, которой удавалось всю жизнь властвовать над тем, кто сам предпочитал властвовать...

Мистер Ревиль

Неприспособленность Альфреда к жизни доходила до комизма. Достаточно вспомнить съемки его первого фильма...

...Альма, согласившаяся стать его ассистентом, задержалась в Лондоне, а Хичкок поехал на съемки в Италию. Поезд отправляется ровно в восемь — в семь пятьдесят шесть исполнитель главной роли хватается за голову, сообщает Хичкоку, что забыл свой грим-кейс, срывается с места и убегает. С опозданием на десять минут состав трогается с места — и в этот момент через путевое ограждение перемахивает, потрясая грим-кейсом, актер, за которым бегут трое полицейских. Он на ходу прыгает в последнюю дверь последнего вагона, а у Хичкока прибавляется несколько седых волос.

Новая седина появилась у него на австро-итальянской границе: перед тем, как в вагон вошли таможенники, оператор сообщил Хичкоку, что руководство компании велело провозить кинокамеру и пленку контрабандой. Пленка спрятана в багажном отделении, а камера — под

креслом Хичкока. Камеру итальянская таможня не находит, зато конфискует пленку. В результате, Хичкок теряет съемочный день, на следующее утро закупает на двадцать фунтов стерлингов пленки, а вечером ему сообщают, что прибыла конфискованная пленка, за которую надо уплатить двадцать фунтов штрафа. Он расплачивается и с ужасом обнаруживает, что у него больше не осталось ни гроша — остальные деньги украли в ресторанчике, где Хичкок плотно пообедал.

Один фунт он занимает у оператора, пятнадцать — у главного героя. Теперь можно, наконец, начинать съемки. По сюжету, героиня должна утопиться, но актриса отказывается прыгать в воду — накануне она сильно простудилась. Хичкок подбирает статистику из местных, но та оказывается чересчур плотной комплекции, и спасающий ее из пучины перол сам падает в воду.

Хичкок получает деньги из Лондона, но тут с него берут штрафы за превышение багажа и вагонное стекло, которое он разбил чемоданом, решив сэкономить на носильщике. Съемки должны продолжиться в Германии, но на мюнхенском вокзале Хичкок обнаруживает, что у него остался всего один пфенниг. Ужас, охвативший Хичкока с начала съемок, достигает кульминации, но тут приезжает Альма, и все встает на свои места. Она идет к американской кинозвезде Вирджинии Велли, которая играет главную роль, плетет ей бог знает что и занимает у нее двести долларов. Хичкок благополучно заканчивает фильм. Bravo, Альма!

Эта миниатюрная, рыжеволосая решительная женщина стала нянькой для большого ребенка — Альфреда Хичкока. Без нее он не мог прожить и дня. Она стала для него всем — сценаристкой, ассистенткой,

правой рукой во всех практических вопросах, матерью его дочери. Альфред сдувал с нее пылинки, но лишь потому, что понимал: без нее он оступится, упадет, потеряется и ничего не найдет... Может, он и любил ее, как умел. Однако близкие друзья утверждали: «В этой семье было все: уважение, терпение, дружба, все, кроме любви...» Может, любви и не было, но когда Альма тяжело заболела (у нее обнаружили рак) муж положил ее в самую лучшую клинику, хлопотал вокруг нее, не знал, чем услужить.

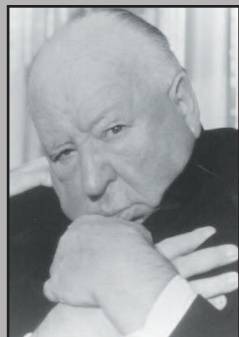
После того, как Альма умерла, у Альфреда оборвалась последняя связь с внешним миром: он стал больше пить, но в доме все оставалось так, как было при ней: те же вешалки в шкафу с ее платьями, ее лекарства на столике у кровати, даже книга, которую она читала в последние дни, была открыта на той же странице...

Режиссер-неудачник

Кинорежиссер Альфред Хичкок снял 53 фильма. Он постоянно искал новые кинематографические приемы, экспериментировал со звуком, цветом, стереофонией, пространством, ретроспективным повествованием. Он делал все, чтобы заинтересовать публику. И, разумеется, напугать.

На премьерах его фильмов публика визжала от ужаса, у особо чувствительных зрителей случались нервные расстройства. После премьеры «Психоза» (1960) режиссеру звонили разгневанные отцы семейств: «Моя дочь вот уже две недели не заходит в ванную — она боится, что там прячется маньяк!»

Хичкока номинировали на «Оскар» 6 раз, но каждый раз приз «уплывал» от него. Рок? Судьба? Но Хичкок не был честолюбив. Никто до сих пор не может точно сказать,

каким же он был. Наверное, самый распространенный эпитет — странный...

Странный...

В фильмах Альфред Хичкок шутил редко, зато в жизни он обладал незаурядным чувством юмора. Настолько незаурядным, что друзья и знакомые Хичкока подчас боялись его шуток больше, чем его фильмов.

Одной актрисе, живущей в доме с центральным отоплением, он как-то преподнес две тонны угля, другую пригласил на обед, где все блюда, включая суп и десерт, были выкрашены в голубой цвет («Правда, красиво?»), третьей на день рождения прислал четыреста копченых селедок — Хичкок знал, что бедную девушку мутило от одного

запаха рыбы. Он не щадил никого, дарил своим ютившимся в маленьких квартирках коллегам чудовищных размеров шкафы и кровати, которые им нигде было поставить, а хорошо воспитанных гостей сажал на особые диванные подушки, которые немедленно издавали громкий неприличный звук. Известнейшего актера сэра Геральда дю Морье он как-то пригласил на бал-маскарад. Тот пришел в костюме турецкого султана и... обнаружил, что все остальные гости одеты в смокинги.

Детей Хичкок тоже не любил: они напоминали ему о собственном унылом детстве и о том, как его дразнили уличные мальчишки. Пятилетней дочке своей примадонны Типпи Хедрен он подарил куклу, изображавшую ее маму лежащей в маленьком сосновом гробике. До

сих пор Мелани Гриффит (та самая маленькая девочка) с ужасом вспоминает о подарке режиссера. После того, как актеры отказались сниматься на самой вершине колеса обозрения, Хичкок загнал туда родную дочь, страдавшую боязнью высоты. Дочка, впрочем, все отрицала: она-де сделала это по доброй воле, так как папа пообещал ей сто долларов. (Денег Хичкок так и не отдал...) Он любил делать несчастными других — и сам был глубоко несчастен.

Общаясь с режиссером, многие люди впадали в ступор от его бесконечных монологов ни о чем: он поистине был кладезем ненужных сведений. Многие объясняли это тем, что, страхуясь от случайностей непредсказуемого и опасного мира, Хичкок изо всех сил изучал его детали. Снимая фильм, он скрупулезно разрабатывал биографию героя, уяснял, какого цвета волосы у его ни разу не появившейся на экране жены, как звали его покойную тетю и черепаху, которую ему подарили на пятилетие. О том, что он в мельчайших деталях разрабатывал маршруты и планы, не приходится и говорить. Позднее это перешло в манию — Хичкок коллекционировал автобусные и пароходные маршруты, расписания поездов, имена портных, содержание ресторанных меню и различные способы жарить свинину. И все эти знания он мог вываливать на случайного собеседника часами...

Эйфелева башня

С 1925 по 1939 годы Хичкок работал в Англии, где его называют теперь сэр Альфред (он удостоен рыцарского звания), а потом переехал в Голливуд, где его называли Хич и считали крепким ремесленником коммерческого кино. До сих пор Англия и Америка «делят» Хичкока,

называя его то английским режиссером, то американским. Но разве гения можно делить?

Он умер 80-летним в 1980 году. Драматург Дэвид Фримен, бывший свидетелем последних дней жизни знаменитого режиссера, говорит, что Хичкок был похож на Эйфелеву башню — «штуку, которую знаешь всю жизнь и, когда наконец видишь, не веришь в ее реальность». В свое время их обоих — и толстяка Хича, весившего 167 кг, и долговязую башню, воздвигнутую за десять лет до его рождения, считали уродливыми. Но потом свыклись, и оба стали живыми символами эпохи...

Мы до сих пор смотрим его фильмы, боимся, но так редко вспоминаем человека, который сам был до смерти напуган этой жизнью... □

ХОЛОДЕН СЕНТЯБРЬ, ДА СЫТ

Сентябрь для наших предков был месяцем знаковым, поворотным. Неудивительно, что до петровских реформ именно в сентябре отмечался новый год, привязанный к двум очень важным жизненным циклам.

Первый — погодный. В сентябре лето почти со всей территории России уходило, открывая дорогу холодам и ветрам. Второй — сельскохозяйственный. Урожай собран, обработан, ссыпан и заложен в закрома. Пора думать о новом урожае, а значит, и о новом годе.

Первый осенний месяц называли листопадом, что вполне логично. Было и другое название — ревуn. Когда начинали задуть осенние ветра. Особенно это касалось северных областей. Но к середине — концу месяца ждали улучшения погоды — бабьего лета. Солнце еще греет, но холодные росы уже дают о себе знать. Сегодня же бабьим летом называют любые погожие деньки, выпавшие на сентябрь.

В сентябре — первый осенний месяц — обычно приступали к сбору урожая овощей. Так, 1 сентября,

на Феклин день, старались убрать свеклу. Пятый посвящали исключительно борьбе с нечистой силой. Урожай стремились спасти, главным образом, от лешего, который в это время, согласно поверьям, был необычайно зол. Он забирался в лесную чащу и заманивал туда людей ауканьем, свистом и окриками.

Спасались от него, надевая рубаху наизнанку, а снопы хлеба охраняли круги, начерченные вокруг них коcherгой.

К концу первой декады в лесах поспевала брусника. На ее сбор отправлялись все деревенские бабы с ребятиной. Через несколько дней шли собирать последний в году урожай грибов (третий). Восьмого сентября, на Натальин день, который еще называли овсяницами, убирали овес. И сразу из нового урожая спешили сделать овсяные блины, первый из которых всегда оставля-

ли домовому, чтобы тот не буянил, а помогал хозяйке: стерег припасы и приглядывал за скотиной.

На 14 сентября по старому стилю приходилось празднование нового года, но при Петре любимый народом праздник перекочевал на зиму. В этот день отмечали еще один праздник — новоселье. Если не было никакихотячающих обстоятельств (пожар, потоп и прочие стихийные бедствия), в новый дом старались въехать именно 14 сентября. Не обходилось и без обрядов. Первым делом в новую хату переселяли домового. Как, спросите вы, ведь его не существует? Для наших предков он был существом более чем осязаемым. Первым делом в дом вносили горшок с углями из старого очага. Считалось, что именно в них домовый переезжает на новоселье.

История с кошкой, которую нужно первой пускать в дом, появилась позже. Но это нисколько не

умалывает ее значения. Если при помощи горшка и углей переселяли домового, то кошка, выражаясь современным языком, занималась фэн-шуйем. То есть определяла наиболее благоприятное с биоэнергетической точки зрения место в избе. Где кошка ложилась — ставили кровать молодых. Подле — детскую люльку.

Почему именно кровать молодых? Да потому, что сентябрь испокон веков считался месяцем свадьбы. А молодоженам нужно ведь где-то жить, вот и скатывали им новые избы. Ну, а где крыша, там и полаты...

В некоторых деревнях Черноземья в чести был другой обычай — в доме на ночь запирали петуха. Верили, что он не только разгонит всю нечистую силу, но и снимет сглаз, зависть и порчу с новостройки.

Другое поверье выглядело не таким обнадеживающим. Из людей

сначала в дом входил пожилой, ибо считалось, кто первым переступит порог, тот первым же и отправится на встречу к предкам. Проще говоря, умрет.

17 сентября — Неопалимая Купина. Как нетрудно догадаться из названия, икона этого праздника должна охранять весь год дом от пожара. Следующий же день — день гаданий. Велик был искус сходить к гадалке и попытать судьбу. Особенно этим грешили молодые, незамужние еще девушки.

21 сентября, в день Пресвятой Богородицы, родня приходила в гости к молодоженам. Посмотреть, как живут, поучить уму-разуму. Молодые до мельчайших подробностей показывали домашнее хозяйство. Потом, как водится, родню богато угощали.

В середине сентября собирали рябину, потому что после первых заморозков она теряет свою горечь. Но в сборе урожая люди никогда не усердствовали, всегда оставляли половину ягод на ветвях — не забывали о птицах.

28 сентября — день Никиты осеннего. Именно в это время заканчивается бабье лето и начинается осень. Еще в этот день устраивали гусиные бои. Говорили — гуси с Водяным водятся, потому и не тонут. Победившего в боях гуся, отрубив ему голову, приносили в жертву Водяному, чтобы не серчал. А отрубленную голову оставляли дома для того, чтобы домовый не беспокоился и не волновался попусту. Ведь всем было достоверно известно, что весь скот и птицу домовый пересчитывает именно по головам.

По поведению животных наши предки определяли погоду. Если гусь стоит над лужей — скоро заморозки. Если плещется — тепло задержится еще на несколько дней.

Летят журавли высоко, скоро и «молча» — к холодам. Низко, неспешно и «разговаривают» — к долгой теплой осени.

Исчезли змеи и ужи — зима скоро. Медведь в берлогу залег — к скорым снегопадам.

Не забывали и о растительных приметах. Много ягод на рябине — зима выдастся лютой. Заготавливали ее в прок, чтобы потом делать рябиновый квас. Мало ягод — будет осень долгой и теплой, а зима — поздней и мягкой. А уж если на дубу много желудей уродилось — быть зиме суровой и снежной. А если листья на вишне держатся — сколь бы снега ни выпало, весь сойдет в первую же оттепель.

В последние дни сентября на юг собирались дикие гуси. И любой охотник считал великой удачей увидеть тот момент, когда стая собиралась на болоте перед отлетом. Считалось, что тот охотник весь год удачлив в промысле будет.

Тем сентябрь и заканчивался, а октябрь начинался. Убирали последние овощи с огородов и готовились к большому празднику — Покрову. □

ЗАПЕКАЙ!

Евгения Гордиенко

- Бэрримор, а что у нас на завтрак?
- Овсянка, сэр!
- А на обед?
- Овсянка, сэр!
- А на ужин?
- Запеканка. Из овсянки, сэр!

Из овсянки тоже можно. Можно практически из чего угодно: из мяса, рыбы, овощей, макарон, творога, риса, манки, фруктов... Из всего вместе и по отдельности. Это — запеканка.

Как делают запеканку? Берут что-нибудь, нарезают это небольшими кусочками или натирают на терке, смешивают, заливают еще

чем-нибудь и ставят в духовку. Причем не мы одни этим занимаемся. Идеи, как известно, витают в воздухе, а уж хорошие — тем более. Так что, аналоги запеканки есть практически во всех кухнях мира.

Готовить сегодня будем блюда если и близкие по сути, но очень далекие друг от друга. Общее же в них то, что их... Верно, за-пе-ка-ют.

Первое блюдо — простое до неприличия. Творожная запеканка. Берем килограмм творога. В принципе, любого: хоть рыночного, хоть в пачках. Лишь бы не жидкого. Вбиваем в этот творог 4 яйца и хорошенько размешиваем. Потом туда же всыпаем 6 ст. ложек сахара и 4 ст. ложки манной крупы. Еще раз перемешиваем всю эту массу. В общем-то, можно и так есть, но мы же запеканку готовим, правильно? Поэтому всыпаем туда еще горстку промытого изюма без косточек, выкладываем в смазанную маслом и посыпанную сухарями или мукой форму. Сверху смазываем тонким слоем сметаны (это чтобы корочка румяная получилась) и ставим в духовку минут на 40—50. Всё! Это базовый вариант. В качестве лирического отступления можно изюм заменить любыми сухофруктами или даже свежими фруктами. Но тогда из них нужно предварительно удалить жидкость, иначе рискуете получить творожный суп. Можно фрукты смешать с творогом, а можно выложить слоями — такая картинка получится!

Обратим взоры за пределы Родины. В Италию, например. Кухня потомков древних римлян была и остается у нас популярной — растущее количество итальянских ресторанов это подтверждает. Но не на тех напали — мы в ресторан не пойдем, мы сами приготовим! Лазанью! Это как раз итальянская запеканка. На основе (кто бы сомневался) пасты.

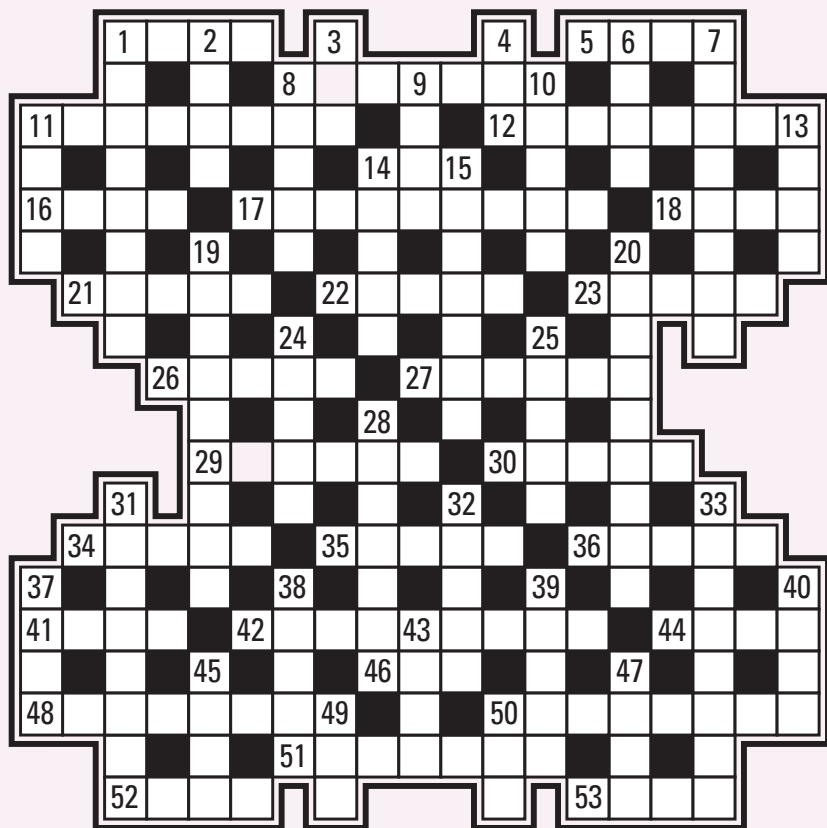
Итак, для начала обжариваем 400 гр. говяжьего фарша на среднем огне минут 5. Чистим 2 луковицы, режем кольцами и опять же жарим. Потом туда же добавляем 400 гр. нарезанных шампиньонов и жарим вместе с луком до тех пор, пока не выпарится вся жидкость.

Мелко порубить пучок базилика, смешать его с 2,5 стаканами томатного соуса. Это будет часть заправки. Вторая часть — соус «бешамель». Этого названия пугаться не надо — надо готовить. Вот как: растопить в сотейнике 100 гр. сливочного масла, всыпать туда 3 ст. л. муки и жарить, постоянно помешивая, 3 мин. Влить 1,5 стакана молока и, не прекращая мешать, варить на медленном огне, пока не загустеет, 5 мин. Добавить щепотку мускатного ореха, соль и перец. Вот и весь «бешамель».

Теперь берем 16 листов для лазаньи (это — как макароны, только пластинами, продается уже практически везде) и варим их до полуготовности. Лучше — по отдельности, чтобы не слиплись. На дно прямоугольной формы налить полстакана томатного соуса, выложить 4 листа лазаньи. Сверху выложить половину грибов, добавить стакан томатного соуса и 100 гр. тертого сыра. Следующий слой — из 4 листов теста. Теперь — мясо и еще стакан томатного соуса. Опять 4 листа теста. Поверх выкладываем оставшиеся грибы, еще 100 гр. сыра и накрываем все оставшимся тестом. Посыпаем сыром и накрываем форму фольгой. Ставим в духовку, разогретую до 190 С. на 30 мин. Затем, чтобы на лазанье получилась аппетитная корочка, снять фольгу и поставить форму обратно в духовку на 10 мин.

Вот и вся лазанья. Вариантов начинки для нее — множество. Можно готовить ее с овощами, сыром, разными видами мяса и прочая, и прочая ...

И вот что я вам скажу напоследок: если в вас вдруг проснется художественный дар или кулинарная фантазия, приготовьте запеканку — и ваш талант раскроется в ней с самой неожиданной стороны! ▢

По горизонтали. 1. Надоедница, которую охотно ловит и ест оса. 5. Повеса-шутун, часто и нахал. 8. Сын К. Фофанова, поэт, «первый ученик Северянина» (К. Чуковский). 11. Плод сердца и разума. 12. Много обещающий человек, рвущийся к депутатскому корыту. 14. Эка ...! — говорили прадеды о важной особе. 16. Король французской моды до Пьера Кардена. 17. Эпоха, когда творили Микеланджело и Рафаэль. 18. Блюдо, какое на Украине едят с пампуш-

ками, натертыми чесноком. 21. Песенная стюардесса. 22. «Отец» Незнайки и его многочисленных друзей. 23. Ладонь с пальцами. 26. Немецкий композитор, чья «Крейслериана» помогла родиться «Крещеному китайцу» А. Белого. 27. Заведение, где к каждому подходят со своей меркой. 29. Ученик Б. Торвальдсена, приехавший из Дании в Петербург, где в 1841 году основал фабрику по производству терракоты. 30. Обшаривание с целью уличить. 34. «Фигура продавца за весами правосудия» (Г. Малкин).

35. Человек, сидящий не по своей воле. **36.** Итог обжорства. **41.** Французский художник-фовист, считавший, что Матисс открыл для других музыку цвета. **42.** Рукопись за подписью самого автора. **44.** Опавший и заледеневший у С. Есенина. **46.** Самый затянутый роман В. Набокова. **48.** Пятнистый способ мимики у людей. **50.** Звонкий рубль на Руси. **51.** Живой вертолет, приятель Малыша. **52.** Спальное место со снами о свободе. **53.** Место, куда в старину ходили смывать грехи.

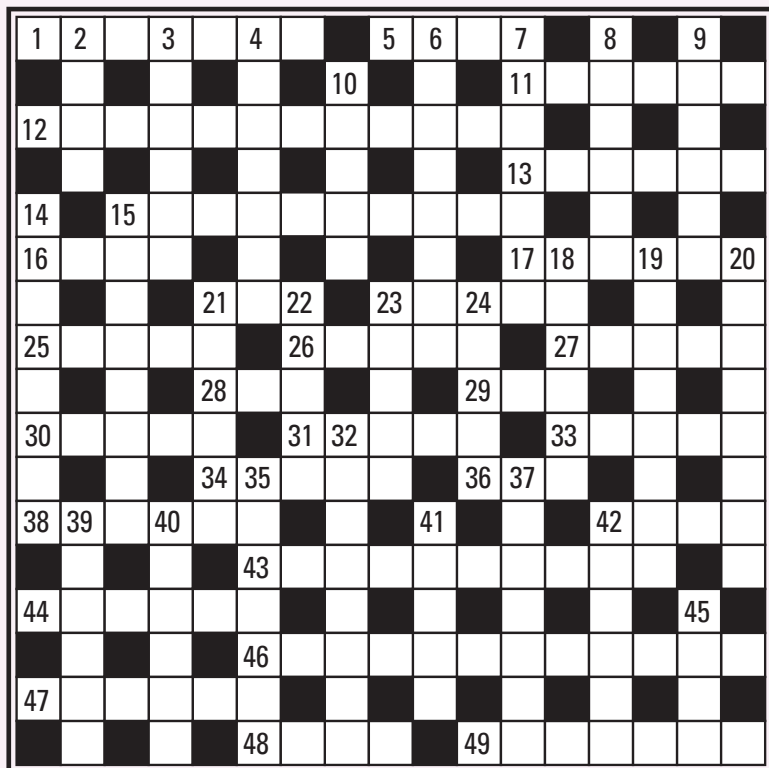
По вертикали. **1.** Фонвизинский молодец. **2.** Непорядок, создаваемый на порядок легче, чем порядок. **3.** Пиво, какое хлещут в Шотландии. **4.** Сцена для выступления глухих. **6.** Самая народная буква старого алфавита. **7.** «Качество, грозящее последней рубашке» (Ф. Искандер). **8.** Приспособление, заставляющее вертикаль ходить по ниточке. **9.** Планета с жизнью под вопросом. **10.** Эмалированная купель. **11.** «Событие, описанное людьми, услышавшими о нем от тех, кто его не видел» (Э. Хэббард). **13.** Маман у Ипполита Матвеевича Воробьянинова. **14.** Не тот человек русского фольклора. **15.** «Лучшее

украшение истинно глубокой мысли» (Л. Вовенарг). **19.** Человек в духовном опьянении, согласно Д. Байрону. **20.** Поэт, считавший «перо» М. Хераскова скучнейшим. Он определил его стихотворство как «торжество посредственности». **24.** Знание, покрытое мраком. **25.** «Заселение черепной коробки взрывоопасными предметами» (И. Холин). **28.** Долгий житель. **31.** Поэт, чей Пегас не лошадь, а осел. **32.** Принцесса Уэльская, ставшая, как считают некоторые аналитики, жертвой охоты на принца Чарльза. **33.** Заведение советского общепита с обширным меню отсутствующих блюд. **37.** Каждый персонаж картины Ван Гога, написанной в темно-коричневых тонах. **38.** Горьковский Челкаш как оборванец. **39.** Задиристый демон плодородия в греческой мифологии, хлещущий вино и ухлестывающий за нимфами. **40.** Провокатор жажды. **43.** Кумир до потери сознания. **45.** Усыпительная жидкость. **47.** Столпотворение рыбьих яиц. **49.** Болезненное горение. **50.** Певец с корейской фамилией, часто выступавший в телепередаче «В нашу гавань заходили корабли», пока канал не прикрыли.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 8

По горизонтали. **3.** Яхтсмен. **11.** Система. **12.** Рецепт. **13.** Браслет. **14.** Отгул. **10.** Зерно. **11.** Баскетбол. **12.** Посад. **14.** Ликок. **17.** Бастион. **20.** Сибарит. **21.** Наварин. **24.** Чрево. **25.** Харон. **26.** Эльба. **27.** Шарапов. **28.** Иоанн. **29.** Радон. **30.** Якорь. **31.** Фанатик. **33.** Жидомор. **36.** Моравия. **39.** Канин. **42.** Мотет. **43.** Сталактит. **44.** Цацка. **45.** Таска. **46.** Анаксимен.

По вертикали. **1.** Селадон. **2.** Ерика. **3.** Агата. **4.** Газолин. **5.** Откос. **6.** Рубай. **7.** Делиб. **8.** Юниор. **12.** Патриотик. **13.** Стивенсон. **15.** Калликрат. **16.** Кимберлит. **18.** Нахарар. **19.** Карадаг. **20.** Синоним. **22.** Варан. **23.** Ропот. **31.** Фонтанн. **32.** Комитет. **34.** Даная. **35.** Миска. **37.** Ротан. **38.** Ветка. **40.** Улика. **41.** Окрик.

По горизонтали. **1.** Зеленый стручок гороха со «слезами вселенной» в «Определении поэзии» Б. Пастернака. **5.** Объект серийных картин Клода Моне. **11.** Французский композитор, оркестровавший «Картинки с выставки» М. Мусоргского. **12.** Античное искусство осады городов. **13.** Место, куда сползают туманы. **15.** Цветок, синоним мальчика для утех в Древнем Риме. **16.** «Цивилизация — ...культуры» (О. Шпенглер). **17.** Вечный моральный закон в индуизме. **21.** Конец города, ущелья, даже одежды в Армении. **23.** Продукт, известный арабам на 800 лет дольше, чем европейцам. **25.** Аккадская богиня, предлагавшая свою любовь Гиль-

гамешу. **26.** Воздушная, лобовая, психическая, ревматическая, танковая, торпедная. **27.** А. Курпин как курсант московского Александровского военного училища. **28.** Каждое из влиятельных лиц, тех, кто, по словам Фамусова в «Горе от ума», «в Москве живут и умирают!» **29.** Автор первого в Англии плутовского романа «Злосчастный путешественник». **30.** Таежная мелочь, сулящая большие неприятности. **31.** Открытая промысловая лодка у эскимосов. **33.** Самый маленький из ушастых тюленей. **34.** Сильно страдающий лес из ели, кедра и пихты возле сибирских рек. **36.** Накидка, плащ на Востоке из толстого белого сукна. **38.** Литовский

князь, командовавший литовско-польско-русской армией в Грюнвальдской битве. **42.** Группа людей, объединенных по тому или иному признаку. **43.** Русский перевод слова «санкюлот», рожденного в 1778 году в армии Д. Вашингтона. **44.** Мыс, северная оконечность Аляски. **46.** Чувство собственного достоинства в устах А. Суворова. **47.** Самоцвет (чалчихуитл) в ритуале поклонения богу Солнца у ацтеков. **48.** Бельгийский скрипач, у которого в нашем Питере украли скрипку Страдивари. **49.** Архитектор, которому Екатерина II поручила перестроить дворец в Царицыне, после того, как она увидела масонские «навороты» В. Баженова.

По вертикали. 2. Подъязычная монета у древних греков. **3.** Гадина Королевства кривых зеркал. **4.** Конь, украденный у Казбича Азаматом не без помощи Печорина. **6.** Шашки с бросанием костей. **7.** Родная провинция Лорки, чье название неправильно писал не только М. Светлов. **8.** Шестилучевой объект на гербе И. Гете. **9.** Сборище кремлевских старцев, определявшее не только итоги подковерной борьбы, но и судьбы СССР. **10.** Героиня картины Ж. Лагрена, обвиняющая Ипполита перед Тесеем. **14.** Искусство движения, заимствованное М. Чеховым для «Тех-

ники актера» у Р. Штейнера. **15.** Героиня в басне Лафонтена, заставившая кота таскать каштаны из огня. **18.** Рылоносица на бытовом языке. **19.** Солдат-дальнобойщик. **20.** Полководец и государственный муж, чью жизнь описал его зять историк Тацит. **21.** Отводной часовой в войске атамана Платова, который, завидев неприятеля, вертелся на коне по солнцу или против, давая знать, какова его численность. **22.** Птице — крылья, человеку — ... (русская поговорка). **23.** Атласная ткань, чье название восходит к арабскому названию китайского города Цюаньчжоу. **24.** Маковое молочко. **32.** Самый известный из «Морских рассказов» К. Станюковича. **35.** Настоящая фамилия живописца Тинторетто. **37.** Преступник, каким рос Игорь в рассказе Ф. Абрамова «Сосновые дети». **39.** Плодовое дерево, чьи листья заменяют чай. **40.** Французский бактериолог, открывший в 1894 году возбудителя чумы. **41.** Добавка к офицерскому званию в русской армии (между поручиком и капитаном). **42.** Африканский зверь, которого нередко держат дома ради получения мускуса. **45.** ...да Пистоя — итальянский поэт XIV века, предшественник любовной лирики Петрарки.

Ответы на «Эрудит», напечатанный в № 8

По горизонтали. 5. Вкус... **10.** Образцов. **11.** Жасмин. **12.** Лели. **13.** Земледелие. **14.** Гурзуф. **16.** Шале. **18.** Кифаред. **20.** ...набеги... **23.** Милле. **24.** Рубин. **25.** Бес. **27.** Чобр. **29.** Пропп. **31.** Цвейг. **33.** Литра. **34.** Рапс. **36.** Тет. **37.** Муиск. **39.** Флинт. **40.** Матлот. **43.** Тонзура. **44.** Юсуф. **47.** Пиастр. **48.** Рахманинов. **49.** Иман. **50.** Навруз. **51.** Стилихон. **52.** Мысь.

По вертикали. 1. Кобза. **2.** Брамс. **3.** Эзбекие. **4.** Померанец. **6.** Клее. **7.** Сжигание. **8.** Ястреб. **9.** Хирург. **12.** Лидер. **15.** Улан. **17.** Гидра. **18.** Клипс. **19.** Дуайт. **21.** Енот. **22.** Игра. **26.** Свист. **27.** «Числа». **28.** Брань. **29.** Прам. **30.** Опыт. **32.** Гексаметр. **35.** Футуризм. **37.** ...мост... **38.** Кодан. **39.** Френель. **41.** Апилак. **42.** Люстра. **45.** Сноха. **46.** Шванк. **48.** Паус.

Минотавр

(«Minotaur»)

Режиссер: Джонатан Инглиш

Жанр: ужастик

Длительность: н'цать минут

Год выхода: 2005

Страна: Германия, Франция, Великобритания, Испания, Люксембург

В главных ролях: Том Харди, Тони Тодд, Рутгер Хауэр

Начнем-с. На древнем городе лежало страшное проклятие. Каждые пять лет жители должны были приносить в жертву страшному чудовищу, Минотавр, девять молодых горожан. Создатели, наверное, хотели экранизировать древний миф, но так увлеклись, что от легендарной истории осталось только название чудовища в виде изможденной коровы с большими рогами. Похоже, ребята плохо учили историю в школе и, в результате, придумали что-то свое. Чудо с бантиком, так сказать. Ах, да, еще появляется герой (Тео), который должен спасти свою возлюбленную от принесения в жертву. Существует только один способ — бросить вызов чудовищу поганому и убить его. Сказать, чем все закончится?

Динозавр Ми-ши: Хозяин озера

(«Mee-Shee: The Water Giant»)

Режиссер: Джон Хендерсон

Жанр: приключения

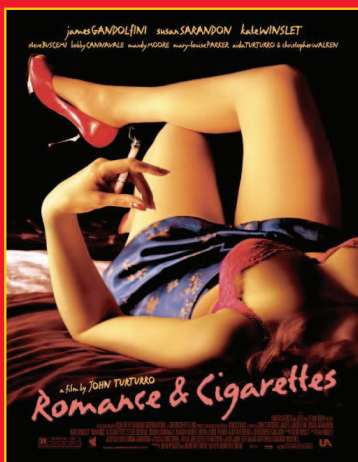
Длительность: 94 мин.

Год выхода: 2005

Страна: Канада, Великобритания

В главных ролях: Брюс Гринвуд, Джозель Тобек, Рена Оуэн

Перед нами — интересный фильм для детей, что сегодня — редкость. Конечно, премию Оскара таким картинам не дают, тем не менее, он стоит просмотра в тихом семейном кругу. Начало незамысловатое. Отец (Шон Кэмпбелл) отправился с сыном в Диснейленд, но насладиться прогулкой помешал звонок с работы, и Шону срочно пришлось выехать по важному делу. Он работал в нефтяной компании, и ему поручили отыскать потерянное рабочее оборудование в озере. Не долго думая, его сын с другом отправляются следом в город Орlando. Там они подружились с динозавром, который выручает их из беды. Интересные приключения и легкий сюжет оставят приятные впечатления.

Любовь и сигареты

(«Romance & Cigarettes»)

Режиссер: Джон Туртурро

Жанр: мюзикл с элементами комедии

Длительность: пару часов

Год выхода: 2005 (РФ 2006)

Страна: США

В главных ролях: Джеймс Гандольфини, Сьюзен Сарандон, Кейт Уинслет

Средний по всем меркам фильм, точнее, на любителя. Оценившим Чикаго и Мулен Руж посвящается. За основу взята тема настоящей любви и семейных отношений. Главный герой — рабочий, специализирующийся в строительстве и ремонте мостов, женатый на портнихе. У него — три дочери, и, казалось бы, на что жаловаться? Ан нет, он совершает оплошность и заводит роман с некой Тулой. Естественно, жена узнает и пытается как-то с этим совладать. Семья — на грани краха, но, слава Богу, герой осознает свою «дурость», рвет связь и возвращается «исцеленным» обратно. Почему люди только после серьезных неприятностей понимают, чего они могли бы лишиться?..

Вдох-выдох

Режиссер: Иван Дыховичный

Жанр: драма

Длительность: еще не посчитали

Год выхода: 2006

Страна: Россия

В главных ролях: Ольга Дыховичная, Екатерина Волкова, Игорь Миркурбанов

Еще одна картина о сложности взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Семь лет счастливой совместной жизни закончились расставанием. Почему? Просто влюбленные поняли, что совершенно не знают и не понимают друг друга. Наступали моменты, когда казалось, что, наконец, все проблемы позади, но это были только иллюзии. Разлука принесла еще больше боли, и влюбленные поняли — только в их силах все уладить. Условились о встрече, которая должна стать решающей в их отношениях. Времени мало, почему-то, всего десять часов, за которые они должны узнать друг о друге все неизвестное ранее.

Анжелика

